

В
А
В
И
Л
О
Н
З
Л

Союз молодых литераторов «БАВИЛОН»

БАВИЛОН

Вестник молодой литературы

Выпуск 7 (23)

МОСКВА ✦ **АРГО-РИСК** ✦ 2000

“Вавилон”: Вестник молодой литературы. Вып.7 (23). / Ред. Д.В.Кузьмин, Д.М.Давыдов; Союз молодых литераторов «Вавилон». — М.: АРГО-РИСК, 2000. — 220 с.

Очередной выпуск молодежного литературного альманаха включает стихи и прозу 75 авторов, представляющих различные художественные тенденции современной литературы. География сборника: от Калининграда до Новосибирска, от Ферганы до Сан-Франциско. Сверхзадача альманаха – дать портрет литературного поколения, сформировавшегося в России на рубеже 1980-90-х гг. и остающегося младшим поколением русской литературы.

ISBN 5-900506-99-1

ББК 84.Р7

Издается с 1989 года в самиздате,
с 1992 года типографским способом.

Издательская деятельность
Союза молодых литераторов «Вавилон»
осуществляется за счет пожертвований.

Обложка Дженни Курпен.

ISBN 5-900506-99-1

© авторы материалов, 2000.

© Кузьмин Дмитрий Владимирович, Давыдов Данила Михайлович, 2000 – состав.

© Курпен Дженни Шринивасовна, 2000 – обложка.

© Союз молодых литераторов «Вавилон», 2000.

ОТ РЕДАКТОРОВ

Вступая вместе с новым выпуском «Вавилона» во второе десятилетие проекта, мы оказались перед необходимостью заново сформулировать его основы. Для чего мы собираем под одной обложкой чем далее, тем, пожалуй, более разнородных авторов? Что понимать под «молодой литературой», вестником коей титулует себя наше издание?

Поколение как единица литературного процесса – идея для русского культурного сознания не слишком привычная, и в обозримом прошлом разговор о тех или иных поколенческих общностях в текущей литературе быстро захлебывался. Возможно, отчасти потому, что поколение, в отличие от литературного течения или группы, не обязано провозглашать себя, предьявляя манифест и списочный состав, его лидеры не берутся проделывать за критиков и исследователей их работу по поиску определений и очерчиванию границ. И потому еще, что поколенческая общность едва ли может выражаться в сходной манере письма, – думая и говоря об этой общности, приходится апеллировать к более общим и в то же время более тонким материям: культурная и литературная ситуация выдвигает определенный набор проблем, к которым новое поколение, вступающее на культурное поле, обязано тем или иным способом отнестись. «Вавилон» не брал на себя (что жаль) анализ этой ситуации, этого набора и этих способов: в нашу задачу всегда входило собирание и предьявление материала, делающего возможным такой анализ (и последние попытки такого анализа, предпринятые Олегом Дарком и Александром Улановым, таки проводились по преимуществу на нашем материале).

На заре существования «Вавилона» эмпирически была нащупана граница поколений: в начале 90-х была очень заметна разница между 22-25-летними – и 28-30-летними, не только и не столько в поэтике, сколько в самоидентификации, в восприятии литературной действительности и поведении в культурном пространстве. Предполагалось, что со временем в «Вавилоне» будет происходить своего рода ротация: более старшие авторы с нашей стартовой площадки постепенно уйдут в свободный полет, их место заступят новые 20-летние... Со временем стало ясно, что такая механическая схема не отвечает задаче репрезентации поколения. Авторы выросли и развивались, а граница, отделявшая их от непосредственных предшественников, никуда не исчезала – и в конце концов была осознана как граница между теми, кто успел сформироваться как автор и как фигурант литературной жизни в начале-середине 80-

х (в ситуации противостояния раздробленного, но проявляющего волю к воссоединению и структурированию, пространства неподцензурной литературы – и сколь разветвленно, столь и бессодержательно институционализированного официоза), – и теми, кто делал первые шаги по самоопределению в мире литературы на рубеже 80-90-х, на фоне радикальной ломки иерархий и грандиозной реструктуризации культурного пространства. Во второй половине 90-х снова и снова приходили новые авторы – и успешно встраивались в формируемый «Вавилоном» контекст, манифестируя свою принадлежность к тому же поколению, несмотря на вполне уже ошутимый, в 8-10 лет, возрастной разрыв (обуславливавший подчас сложные взаимодействия между более младшими и более старшими авторами внутри «вавилонского» поколения, только подчеркивающие его внутреннюю целостность). Чем яснее становилось, что поколенческое единство, отражаемое «Вавилоном», не произвольно, а нечто означает, – тем напряженнее становилось ожидание нового поворотного пункта, нового рубежа поколений, группы 18-20-летних авторов, предъявляющих какие-то новые способы культурного и профессионального самоопределения. Это ожидание, в конечном счете, привело к удвоению числа редакторов альманаха, один из коих, 1968 г.р., принадлежит к тем, с кого начиналось «вавилонское» поколение, а другой, 1977 г.р., – к тем, на ком оно должно было бы завершиться: подразумевается, что таким путем будет обеспечиваться некоторая стереоскопичность взгляда. Ну, а поскольку таковая стереоскопичность неизбежно вызывает сложности фокусировки – постольку внутренняя композиция выпуска будет строиться теперь в значительной степени на расхождениях в видении соредакторов: с авторами, отобранными для публикации солидарным решением, будут чередоваться те, кого представляет один из соредакторов. Выкристаллизуется ли в такой конкуренции подходов более подробная и отчетливая картина «вавилонского» поколения, и поможет ли это оперативно заметить чаемый новый перелом, – время покажет...

Данила ДАВЫДОВ (ДД)
Дмитрий КУЗЬМИН (ДК)

П

Вечер в Царском Селе

О

Л

И

Н

а

Б

А

Р

С

К

О

В

А

С
А
Н
К
Т
-
П
Е
Т
Е
Р
Б
У
Р
Г
—
Б
Е
Р
К
Л
И

Ахматова с Недоброво
 Гуляют в сумерках по парку,
 Который просится в ремарку
 (Допустим: «Парк. Сентябрь.»). Его
 Волнуют сплетни, вести с фронта,
 Его последняя статья.
 Её волнует горизонт
 Косая линия, скамья,
 Приросшая к большому дубу,
 Неразрешённая строка.
 Он говорит: «Я завтра буду
 В «Собаке». Ты со мной?» Пока
 Он ждёт ответа, Анна смотрит
 На стекленеющую тень
 Свою и чётко произносит:
 «Сегодня был ненужный день».
 Его волнует, даст ли Анна.
 Она-то знает, что не даст.
 Куски тяжёлого тумана
 Бросает небо, как балласт
 Бросает гибнущий воздушный,
 Коварно непослушный, шар.
 Недоброво срывает душный,
 Колючий, неуместный шарф.
 Он хочет знать! Она не хочет.
 Она уже полубормочет
 Решенье той смешной строки
 И вдруг, о Господи! хохочет...
 А ночь им лижет башмаки.

Я пишу сочинения по русской литературе по сто долларов за штуку

Едет Пушкин на коне,
 приближается ко мне:
 «Ты зачем меня тревожишь?
 Я погибши на войне
 и спешу к своей жене
 рассказать о страшном сне:
 Лермонтов лежит в снегу.
 Ты зачем меня врагу
 выдаёшь? Сожмись, замолкни —
 ни полслова, ни гу-гу!
 Мы не то что аз да ять,
 мы — глаголы *пить* и *спать*,

мы – глагол *смотреть-на-волны-*
и-с-приятелем-гулять.

Ты тяжёлым языком
прижимаешь к горлу ком
затхлой праздности, ты в раны
наши тычешь кулаком...»

«О, послушайте меня...
Нет у Пушкина коня,
нет у Лермонтова снега,
нету ночи, нету дня...
Только ручка, как солдат,
под бомбёжкой букв и дат
жалко мечется и воеет.
О, послушайте меня!
Вы не знаете, что вы
написали. Вы – мертвы.
Дневники живут иною
жизнью в шкафчике вдовы
написавшего. Увы?
Я вас стану изучать,
новой жизнью прельщать,
ноги мыть и чистить ногти,
тёмным пивом угощать.»

«Нет, не надо,» – говорят.
«Всё неправда, – говорят. –
Ты неправда. Мы неправда.»
«Прочь от ада,» – говорят...

Молитва II

Господи, снизойди до меня своею печалью
В этот блестящий полдень, этой прозрачной ночью,
А то я уже забыла, как это бывает.
Как мы с моею любимой девочкой, уходя в молчанье,
Скребли по банке сгущёнки фамильной ложкой,
А на Литейном ширился гром трамвая.
Как мы потеплей одевались и направлялись к Саду,
Покрикивая на сумасшедшую улыбчивую собаку,
Подстерегавшую утку и караван утят.
Как, выходя к каналу, огибали ограду.
Как наощупь двигались по осеннему мраку.
Как жизнь моя мне казалась
Списанной с тебя, написанной для тебя.
Как мы беспощадно шутили о наших любовниках,
Лица их еле помнили, путали имена.

И точно так же шутили о наших покойниках,
Легкомысленно нас покинувших, оставивших нас на...
Долго ставили чайник, резали сыр и булку,
Открывали Поплавского на самом длинном стихе.
Собака блаженно жмурилась, вспоминая прогулку,
Волны на воспалённой наводнённом реке.

**Una furtiva lacrima,
или 26 января 1996 года**

Кошка, облитая кислотой, дует на снег.
(Химик коварный её прикормил – вот результат.)
Было явление мне нынче во сне,
Будто в каком-то условном году – память назад! –
Жил император, алхимик, знаток
Милых чудес.
Днём он ходил на каток
И держал локоток
Спутника, а по ночам...
А потом он исчез.
Спутник, стекая рыданьем, кричал: «Колобок!
И от меня и от Луция Афра убёг,
И от Корнелии, и от Коринны, стервец!
Плесень ползёт во дворец!»

Рядом лежавший проснулся, услышав меня.
Слёзы мои торопливо пила простыня.
Как-то картинно дрожала моя голова,
В руку лежащего рядом дышала слова:

«Не уходи, император, алхимик,
Флегматик с фальшивым лицом,
Кончивший прямо в могилу,
В агонии ставший отцом,
Бывший отцом этой братии –
Тусклой, губастой, рябой.
Не уходи, или лучше,
Значительно лучше –
Возьми нас с собой.
Нету тебя без тебя.
Философский твой камень – фигня.
Ты совратил, когда было одиннадцать мне,
А теперь – без меня?!
Ты совратил меня буквой своей
С козырьком и пузцом,
Питерских чёрных аллей
Летаврическим чудо-дворцом,

Миром, воспетым тобой,
 Ты ноги раскрыл, как сердца.
 Я, как известный кузнечик,
 Ждала ли такого конца?
 Я – Магдалина, Мария,
 Я – Пётр, я – злосчастный петух,
 Трижды смущавший евреев
 Разборчивый слух.
 Сны-предсказанья-стихи-похорон-беготня.
 Я ненавижу тебя без меня и себя без меня.»

Чёрный ход

Кто о чём говорит.
 Кто ни о чём говорит.
 А я говорю о том,
 что горит, горит
 сердце моё в
 направленьи тебя,
 словно шнур бикфордовых,
 тлеет, словно июль торфяных болот
 ... сей сантимент не старится, но живёт...
 В той комнатушке в Гарлеме было черным-черно
 или (напишем маме) сине и бронзовато.
 Там деликатно было закопчено окно,
 а из матрасов нагло торчала вата.
 Там было две кровати,
 необъяснимый факт:
 вряд ли такое место знает о целибате.
 Комната, город, вечер – всё вызывало страх.
 Страх и желанье. Ибо, в конечном счёте,
 страх и желанье – вот что такое мы.
 Всё остальное тратится на дневное
 прозябанье. Мы – части тела, выступающие из тьмы,
 Давящие то на сладкое, то на больное.
 Люди были печальны, а пружина бодря.
 Даже спинка кровати постанывала и силла,
 И, когда я тебя растолкала в половине восьмого утра,
 Ты сказал: «Примерно так бедняжки под слоем пепла
 Просыпались в Помпеях, и только взглянув в окно,
 Понимали, что всё – попали, пропали, влипли».
 Гарлем – рай крематориев. Там как бы слегка темно
 Даже утром, и кажется, будто в пепле,
 Дёгте, трауре, саже и прохожие и дома
 В духе Новой Голландии, в смысле – кирпич и трубы...
 Аборигены оборачиваются на тебя *так*, что и я сама
 Оборачиваюсь на тебя – и облизываю каменеющие губы.

А
Н
а
С
Т
а
С
И
я
Т
Р
У
Б
А
Ц
Е
В
А

Утопия

Мы стали богатыми
И бедным себя раздали.
Ноги – в переходе на Курскую,
Руки – на Ярославском вокзале.

Золото Трои

Лев. Лилия. Лев. Пробел.
Звонят по кнопкам из будки тел.
– Девка – золото Трои.
Приезжайте все трое.
Ну двое. Какой, к чёрту, Сиам?
Ну и хуй с вами. Я сам.

Русская пианистка

Не забываясь о контурах лиц, едят однополые женщины.
Мода на нас до них не дошла ещё.
Они до сих пор засыпают простым сложением
В позах безвременно умирающих.
Муж это хорошо, весьма и премного.
Ухожу как следует и не прощаю.
Давай обнимемся на дорогу,
Долгую, как заросли конского щавеля.
Дохлая лисица делает два шага вперёд,
А линкор «Ритуальный» уходит в море.
Физкультурной пирамидою «Недород»
Городские дома означают горе.
По кончикам пальцев кровь из руки перетекает в рюмку.
По зеркалу титры бегут. Ко мне пристраиваются нули.
Бог из машины выходит, одёргивая юбку.
Так совершается пакт Микельанджело – Дали.
Посмотри мне в лицо, это Брейгеля бельма,
Сломанный нос и абажурная кожа.
Не быть снобом может себе позволить Эрнст Тельман.
И Жаклин Онассис может. А мы не можем.
Тепло – смотрю, горячо – молчу, поступаю – низко.
Я всегда врала тем, кто действует от сети.
Это была не лиса, а русская пианистка,
Которая шубу примерила и свалила, так и не заплатив.

М
О
С
К
В
А

P.S.
Я ходила в чёрных очках тем летом,
И подростки «Хайль!» мне вслед кричали,
И вообще приставали к штиблетам,
И никто не знал, что было вначале.

Он птичий глаз, она коробка от босоножек,
 Дети их головастики, работают в магазине пластмассовым виноградом.
 Поиграли в классики – и хватит на подарки родным и знакомым.
 За ушами пахнет лилеями, по вечерам вызываю такси, а дальше не надо.

Кино

В кинозале хватал Пазолини меня за коленку.
 Полусонные зрители тихо глядели с экрана.
 Я просилась уйти, потому что меня укачало.
 Мои лоб и затылок устроили стенка на стенку.
 Я всегда так старалась пожить, чтоб не стыдно заснять всё на плёнку –
 Без постыдных вещей, идиотских аллюзий, коленок в зелёнке.
 В провал вместе с креслом уходит наскучивший зритель.
 Я давлюсь языком на экране. Сама не своя.
 Молча стоит шестикрылый слепой истребитель,
 Готический профиль ножа поворачивая.

Треугольный лёд на кривой траве.
 Два кармана – не найдёшь.
 Всё в голове.
 Голова – серебра котёл на Ивана Купалу.
 Нести страшно, бросить жалко.

Конец

Когда объявят конец,
 Это будет как перекур.
 Кто закурит, кто пойдёт напишет на двери столовой:
 «Нет и не будет мяса коров,
 Нет и не будет мяса кур,
 Останется только Слово».
 Я не курю и писать не люблю, я зайду к тебе напоследок.
 Мы посмотрим с порога друг на друга и попросим выйти соседок.
 Я знаю, когда на части небо лунным серпом порежется,
 На четырёх плечах мир всё равно удержится.

Лень посмотреть, первое мая.
 Может, флаги за окнами.
 Стало мне жалко белой бумаги,

А спина у него широкая.
Стихи про тебя написала на нём.
Стираю быстро, пока не заметил.
А сама думаю: вот лежим с ним вдвоём,
А он потом возьмёт и напишет «Автопортрет со Смертью».

Дорогому Коле

Тебе не нравлюсь я, да ты и сам ублюдок тот ещё.
Но я раздеваюсь несомненно талантливо, незаурядно, скажем так, раздеваюсь.
А славе от тебя немного, но надо.
А я не уважаю, совсем никого не уважаю; только бессмысленно улыбаюсь.
А ты думаешь, я всегда такая, много думаешь, скоро состаришься.
Власти – долго ли, коротко ли, а будет мне власти.
Силы – много ли надо мне, будет мне силы.
Хочешь, поделюсь славой и деньгами,
Ну и что, что нет, когда будет, я стану злая.
Соглашайся со мной на любовь до Бирюлёво,
А дальше пешком недалеко и до гроба.

Итальянский неореализм

Я ему пуговицу пришивала,
А она её будет расстёгивать?
Хожу по комнате и суп сердито ем из тарелки.

✓ ✓ ✓

Волга Московская. Очередь в кассы.
Стены «Электрозаводской» оклеены мясом.
Отчего он такой напуганный и вчерашний?
Вчерашний всегда, а напуганный тем, что страшно.
Кто сегодня стучался в дверь его?
Я со вступлением В.Ерофеева.
Стихи про смерть обожают дураки и дуры.
Дождётесь, приду к вам с ножом, завернутым в газету «Культура».

Т

✓ ✓ ✓

а

спасибо что ты меня посчитал
я и сам хотел. чтобы вышел зайчик,
птичка вылетела. как-то руки не доходили.

н

а потом как настало пиф-паф
счёты зубами щёлк

и

смит и вессон по глубокому снегу
тридцать восьмого калибра ещё
шли три-четыре

с

дня ручки ножки и раз два три
человечек вышел считай
заново и пиши пропало спасибо
что посчитал

л

✓ ✓ ✓

а

азбукой пропахла гортань.
от утренней газеты чёрно в руках.
маленькие белые войска франкофонных цыган
сидят по синим казармам режутся в карты, ну
или чем там обычно бывают заняты солдатики
когда войны нет.

в

л

это вроде рисунка или, скажем, татуировки.
городская речка, прогуляйся со мной
вдоль берега. хотя бы недолго.
утренний свет бьёт в глаза сквозь жёлтые шторы.
солнечные очки щурятся недовольно
выясняется слово за слово дело, в общем, простое
тело отказывается играть по правилам.

д

в

о

вот лежит тот чьего имени знать не знают
циркуль пляшущий по воде вприсядку,
разевающий жёлтый рот голодный будильник.
это, наверное, вроде пословицы или, например, поговорки.
ты поговори со мной, если можешь.

в

с

а то, знаешь, мне как-то, никак и страшно
почему, и не знаю, но видно утро такое, листва шумит
азбука с алфавитом прямо на кухне занимаются смертью

к

 М
О
С
К
В
А

✓ ✓ ✓

и

дни насилуют в очередь клетку календаря
стрела забита по горло укутанное шарфом
вокруг происходят разборки между
Орфеем и Чеширским Котом.

й

они улыбаются, достают стволы,
ищут свидетелей вяжут морским узлом
глаза очевидцев, и с сорока шагов
входят с завязанными глазами в одну
и ту же реку как нож
в масло, которым смазано время, но хриплый
простуженный кашель ржавой воды
заставляет их обернуться на звук
крика, выстрела. болотная выпь
долгим взглядом провожает Алису
белым чем-то машет вслед Эвридике

вот мы стоим обескуражены
обезображены обесточены
повсюду мы лежим бездвижны
рабочий день закончился

*нас как-то раз научили слова различать
а это такое дело – стоит только начать
и уже никогда не сможешь остановиться*

но верёвочке быстро надоедает виться

*вот ты Нестеров петельку накинул опять
а петелька ожила
за покупками в магазин пошла*

рабочий день кончился всё обесточено
домашняя запятая
спит у блюдечка с молоком

не играет с клубком

*обескуражены мы бездвижны
всё рабочее время вышло
повсюду мелькают какие-то полужнакомые лица*

помоги мне Нестеров помоги мне остановиться

что же, товарищ мой грустный пеньковский печальный,
октябрь настал найдётся ли покупатель
на залежалые твои недомолвки? наточила уже метлу
и толчёта в ступе бдительная летучая тётя маша.

что же, пеньковский, товарищ хранитель осенний,
ангел-хранитель печальных, тактических и крылатых,
что ты стоишь за окном во мраке, хрустишь печеньем,
нерешительный бледный гамлет плывущий вслед потомаку?

знать убийство ночное замыслили эти суки,
розенкранц и гувер, бжезинский и гильденстерн.
вся в укусах блошиных танков, посасывает гертруда.
только печенье хрустит в тишине, шепчется листопад.

что же, пеньковский мой, незадачливый продавец,
гамлет задумчивый, подносящий к губам респиратор?
тётя маша летучая разлила уже иприт-люизит.
значит, конец сезона но это только начало.

это только начало большой охоты.

T.

это стишки и ничего больше.
но когда эти двое обратно пересекут польшу,
будет поздно, будет октябрь как-то невнятно.

будет поздно и, в общем, ничего не понятно.

это стишки и ничего, ладно.
нечего повышать голос, кашлять надсадно.
пожалей, братец кролик охрипшие свои связи,
не расходуй попусту анекдоты, словечки, сказки.

пригодятся *когда не будет другой отмазки.*

это стишки и ничего, пусть их.
это наша жизнь. хоть и курам на смех,
но своя родная как три копейки
и привычная как ландшафт в видеоискателе «Лейки».

это стишки и ничего проще.
даже сахар сложнее и, если по правде, слаще
тем более шоколадка, растаявшая в ладош..е.
остатётся радости, хоть немножко.

фантик, листочек серебряный рожки да ножки.

это стишки и ничего после.

плюшевый медвежонок пластмассовый серый ослик
будут долго маяться в пограничном Бресте,
вырезать силуэты друг друга из бумаги и жести.

это стишки и никогда больше.
будет поздно, сентябрь запутанно и помято,
как граница польши в тридцать девятом.
будут, в общем, потёмки. будет запутанно и невнятно,

*как чужая душа, как американская виза,
полученная по ангэльскому лендлизу.*

это стишки и никого кроме
вас двоих в пустом европейском доме.

Некролог

мой бывший друг не любил зиму,
неплохо говорил по-французски в школе
был влюблён в мою бывшую
одноклассницу, старшую дочь
ныне таже покойного поэта Владимира
Николаевича Ерёмченко.

*позднее у них было целых
три языка на двоих. слишком мало, она
обычно спала на заднем сиденье и только
изредка, просыпаясь, пускала в ход
женское обаяние и свою улыбку.*

моему бывшему другу,
вероятно, тоже понравился бы Гинзбур,
песенка про чёрный тромбон и Je T'Aime, а ещё
Бонни Паркер и Клайд
Бэрроу. хотя мой бывший друг вообще не любил
музыки считая её
бесполезным излишеством, отвлекающим от иного,
более важного тогда для обоих из нас.

*честно говоря, удалось запомнить немного:
в частности, скажем, то, как он плакал,
отвернувшись к стене. ничего
особенного, мы тогда были
совсем ещё можно сказать, детьми.*

или вот: я передаю письмо от него,
измученного фолликулярной ангиной,
небольшую записку девушке Ане,
с которой две недели назад
и сам целовался чуть ли не первый раз
в жизни в антракте
сочинённого нами двоими

вечера о Высоцком, также покойном, две недели назад,
за кулисами в школьном актовом зале,
кутаясь в бархатную пыльную штору

мой покойный друг, он любил
путешествовать, так любил. целых девять
месяцев жил в Париже за счёт
смертельно больного уже тогда
старика Миттерана. то есть за счет
правительства Французской Республики, не хочу,
чтобы вы плохо подумали о покойном.
я не делал этого почти никогда.

разве что изредка думал и говорил
не то, неправильно. но теперь неважно, поскольку,
как известно, у мёртвых или всё хорошо,
или вообще ничего, как и о них
хорошо или ничего неизвестно, нельзя
говорить плохого, – *думаю я, втыкая очередную булавку
в восковую куколку как две капли
воды похожую на него, но вотще, поскольку
мёртвым не больно.*

я тебе зима прошла ты мне скоро весна
я тебе ни открытки ни валентинки с сердечками ничего
ты сама просила договорились так ничего не знать друг о друге
даже случайно и не звонить тем более не встречаться
делать вид что мы умерли а друг другу ничего не сказали
общих знакомых осталось в москве всего кот наплакал
в том районе где ты работаешь я теперь почти не бываю теперь каждый день
сплю читаю на фиолетовой а по серой ехать немного
две остановки читать времени не хватает больше не приезжаю
вечером после работы на запад солнца в пятиэтажку
ни автобуса ни маршрутки не жду подолгу у киевского вокзала
знаешь у меня появился e-mail егор написал небольшое письмо
ленка с виталиком тоже обещают скоро ответить тая и алишер
пишут что данька уже научился почти ходить и чуть ли не говорит по-английски
спрашивают как у тебя дела если хочешь я напишу что в общем-то всё нормально
я тебе зима снова кончилась ты мне скоро весна опять
я тебе ни валентинки ни на восьмое марта цветок купить в переходе метро
ты сама просила договорились как дети от взрослых которыми скоро станем
умереть по секрету и в прошлом двоим себе оставить записку
задержимся в будущем насовсем не скучайте целуем любим рисунок подпись
я тебе зима снова кончилась как в позапрошлом ещё году ты мне в ответ
скоро восьмое марта что ты мне не подаришь я тебе не цветок не колечко

не игрушечного жирафа не открытку ни с чем ничего как ты меня попросила
общих знакомых осталось сушая ерунда маленькая непослушная чёрная кошка
с белыми лапками голос мамы на плёнке запах кофе с корицей на летней кухне
узкая кровать в простуженном блоке зона В одиннадцать тридцать четыре
я тебе что-то исчезло не мы ли это ты мне в ответ не ты я не я как понять
что мы живы если сами не знаем правда ли это и друг другу не скажем?

✓ ✓ ✓

болею заболеваю но говорю здоров
тем более что ни молока ни мёда
у меня как правило не бывает
как-то забываю купить из лекарств
один аспирин иногда кажется тебе позвонить
жалко нельзя поболтать спросить попросить
привезти молока мёда *так как заболеваю*

болею заболеваю мелкие вещи тела
валяются неживые на смоляной бочок
вроде как умирают а в ванной
ссорятся вертятся друг о друга
водяной волчок и лисичка
рядом прыгает водяная синичка
в лапках зажата спичка

как же это произошло
как далеко это зашло
выздоровливать вроде рано
не выздоравливать странно

всё остальное страшно

очень страшно всё остальное
стеклянное мясное стальное

иногда кажется
позвонить поболтать
спросить попросить
узнать как дела
пожаловаться заболеваю болею

мол заболеваю болею ни мёда ни молока
подружился с лисичкой и приручил синичку
прикормил даже страшное буратино деревянную спичку
жалко нельзя позвонить спросить откуда тоска
засыпаю болею в метро на ходу стоя
из себя для себя изображаю героя

*синичка синичка
где твоя спичка
а то очень страшно всё остальное
остальное бумажное
деревянное никакое*

*выздоровливать рано
не выздоравливать – странно
страшновато мне что-то пока живому
мёртвую воду пить из-под крана*

*жалко нельзя позвонить попросить спросить
мол заболелаю болею завелись в квартире волчок лисичка
ничего не вижу я больше выклевала глаза мои хохотушка синичка*

быстрым жребием догорает только душа короткая спичка

это ветерок хороводится *неизвестно что такое поётся*
если слово слову: не вожусь с тобой больше
это может навсегда оказаться какой-нибудь польшей
ригой москвой или ещё страшнее и дальше дальше

а морзянка свистит кричит и мяучит кошка
аспирин беснуется и шипит в стакане водопроводной
хороводятся поговорки воспалённый язык неймётся
мышцей голодной гданьским зрачком *косится в окошко*

где кварталы от неизвестно чего по ночам стынут
в сотах лапками шевелится мёд *разевает мышиный голод*
и свистит сквозняк из шипящих щелей извлечён вынут
щерится серп на ятра и беснуется молот

это может навсегда оказаться *мало ли что случится*
неизвестно как петься неизвестно чем заводиться
это может быть городом польшей *вязальной птицей*

слово слову: отчего тебе по-человечески не живётся?
аспирин заползает в гортань тихо смеётся
слово слову: чего тебе спрашивается неймётся?

морзянка москва мяучит холодком возле ятр вьётся
кошка мышке: где ты была что от нас после этого остаётся?

ничего отвечает та ничего только песенка сама по себе поётся

Т.Х.

...поздно
и нельзя постареть себя
надолго

О.П.

если поздно и нельзя как он говорил себя постареть надолго то можно запомнить всё что нельзя постареть в себе попереёк времени дня и ночи вперебивку с собой не самим нельзя как он говорил вывезти но уже и ползти трудновато и поздно если как ты говоришь это делает нас людьми то я буду лучше ничем или чем-нибудь посторонним таким небольшим предметом вроде катушки ниток с иглой с жалом стану лежать в платяном шкафу верхняя полка справа если нельзя тогда пусть нижняя слева и наволочкой или там полотенцем если нельзя катушкой иглой нельзя и метром цветной тесьмы то можно поставить себе в упрёк всё что нельзя запомнить и постареть можно поровну и совсем ненадолго на пять минут уколоться английской булавкой обернуться веретеном на ближайшее время до смерти и вертеться на ткацком станке делать наволочки полотенца и если это как ты говоришь делает нас людьми которых за шиворот зацепив волочёт часовая стрелка а потом толкает с обрыва если нельзя ничего забыть а только поставить в упрёк обвести в кружочек и если именно это как ты говоришь делает нас людьми то я предпочёл бы себя постареть надолго но быстро и не успев ни с кем попрощаться превратился бы во что-нибудь искренне никакого не имеющее ни к чему отношения наипаче ко мне но он был совершенно прав совершенно прав потому что поздно нельзя и поздно как ты верно заметила именно это делает нас людьми.

я думаю медленно и считаю
раз два три и т.д. пока не появится повод
полагать что я всё сделал правильно
именно так как от меня ожидали
родственники друзья котёнок старой подруги
комнатные цветы покойная бабушка
бывшая жена классный руководитель

я быстро читаю а печатаю как секретарша
окончившая неделю назад
интенсивные курсы то есть если вам непонятно – довольно
медленно и почти без ошибок потому что это важнее
чем высокая скорость

я твердою быстро и быстро кончаю
но сравнительно долго могу языком и всё остальное –
некоторым это важнее мы быстро с ними находим
общие интересы

я засыпаю мгновенно и сплю беспокойно
просыпаюсь иду к холодильнику открываю дверцу
шумно пью воду а потом возвращаюсь
и немедленно засыпаю снова
и сплю без снов

я пишу помногу но редко и до сих пор
не могу избавиться при этом от чувства вины
за то что трачу время впустую вместо того
чтобы заняться делом

я курю помногу и покупаю только
дешёвые сигареты потому что жалею денег
кашляю по утрам над раковиной и боюсь
рака лёгких

я выпиваю в день существенно больше
чем положено если не надоело солнышко
и мартини с оливкой нет лучше с водкой
или лучше так без мартини
всё равно сегодня
на оливки не хватит

я думаю медленно и считаю
по слогам вожу по странице пальцем
раз два три считаю кукушка кукушка
колобок колобок овечка овечка
засыпаю быстро соображаю долго
сплю обычно пока не разбудят

ДОКУЧНАЯ СКАЗКА

Маленький мальчик очень любил своих родителей, поэтому он всегда... нет, не то: маленький мальчик очень любил своих родителей, поэтому однажды он нарисовал в школьной своей тетрадке двух падающих в огонь человечков, мужского и женского, а в уголке череп с костями. «Маму с папой я очень люблю», – ответил он. – Тогда зачем же ты их так?

Ты говоришь: зачем, я говорю: зачем, да не скажешь ли ты: зачем ты так?

– Позовите, пожалуйста, Аню. – Ее нет. – А когда она будет. – Никогда не будет, она умерла. – Нет, как это – умерла? Я ведь только два часа назад с нею разговаривал. – Значит, вы, наверное, были последним, кто с нею разговаривал. Ладно, я шучу. Сейчас она подойдет. – А зачем вы так шутите? Я ведь, знаете, не люблю таких шуток, от недостатка извинлин. Вас что, давно по голове никто не ударял?

Все говорят: ты скажи, все говорят: зачем, а ты скажи: зачем ты так?

В свободное время он выучил, просто так, на разные случаи жизни, расписания работы всех больниц, моргов и прочих неприятных мест, я даже не помню каких. А один раз он упал и притворился мертвым, чтобы проверить мою готовность к экстремальным ситуациям. Я его потом спросила: зачем ты так?

Я скажу, да ты скажи, а ты скажи, действительно, зачем ты так?

Мне всегда хотелось написать своего «Мелкого беса», но в более мягких тонах. Чтобы одна из любимых моих к-столу-будет-сказанных фраз: «Мы всегда, когда едим, пакостим стены,» – произносилась с достоинством и молитвенной серьезностью, и чтобы Передонов души не чаял в своей Недотыкомке, носил ее на руках или же в детстве брал на ночь в постель вместо плюшевого медвежонка.

Ты скажи зачем, да я скажи зачем, да он скажи зачем, а ты сама скажи, зачем я так.

Из всех писателей того и около того круга я особо уважаю W.B., поскольку в то время как остальные говорили: «Да, я таков, и ничего другого вам из меня сделать не удастся», у W.B. выходило: «Не буду особенно распространяться, кто я таков, но ох что я сейчас с вами сделаю...», и далее по тексту. Справедливости ради, не он один из них так мог, но другие почему-то вот как-то не так, и кто их знает зачем.

Ты говоришь: зачем, я говорю: зачем, да не скажешь ли ты: зачем ты так? Ну, давай скорее, говори зачем, тебя же все ждут, продолжение сказки слушать хотят.

Даже, например, у Мандельштама был где-нибудь в углу чемоданчик, в котором он хранил свой нерастраченный дурной вкус. Потому что

«голубые песцы», да еще и «в своей первозданной красе», пусть и со скидкой на яркие юношеские впечатления от кого-нибудь из тогдашних харизматических фигур, например, Бальмонта, производят неприятное впечатление. Все это я говорю неким своим знакомым, сидя у одного из них дома за чаем. И зачем, говорю, он так? А меня спрашивают: тебя это раздражает? Странно. Вроде такие умиротворяющие образы. Нет, отвечаю, вы правы, меня это не раздражает. Скорее взбадривает. Как и то, что мы бросаем в чай колотый сахар вместо быстрорастворимого, а еще я сегодня за обедом сама себя укусила за безымянный палец левой руки, когда откусывала хлеб. На свадьбу, совмещенную с новосельем, я подарю им нож-бабочку.

Ты говоришь: зачем, я говорю: зачем, да не скажешь ли ты: а зачем ты не скажешь, зачем? Все было прекрасно, все будет ужасно, лыко да мочало, начинай сначала.

Катерине снится, что она спорит о чем-то с L., в явной действительности малоизвестным жителем Антарктического побережья Австралии от роду 18 лет, которого она никогда не видела даже на фото. Он на какие-то ее слова очень обижается и замыкается в себе. Катерина говорит: я не хотела тебя обидеть, я могу ради тебя отрезать себе язык и сейчас это сделаю. Она отрезает себе язык, почему-то не больно совсем, а через какое-то время думает: а зачем я так? Странно этот L. на меня действует. Потом L. говорит ей: что-то я тебя понять не могу.

Все было прекрасно, все будет ужасно, и тогда ты скажешь: все было прекрасно, все будет ужасно, и тогда ты скажешь...

Катерине снится, что она идет по улице, а навстречу ей молодая мамаша с ребенком. Ребенок уже умеет ходить сам, но держится за руку, потому что скользко, +3 по Цельсию в самой середине января. Катерина смотрит на них, и они тоже на нее смотрят, так вопросительно, мол, чего смотришь? Она говорит, ничего, просто вам на вид всего лет двадцать, а мальчику вашему, наверное, уже года два? – А у вас дети есть? – Нет. – А были? Ой, дурацкий вопрос, и зачем только такие на языке вертятся – наверное, по инерции. Я хотела спросить: не помню что.

Ты говоришь одно, все говорят одно, ты говоришь: да, я говорю: нет, ты говоришь: нет, я говорю: да, а ты скажи, да ты вперед скажи, да все говорят: скажи, а ты скажи, зачем...

Катерина почти всегда думает о мальчиках и тряпках. О мальчиках она думает всякое, в зависимости от ситуации, а о тряпках она думает, что тряпки по небу летают и кораблик подгоняют. И вот Катерине снится, что один такой симпатичный мальчик чуть не утонул в Патриарших прудах, а она его вытащила. Он говорит: ты спасла мне жизнь, проси чего хочешь. Катерина просит раз, просит два, просит десять – и все мимо. Он говорит, ты извини, но у тебя просто редкий талант произносить невыполнимые желания. Тогда, думает Катерина, пускай сам за меня просит. Он провожает ее до метро, кормит мороженым и дарит свою старую школьную тетрадку. Там на первой же странице замечание: «После урока физкультуры демонстрировал всем свой аттавизм, в скобочках хвост, мама, папа, не верьте, я сам это написал».

Не сказать ли сказку опять с конца?

АНКЕТА

а волосы в свитер я заправляю, чтобы теплее было

Какой Ваш любимый цвет?

синий – 8
 белый – 2
 зеленый – 1
 голубой – 6
 сиреневый – 1
 любой яркий – 1
 красный – 5
 малиновый – 1
 нет – 1
 розовый – 2
 желтый – 1
 оранжевый – 2
 черный – 1

Какое Ваше любимое время года?

лето – 14
 зима – 8
 весна – 4
 осень – 3
 зависит от погоды – 1

Какое Ваше любимое время суток?

вечер – 11
 утро – 6
 день – 6
 ночь – 5
 нет – 1

Какой у Вас любимый знак препинания?

точка – 9
 многоточие – 1
 слэш – 1
 запятая – 5
 точка с запятой – 1
 двоеточие – 1
 вопросительный знак – 4
 кавычки – 1
 нет – 2
 тире – 1
 восклицательный знак – 1

Как называется Ваше любимое растение?

роза – 5
 тюльпан – 3
 клен – 3
 все деревья – 1
 все цветы – 1
 трава – 1
 (также по одному: сирень, ландыш, подснежник, секвойя, боярышник, белый гриб, цитрусовые, ель, береза, крапива, кактус, гвоздика, клубника, земляника, нарцисс, каштан, анютины глазки, тополь, дуб, колокольчик)
 нет любимого растения – 2
 затрудняются ответить – 2

Кто Ваше любимое животное?

собака – 10
 гепард – 2
 попугай – 2
 кошка – 6
 кролик – 2
 (по одному: обезьяна, лев, тигр, заяц, пантера, таракан, лось, лиса, белка)
 нет любимого животного – 2

Кто Ваш любимый писатель?

Жюль Верн – 4
 Аксенов – 2
 Волков – 2
 Конан Дойль – 2
 Стругацкие – 2
 Дюма – 2
 Достоевский – 2
 Носов – 2
 (по одному: Гюго, Купер, Майн Рид, Булгаков, Толстой, Кларк, О'Генри, Бульчев, Рыбаков, Стейнбек, Головачев, Скотт, Солженицын, Беляев, Уэллс)
 много – 1
 нет – 4

Кто Ваш любимый поэт?

Лермонтов – 6

Пушкин – 3

Есенин – 3

Блок – 2

(по одному: Маяковский, Ахматова, Цветаева, Пастернак, Ваншенкин, Высоцкий, Галич)

Чувствуете ли Вы себя свободным?

да – 11

нет – 7

в какой-то степени – 9

Нужна ли Вам цель всей Вашей жизни?

нужна – 11

не нужна – 7

уже есть – 3

отшлутались – 3

затрудняются ответить – 3

Стремитесь ли Вы к успеху?

да – 10

нет – 10

не очень – 4

никогда – 1

в зависимости от цели – 2

мне все равно – 1

Верите ли Вы в судьбу или иные сверхъестественные силы?

да – 12

нет – 9

почти – 1

не очень – 1

мне все равно – 1

затрудняются ответить – 3

Бойтесь ли Вы темноты?

нет – 18

да – 6

в какой-то мере – 1

не очень – 1

Бойтесь ли Вы смерти?

нет – 12

да – 7

не очень – 1

смотря какой смерти – 1

на все воля Божья – 1

зачем бояться того, что неизбежно – 1
конечно, неприятно сознавать, что ты
когда-нибудь умрешь – 1

затрудняются ответить – 3

Счастливы ли Вы?

нет – 11

да – 6

не очень – 3

наверное – 1

пока нет – 1

затрудняются ответить – 5

Какой возраст Вы предпочли бы себе выбрать, будь у Вас такая возможность?

выбрали возраст старше своего возраста в настоящий момент – 11

выбрали свой настоящий возраст – 8

выбрали возраст младше – 7

затрудняется ответить – 1

Сколько Вам сейчас лет?

шестнадцать – 1

тринадцать – 8

десять – 3

пятнадцать – 4

двенадцать – 4

девять – 1

четырнадцать – 3

одиннадцать – 3

Время ответа на вопросы анкеты:
17 – 18 августа 1990 года.

Образец ответа:

светло-голубой, осень, вечер, точка с запятой, клен, кошка, Вальтер Скотт, Сергей Есенин, в какой-то степени да, нет, не сильно, да, да, да, не знаю, двадцать восемь, шестнадцать

После речи

Напахтала алая рыбка
 стеклянистого масла.
 Брошен рот-веретено, обмотан улыбкой;
 ветром зыблем: вспыхнула-погасла.

...Даже в красном яблоке и глиняном кувшине –
 жилой – не роскошная шиза ли?..

Жаль, что я пришла чуть поздно и не
 слышала, что Вы сказали.

✓ ✓ ✓

Душа обрящет-ищет волю:
 Ишь, отлепилась, – трепеща,
 Как изредка трепещет колер
 В живых зарвавшихся вещах;
 Но всё не безнадежно плохо:
 Леток молитвой засмоли –
 Глядишь, отделаешься вздохом,
 Едва приподнятым с земли.

✓ ✓ ✓

Сон с утра привстал, как случай:
 Пили кофе на ветру –
 Был горячий и пахучий,
 Словно листья жгли во рту...
 Пухли корни, в венах кроны
 И барометр наливной,
 И по всей земле вороны
 Пели в муке головной.

...Там испуг бродил, как тени
 По траве от облаков,
 Но при чуждом освещенье
 Плыл, бледнел и был таков.

✓ ✓ ✓

Жить в городе, будто сто лет назад он ослеп, опустел,
 Особенно если плющ и кирпич, сдрожавшись, хором алеют
 И на скамейках в парке и повсюду в аллеях
 Оседает пыльца золотистых тел,

Жить в городе, будто его снесли,
 Сожгли, а угли свистнули из-под носа,
 И только улицы, как легли,
 В каком ни легли б из углов Земли,
 Ждут возлюбленных – долго, простоволосо.

✓   ✓   ✓

...но разговором тишина
 Со всех сторон орошена.

Ужель не в этом междуречье
 Зарделось время человечье?

✓   ✓   ✓

Будто зеркальце во рту вертела,
 Проглотила – и глядишь;
 Будто бы запруженная тишь
 От дыханья запотела
 Изнутри;
 Будто над тобой
 Вышел мост на водопой.

Не смотри,
 Галатей, не дыши,
 Что ты станешь делать с тем, что
 – Видишь боль в запаянном кувшине,
 Штукатурку стен?

✓   ✓   ✓

...А когда не по плечу
 Придержать распада прыть,
 Чётким голосом хочу
 Непрерывно говорить.

«Ахнет жизнь, как волглый снег,
 И уменьшится на треть.
 На́ фиг следующий век,
 Дали б этот досмотреть.

Луч листал, да перестал
 Плоть летающей плотвы.
 Всё тускнеющий металл
 Неба лижет ржа листвы.»

а

✓ ✓ ✓

Лестница на чердак
слуховое окно

к

овальное
наверно модерн
посмотри

с

что здесь написано
сколько звёзд
падает в водосток
каждую ночь

и

как
громыхает жесь
и розовеют колокола

✓ ✓ ✓

м

Огрызок яблока
пока белоснежный
только черенок
чёрный
скоро
он обуглится весь

✓ ✓ ✓

в

Живопись
самой чистой воды –

о

выключи
дворники
посмотри
как растечётся

✓ ✓ ✓

л

на ветровом
стекле
капля дождя

Открой окно
засвети
лампу
подожди немного
вот он уже летит
ожившая складка мрака
будет кружиться
биться
упадёт
на скатерть
лето

ч

к

✓ ✓ ✓

Я просто хочу сказать
что море
похоже на море
но иногда
оно кажется веером
забытым на берегу
или кружевом
выглядывающим из кармана
фокусника
как носовой платок
дорогой мой
извольте
выбирать выражения

е

в

и

ч

М
О
С
К
В
А

Л

✓ ✓ ✓

Ю

Но надо было позвать тех мёртвых,
 Проколотых иголками, стеклом
 Раздавленных и примятых
 На знаменитых изгибах, они же
 Лежали в гробницах под Монпарнасом
 Французским фаршем. И только стены

Д

М

Казались укрытием от впечатлений.
 И меньше всего хотелось сознаться
 И не отвечать на грядущий вопрос
 О том, что сегодня придут эти мёртвые,
 Приснятся мёртвые, проколотые иголками
 Иль просто отмеченные закладками,
 И нежные-нежные губы их,
 И тонкие-тонкие руки их,

И

Л

Их ласковый плен – мой неубывающий страх,
 Мой реквием, мой единорог,
 Негромко зовущий из-за портьеры.

а

✓ ✓ ✓

Воспоминание о том, что будет со мною ненаверняка,
 Меня ведет ступенями вниз, как в болезнь или сомненье.
 Как в сон. Притом в движенье
 Приходит всё, что в комнате застыло

Т

У

Ещё вчера. Но будто кровь перетекает в вещи:
 Не выразить существованья, просто потерять себя
 В пустом кармане, совпадая только с тем,
 Что покидаешь всякое мгновенье,

Ц

Как выдохнувшее стеклом окно, как простокваша неба,
 Вползающая в рот. И целый день
 Таскаться так, на воздухе дурном
 С проглоченным пространством.

И

Н

 М
 О
 С
 К
 В
 А

А

А

Л

Записка, извлеченная из бутылки

е

Не так он страшен.
Лгут глаза. Он спит
на стуле сидя.
Лампочка не греет..
На улице никто не голосит.

К

В окне темно.

С

– Собака, девочка, – бормочет объявление, –
мол, потерялась – там, за поворотом,
где на бутылку третьего всё ждут.

а

Бабахают хлопнушки в темноте,
среди домов, где дождь.

н

Здесь наша улица была.
Теперь –

Д

Часы ползут и ухают совой.

Р

Прерванный сон

Насте Р.

С

Она говорила для них, далёких,
Про себя, негромко. Едва шептала
Что-то про море, ещё – про ёлки,
Про дождь, мошку, про – на закате лодку.

О

Они стояли, не сняв одежды.
Кричали что-то. Зевали ртами.

Р

А оказалось – не те, не к ней.

О

Не с моря.

К

М
О
С
К
В
А

А

СПУТНИК

Старое название этого городка на берегу моря, так напоминавшее супруга собаки, тогда можно было найти лишь в справочниках. Его родители всё говорили о каком-то тамошнем то ли поэте, то ли художнике, чьих стихов не читали, картин не видели, но любили, любили. А ещё там планировался дельфинарий (прятался, оказалось, за скалой – за спиной, уходящей в море).

Лагерь же назывался «Спутник»; но он всё время куда-то уклонялся, удалялся, уходил: в море, возвращаясь соленым и мокро взъерошенным; в горы, со свешивающимися сверху виноградниками и ежами в лунном свете; в историю – его мама с папой, а также кинемеханик жили в сарае, а умывальник располагался в лошадином стойле усадьбы того самого поэта. Убегающий, лагерь располагал к постоянному осмотру: беглому, смущенному утром, деловитому днем, таинственно-му всегда.

Аллейки; скамейки. Бронзовые вожатые в сон-час, бронзовые трубачи на перекрестках. Романтический «Маленький барабанщик», Яшей прочитанный; уже; увы; великолепное безразличие вокруг, – ура, я герой книги, чьей-то моей судьбы, точки, нет, ниточки, плетущейся по запущенным аллеям.

Аллейки; скамейки. Весьма странное сооружение. Две деревянные сцены, точнее, две эстрады – полукруглый верх кареты или гигантский деревянный глаз – располагались одна напротив другой, глядят друг другу в лицо, а между ними – ряды скамеек. Представления идут на два фронта; комедия, с другой стороны – трагедия; душещипательная симметрия.

Яша брел между скамейками. Вязкие, ненужные вещи. Кукла без головы с резиночками внутри, шахматная фигура – крепость, форт; на сценах из обоих куполов смотрят друг на друга зрочки кинопроекторов. Он поднялся на сцену и приоткрыл дверь в навесе. За сценой буйствовал бурьян, в кустах чья-то голова. Подойти. Статуя, то ли мужчина, то ли женщина. Нет, женщина, древнегреческая, безрука и безнога.

Вдалеке шум моря и голоса из репродуктора. А здесь не ступала нога человечья, а только овечья. И эта статуя. Он продрался сквозь стрекочущие кусты репейника и увидел – почти ничего он не увидел – вокруг сплошной бурьян, да развалины дома справа. И небольшой холм прямо напротив, а в нем – труба, диаметром чуть больше маленького мальчишка, уходила вглубь, вниз. Подземный ход. Непозвоительная роскошь для правнука франкмасона.

Яша шагнул к ней и вдруг запнулся. Нога застряла в углу громадной тяжелой рамы, какие он видел в картинных галереях. Громоздкая, покрытая лаком, кусок размалеванного холста в углу. С трудом избавившись от неё, он подошел к трубе.

Изнутри веяло сыростью и, почему-то гуашевыми, красками. Шаг, другой; гулкие третий и четвертый; глухие пятый, шестой. Остановка.

П

а

в

е

л

р

о

з

а

Н
О
В
О
С
И
Б
И
Р
С
К

н

о

в

Кажется, остановка. Или же они продолжают, но где-то внутри, в коленях, в почках, в голове. И проч...

Нет, кажется, это было не так. Была скала, была вышка, и было море, а также веселый голос из репродуктора внизу, в лагере. Яша взбирался по круто уходящей вверх, круто извивающейся тропе туда, откуда видно всё внизу, нет, всё вверх.

Перевести дух. Он присел на обломок скалы и взглянул вниз. Вон там причал, и отходит пароходик – слышны паруса, – там тоже репродуктор; чуть выше – территория лагеря, пузатые разноцветные корпуса, дальше по склону развалины старой усадьбы, из трубы идет дым. Нет, показалось. Солнце печет, и снизу, от земли, жарит не меньше.

Вот уже и вышка близко – деревянная, древняя, в восемнадцатом году на ней вешали пламенных революционеров, сейчас висят доблестные советские пограничные радиолокаторы. Под ногами в пыли валяется лезвие от бритвы, «Спутник». Туристы. На балке в основании вышки изящная гравюра: «Макс и Яков были здесь». Вот уж совпадение, но он так не подумал.

Вверх по деревянной лестнице, сжимая в кулачке легкий и острый предмет. По следам одного человека проходит другой человек. Или тот же? Шаг, другой. Небольшая площадка на вершине. Гулкие третий и четвертый. Он вдруг оступился и невольно сжал пальцы; из ладони закапала кровь и оставила на доске под ногами автограф, рыжие каракули. Поэзия, написанная кровью. Уильям Блейк. Немые пятый, шестой. И внутри – в (безмерном, непомерном, мерном) дыхании, в сердце, в моргании глаз. И проч...

Когда автобус на подъеме зарычал, переключил скорость и дернулся с новыми силами вперед, Яша проснулся и продрал уголки глаз. Где-то рядом плыли мама и папа. За окном тянулись цепи гор. Кажется, автобус ехал по краю над пропастью, а напротив, на другом конце ущелья, росли хвойные леса, или, может быть, кипарисы; как далеко – эти могучие деревья кажутся просто травинками; всё ущелье покрыто далекими, уходящими вверх по противоположному склону лесами.

Автобус притормозил, и Яша увидел на том склоне человека, гигантского великана-косаря, срезающего целые леса одним движением. А вон две бабочки, присевшие на верхушку ели...

Холм, спускавшийся прямо к дороге, постепенно смущенно перешел в равнину, глаза снова закрылись, и сон пошел на новый виток вокруг единственной пары глаз.

* * *

Он так сказал и мне: «Сочини рассказ». Я не писатель, но, кажется, должен был чем-то ему помочь. Перепечатает на свой лад на машинке (старая, вместо буквы «Х» – «Э»), и – спасен в своем мире. Ведь сочинять – только про него, про его детство, детство всех историй.

И

Л

Простимся, брат, до греческих календ

Б

майское солнце восходит в осенних плодах сердце неслышно
 причаливает к сердцу младенец спит в кобуре рой
 потревоженных ос дребезжит у его изголовья неоновая грусть мерцает
 в разбитой витрине сна будильники звонят к заутрене на службу
 семенит газетная строка воскресенье в гостях у субботы листают
 фотоальбом – любительский гербарий мгновений игрушки на антресолях
 уступают место запасам на зиму запасамназиму за пазухой
 на зиму не хватает запаса дыханья

Я

Простимся, брат, мы битое стекло на свадьбе эпических теней

О

расчёсывая седые бороды дорог
 нам боле не поднять плечистую былё
 о том как Илья Муромец да по татары ходил
 не оседлать ретивое пространство
 не собрать рассыпавшийся бисер пульса
 стрелка нашего компаса не поспекает за секундной стрелкой

Г

А

глянь Диоскуры бредут по эклиптике аки калики перехожие
 снова мысли мои потянулись к стенам Илиона
 калитка скрипнула в облаках закат лизнул тропу
 живы ли те птенцы что вылупились на рассвете?

Н

черствеет хлеб и старится вино сердце наскაკивает на рифы
 сердца охотник прицеливаясь отражается в звере потом плотника
 пахнут доски гроба стервятники играют в шахматы на шкуре
 мёртвого леопарда мечта поёт кастратом глиняные струны
 тишины рассыпаются от нашего прикосновения и вновь оживают под руками
 горшечника

Д

Ж

Простимся, брат, хоть я тебя не знал, и в канун одиночества (если
 возможно исчислить его приближение нашими искушёнными в деле
 познания инструментами), – в канун одиночества, что поёт каждому его
 заветную песню, я рисовал тебя с вороньих досок прошедшего и с лисьей
 мозаики будущего.

А

Н

Мы безмятежно бродили с тобой среди прочих, подверженных
 прямохождению, и день ли был или ночь, – рысь приносила нам в пасти
 лакомые звуки, и мы не знали голода.

О

Осень омывала берега наших прогулок;
 в стрёкоте цикад мы слышали щёлканье затворов, в перебранке
 торговков – шум канонады, но не замечали ни раненых, ни убитых;

В

в обычном «здравствуйте» нам чудилось рукопожатие далёких миров, но
 мы едва отвечали на приветствие;

М
О
С
К
В
А

лай ветра оповещал нас о приближении скуки.

Сыну не хватит времени выплакать невыплаканные слёзы отца –

пришла пора предать земле останки миражей и протянуть руку одинокой судьбе, очертившей островок окоёма.

барханы воздуха   солнечный луч увитый плющом   развёрнутый
папирус южного ветра   шелестит листва бессмысленно и глухо как
шелестит листва   косолапые овраги   луна в окладе ночи   на
сто вёрст в округе степь да старухи кличущие стариков   звоз

палитра смерти, как она пестра, смешай щепотку пепла, стусок дыма, впиши
себя в мелеющий пейзаж – и затаи до времени дыханье   мы встретимся
в грядущем бездорожье   и возвышая голос до тоски   до сумерек   я
повторю тебе   простимся, брат, майское солнце восходит в осенних плодах

Е

Л

е

Созиратель

Н

Стоишь, молчишь,

а

оглядываясь, куришь,

вчера стоял, молчал,

кура, оглядывался, но ещё стоял

но завтра

С

будешь ты стоять, молчать,

А

курить, оглядываясь, плакать –

душою плакать в папиросную бумагу

З

за то, что ты стоял, молчал, курил и не

И

Х

Н

А

А

Л

Л

Е

В

✓ ✓ ✓

Ведёрко, полное воды,
слеза клубничного варенья,
синдром годичного старенья,
в прихожей шумные следы.

И

Т

Поднос использованных фраз.
Другая сторона медали.

а

Для этих целей нужен дождь,
идуший по горизонтали.

л

✓ ✓ ✓

Неделя женья под лопаткой:
рубцы, мне грезятся рубцы...
Иду по набережной (шаткой).

и

й

За рестораном, где судак
от обдираловки запёкса,
сидит роденовский рыбак
и как Кащей над лункой чахнет...

На белоснежное сукно
ложится боком окуниха.

л

е

Мешок, наживка (ГорОНО,
муниципальная структура,
процент, отчёт, акупунктура,
дерьмо, конечно же, дерьмо.
Игорный бизнес заодно).

х

ц

Прикорм, закваска (осьминог),
бутылка топлива в антракте,
река, набрякшая у ног,
окоченевшая – в инфаркте.

и

✓ ✓ ✓

е

р

С
А
М
А
Р
А

Свежесть, нежность, трудолюбие,
злость, изношенность, мольба,
заверенья, мёд, гульба.

Юбилейных, поздравительных,
дательных, извинительных
сил родных и обольстительных.

Коротать, трепать, терпеть,
вспоминать канву зарока –
гнать, держать, дышать, хотеть –
топик нового урока.

✓ ✓ ✓

Исповедальня будки телефонной –
«Ремонт часов», «Автозапчасти», «Хлеб» –
решивший исповедаться нелеп,

смешон, метафоричен и случаен,
как заработок старый в январе
и майский жук, застрявший в янтаре.

Греми, цивилизация, мигай,
подмигивай глазами светофора...

– Аврора, это улица Аврора!

Займись собой, читай рекламный щит
и перечитывай, ищи подтекст, в котором
субстанция заводится мотором
и трубкой телефонною пиццит.

✓ ✓ ✓

Техника бытовая, камины, плиты,
кухни, обои, недвижимость, тел. такой-то,
только теперь, должно быть, мы стали квиты.

Мрамор, гранит, облицовочные работы,
печи, эмали, турбины, плотины, бани,
как хорошо накануне простой субботы.

Доллар сегодня упал на одну из коек,
рубль сегодня вскочил с головою болью,
будем искать подходящий рецепт настоек.

Слышишь: вокруг оживлённый гудит парламент –
перебери и отмой от земли картошку –
не нарушай установленный здесь регламент.

Н

✓ ✓ ✓

И

К

О

Л

а

й

да и то
 непонятно в общем
 как сказать
 ну толкнут
 ну улицей пойдёшь
 бросишь скажем кость
 такую горсть в ведро
 застрянет ли рука
 и смерть ли ждёт
 покуда
 не дождётся
 лесом вдоль забора
 мёрзлой предположим даже пашней
 что ли высохнет
 какая лишь конечность
 перестанешь ли бояться
 или просто с дерева на землю
 да ещё вперёд четыре метра
 бы пройти
 хотя бы
 да и то

Семь реплик по всё тому же поводу

I.

В

как бы вот и надо-то немного
 как бы вот глядишь и то уж слишком
 как бы скажешь – и бежать бежать

И

II.

Н

как бы так всё влево забираешь
 пешеход идёшь через дорогу
 сверху вниз оглядываясь странно
 прямо и не знаешь: как сказать

Н

III.

И

М
О
С
К
В
А

проскочить бы только да и всё
 что тут скажешь

К

IV.

куда летишь ты странник беззаботный
 умру ли я и вас не пощадит

тоска зелёная
и скука смертная

V.

когда хочу тогда и промолчу
и не указ мне ни один из тех
и ни один из этих

VI.

когда казалось бы и нас не уберёт
блуждающий имперсональный гений
так вот же он

VII.

и каждый раз когда идёшь домой
на горло незаметно наступаешь
какому-нибудь змию перелётному
как в первый раз

А

Н

Д

Р

е

й

Ш

Л

Я

Х

О

В

✓ ✓ ✓

Благоприятен брод
Через великую реку
Разводят мосты

С
А
Н
К
Т
-
П
Е
Т
Е
Р
Б
У
Р
Г

✓ ✓ ✓

Столбы обросли
Берестой объявлений
Весенний сквозняк

✓ ✓ ✓

Раннее утро
Сдержанный шелест листья
За занавеской

Мои грузинские друзья

Рати и Малхаз, два брата в спортивных костюмах, сидят в деревянном ресторанчике, выстроенном посреди леса на бывшей заправке в черте города. На Рати, младшем из них, тридцатилетнем крепыше – традиционная грузинская шапочка, напоминающая по форме аккуратную половину походного котелка, знающего дым и песни. Ресторан называется «Пирсмани» и будет открыт ещё через пару недель. На столе стоит бутылка водки, Рати режет аккуратными кусочками колбасу на сковородку, присыпает луком. Мы заехали к ним перекусить посреди ночи. Малхаз беседует с нами о кино, его любимый фильм – «Плохой лейтенант» с Харви Кейтелем. Подъезжает ещё одна машина. Из неё выходят Юра и Лаури, бизнесмены. Юра – крепкий мужик с бретёрски распушенными кудрями. Лаури вызывает скользкое ощущение, он в круглых очках и во рту у него несколько тёмных зубов. Лаури ругается с Юрой, потому что тот обещал и не сделал очень важный звонок. Юра пьёт водку, энергично жестикулирует. Рати и Малхаз сдержанно улыбаются. Колбаса уже готова. «Не нужен ли тебе охотничий карабин, отлично бьёт,» – спрашивает меня Юра. «Ты из Латвии, – говорит Лаури, – Не люблю Латвию, мне там машину разбили.» Пьём, закусываем горячей поджаристой колбасой. «Всё, что здесь готовим, очень вкусно получается,» – задумчиво говорит Рати. Скребём сковородку, собирая обжаренный, чуть сладковатый лук. Жутко вкусно. Бизнесмены собираются. «Не люблю латышей, но ты здесь ни при чём, живи», – на прощанье жмёт мне руку Лаури. «Тебе того же», – не задумываясь, отвечаю я. Они уезжают, мы решаем поджарить ещё картошки. На столе лежит альбом с репродукциями Пирсмани. Рати ставит кассету с грузинскими песнями. Рассматриваем прибывшие недавно глиняные кувшины и другую посуду ручной работы. Таллинн, 26 декабря, три ночи. Район Мустамяэ.

Актрисе

Индийское кино не интересно никому,
а ты красавица, интеллектуалка,
тебе не жалко, что жизнь проходит караваном,
а смерть огромным ятаганом
спешит с песком и вихрем вместе
смешать последнюю постель

зарыть, закрыть в историю, как в шкаф, всех нас? Я знаю, жалко, дэви. Ты всех нас видишь как в кино индийском, вот сейчас герой вступает в бой, вот он танцует, вот ему цветы подносят, смеются обезьяны и бананы плодоносят, вот он печально песнь поёт. Индийский профиль, да Восток как блюдо золотое из золота тяжёлого – на нем всё, что желаешь, если ты желаешь. Но ты в огромной чернобурке, в полупрозрачной юбке ты, готова выйти в поле к белым – цветам, к богам и с веткою омелы, в сандалиях спешить. Я здесь лишь маска. Не запланировал сценарий (меня). Я просто подобрал какой-то брошенный платок, взглянул на потолок и молча поклонился, вышел. А слёзы капали, и тушь текла в ближайшем продуктовом, когда звезда, что родилась, чтобы спасти Восток... Но тут бег времени умолк... Неважно, Дана, что мироздание поверхностно. Ты так отчётлива, прекрасна, что жизнь как капельница нам, в подарок, вовремя, напрасно, смешно положена в рукав, в карман, во внутренний. Ударит время – покатишься, а холм... Индийское кино. Твой профиль. Такие лица вспоминаешь сразу. Как ночь с друзьями на вокзале под Ленинградом или какого-нибудь зверя из очереди домашних обитателей. Пуст дом. А ты – пропажа сна. И пряжа ткётся тоньше. Ты – знаешь? Если нет, тогда молчу, не телеграф ведь, «Ассошиэйтед Пресс». Ты, Дана, – дана как уравнение морское, как жемчуг, как коралл, как спинка стула работы мастера-голландца, что поселился на Суматре примерно двести лет тому назад. Так много здесь. Теряюсь. Стоп. Движение руки. Спускаем на воду. Пора. Отдайте мне платок. Пусть будут счастливы... А вы откуда? И эти трубы. Был дан сигнал, и капитан склонился к штурману-японцу. И Дана под зонтом из кружев. На палубе. Скрипач, вот десять золотых. Мы попрощались, Дана? Так будь царицею Ливана! Я просто ставлю подпись здесь. Я видел вас, я вышел весё.

Планета No money

Когда в доме кончается еда,
я спускаюсь вниз по длинной
стремительной лестнице. Я

захожу в магазин и покупаю хлеб и сыр. Деньги перестали бывать здесь, их маршрут изменился. Их новые друзья блистательны и непоседливы. Они листают журналы и купаются в тёплом море. Я обитаю в синем спортивном костюме (куртка – с капюшоном) и изредка получаю телефонные звонки. За телефон я успел заплатить, теперь я и мой приятель – чемпионы по приготовлению макарон. Иногда мы готовим их с чесноком, поддерживая себя в здоровой спартанской форме (в городе – эпидемия гриппа). Книги стали читаться медленнее, музыка звучит не всегда. Похоже на полёт в космос без какой-то научной цели. Нельзя сказать, что мы не пытаемся заработать. Я хожу в рекламные агентства и пью чай с менеджерами, мой приятель изучает программы по компьютерному макетированию. Его девушка уехала в Мексику штурмовать пирамиды, прихватив ещё двух подруг. Они шлют письма, написанные от руки, о том, что купили джип и индейские одеяла. Они уехали накануне кризиса, мы думали к ним присоединиться через месяц. Но наш банк лопнул, и хороший знакомый из его пресс-службы не предупредил нас об этом. Он был больше верен банку, чем нам. Этого финансового учреждения больше нет, а мы едим макароны с чесноком и смотрим телевизор, на котором уже не найти Евроспорта, Эм-Си-Эм, Cartoon Network, зато есть сериалы и дикторы новостей, корректные, как технические словари. Это планета No Money. И мы – её обитатели в синих спортивных костюмах с тарелками макарон в руках. Мы посыпаем их базиликом, наши дела не так плохи. Завтра день Святого Валентина и, может быть, раздастся несколько телефонных звонков. Хорошо бы – из Мексики, из города, где живут сорок миллионов, а сам Мехико находится в чаше пересохшего озера. «Дружище, как у нас с чаем?» «Допиваем подарочный набор!» – отвечает он из кухни, где радио передаёт новый хит «Есть ли жизнь после любви?» Размышляем на такие темы мы редко, но вот кто-то звонит – может, пригласит на обед? Реальность распалась на много маленьких макарон, и мы накручиваем их на вилку, мирные и задумчивые, как монахи. А вчера мы видели мужчину с длинной окладистой бородой.

Оборона с Микки-Маусом

Приобрёл пистолет
отстреливаюсь на девятом этаже
под моей защитой микки маус
он мой друг уже девять лун
подносит патроны по утрам
заправляемся какао
его ещё немного осталось
в той большой коробке
что ты принесла с птичьего рынка
и поставила на пол
немного рассыпав

Где тебя носит
холодный упругий
ветер преступлений
микки маус читает
Робинзона Крузо сидя
на диване весь в подушках
его большие уши –
локаторы негодования
мы обязались не просить
прощения принесли клятву
на кухне глядя в зеркала
микки маус сказал
сегодня будет весело!

Заплатите за пейджер
мобильный телефон
спутниковое телевидение
пиф-паф мы дырявим газеты
но они ни при чём и микки
маус в майке с Мао
кричит в мегафон
Куда ты ушла? Возвращайся
скорей! Сегодня будет весело,
много жареной картошки
и дрянного кино о том
что всё прошло как
дивизия внутренних войск

Но она не придёт
ей дарят серёжки с бриллиантами
и новые часы со средневековым циферблатом
где-то в Америке каждый вечер японский
ресторан они едят за столиком
в окружении верных собак

и сиреневый паж потихоньку спешит
удивительно сделать всё правильно

А мы со стариной микки
перезаряжаем магазины
в обстановке хаоса и
непонимания мы образовали
Трансатлантический вал
нам не страшен Ваал
мы с горячим какао на ты
ореол доброты
вчера к нам пришёл
испанский посол
долго играл на скрипке
мы ему поставили канделябр
но ему всё равно было темно
отключили электричество с утра

Сегодня прислали парламентаря
какую-то топ-модель
я познакомил с ней микки
они понравились друг другу
я выделил им ванную
любовь должна быть среди теней и влаги
и мохнатых полотенец
её зовут кэнди
Королева стипендий

Постепенно образовалась степь
о ком-то там я мечтал
всегда найдётся дом
чтоб посмотреть на него
но здесь было как-то приятно
без и вдруг мы встали и пошли
по ровному розовому пространству
а ты там в Америке
ела лобстеров и тебе было жаль

природу?

я продам пистолет
нет расплавлю его на
газовой плите
пусть падают капли металла
я отдам микки мауса
Walt Disney & Co
(можно представить
его возражения)

ничего не осталось в пачке
какао ты вернёшься может
быть в сентябре
распотрошённые лобстеры на тарелке
нас взяли.

Для тебя

Люди в спортивных костюмах
держат зажжённые спички
на кухнях, где стены и шкафы
выкрашены в голубой цвет.
«Где мы потеряли наши сердца?» –
спрашивают люди в спортивных
костюмах. «Где наши девушки,
где наша жизнь?» А девушки
продолжают шествовать,
празднуя возраст, весну, талант,
улыбки, сигаретки, пепельницы
в форме раковин, пудреницы в
форме голубок. Происходит даже не кино,
скорее – видео. Всё можно перемотать,
а то и вовсе записать на ту же кассету
совсем другой фильм. Немножко
неестественные цвета, дублированные
разговоры. Пиратские видеопрелести
обесценивают очарование классического
ежедневного кино. И чтобы хоть
как-то сконцентрироваться и рассеять
паутину дежавю и флэшбэков,
люди в спортивных костюмах
держат зажжённые спички
в вытянутых руках.

Январь. Канны

Канны –
это зеркало, разбитое о край ванны.
Это сорок пять минут до Монако.
Однако,
одинок
с пепельницей мобильной
передвигаясь по избыточной
земле отдыхающих франков;
ты как шарманщик с его обезьянкой,
с прошлым не расстанешься,
и только по пьянке

можешь уткнуться в плечо иностранке,
японке.

Здесь продюсеры ходят по парам,
а звёзды смолят за углом сигаретки,
и рядами шагают старлетки
к ресторанам, романам, омарам.
Собственно, это январь, днём –
плюс восемнадцать, ночью –
чуть холодней, и, надвинув берет
до бровей, ты торопишься поскорей
в ресторанчик злюки-китайца.

Здесь питаются журналисты
восточного блока, поедая
лапшу, залитую соевым соком,
ты киваешь соседям, таким же
медведям, но с несколько более
звонким прононсом, жмёшь руки
эстонцам, садишься за стол.
«How do you do...» «И тогда я сказал...»
Поел и пошёл.

Вечер в Каннах,
все яхты уткнулись в причал,
кончен бальзам в бутылке из-под кока-колы,
от которого привычно темнеет язык.

Ты сидишь на скамейке у моря.
Не существует других миров,
снега, безденежья, хмурой плиты
балтийского неба, приятелей,
ждущих чего-то с понедельника
до воскресенья. Твой кошелёк
готов подтвердить реальность спасенья.
Но то, что ты покупаешь, кончается сразу,
ты чувствуешь в этом угрозу,
непонятную линию прозы
тридцатилетних.

Что поделать, здесь – была остановка,
здесь ты сошёл с плащом
и антикварным портфелем,
в рай ты вступил, как в воду морского десанта.
Теперь с вниманием изучай,
бери уроки ленивого сленга за деньги
с портретом Марии Кюри,
теперь – смотри.

Здесь пальмы, певцы, диск-жокеи,
сонный портье с рыбьим английским,
и девушка Катарина, немка, с цепочкой на шее,
твердящая: «Я невидимка».

ЛЕГЧЕ ПЕПЛА

во время стоянки в порту шляпа с плоской тульей глухо вы сошли с ума развлекайтесь постарайтесь поправиться лежа автоматически читал наизусть оживленно сдержанно суровый сосед справа превосходный человек ручей привержен бродягам структуры ставить на карту декорации водопада пряжа прогулки отправляться в распутье однорельсовой железной дороги надгробие исправляет нравы пропуск дурные предчувствия кофе манильская сигара сквозняк претит средство легион нотаций отъезд прощание краги листья терзания сроки парусиновые блузы на рее дела в июне пикники по старому стилю белое рейнское вино истории шафера ласки досада ловкость лицо феи экстра крупный почерк бои буквы тишины покоя желания во всеобщем уплотнении жестикуляция практика

из непосредственного наблюдения орфея картинно решение флирт зелье пронизательность если бы бродячая собака луна только изнутри начало раз навсегда медленно зев ручья влево пасторали в открытом море преамбула призрачные синие фаланги пристань снасть лекарства косички круглолицесть позы хмель ливень предпочтителен остроглазый кудесник искус со дня на день единообразие квази-безделье халат из фланели котенок в локонах возня узел

скиталец под уклон лета неодобрительно коммивояжер одна рупия отрывисто прозорлив дождливые кровли глубокомысленный седельный мастер шабаш охоте

зазор ставни в холодном чулане подумал или нет с безопасной лампой гадать по стеклу снова эта бездомная собака у купальни вниз и странствование да конечно твяканье хрустеть и грызть сердитый взгляд вам повезло сарказм разумеется миссия хор участие в сцене чудесное зрелище буддийский монах у входа о железную скобу чистил обувь почтовый сбор чего скаредничать

нет и следа гидропланы агрегаты молярные ансамбли стиль непоколебимое самообладание его семья севрский фарфор софа сеттер вздохи о бунгало в южной африке скромно тянуть ляжку глухота ко всему кроме онемелых фактов херес ореховый суп по-испански в круглой тарелке солнечная дрожь в питейном притоне сварливо хороший прицел чуть свет прибытие поезда серп на склоне ковбойские колты шестизарядные револьверы реклама небеса блаженных бездельников усеянные звездами над двускатными крышами щепки каминны за наличный расчет и в рассрочку мысли домашние животные зверушки сублимации би-52 начало или рискованное поражение необходимо покончить с этим на пороге слышимости кухаркой в густом кустарнике французский философ в непристойно модном костюме все эти отруби обрубки отбросы

шелуха завершение невозможно не живем но и не умираем тени лежа читал наизусть справа налево словно заколдован послушный кости и мясо широкоплечий о том как бомбардировщики глотает простоквашу оргия плотные факты табакерка шляпа сдать костоправам живодеры васильковые стены заведения спелые вишни плевать на врачей ампутационные ножи милосердие графин в шкафчике язвительность ну вот и плиточный табачок о поводе для обета безбрачия могила или камера никаких передач

передумали ваш кредит старина свернутая одежда постель раз в месяц и никаких сладостей

быстро без усилий следует миндальное счастье магический аттракцион восточное кушанье с гашишем продолговатые лица из сна песчаные холмы серая сталь никаких зацепок рефлексии паролей снова вне законов иллюзий памяти воображения рации дерзкий императив никакой психологической симуляции примеси инквизиция суперэго отравляют удовольствие на чем все держится легкая неправильность целует пойманную когда-то давным-давно на куда не плывущем корабле у гранитной пристани реестр вин крен на левый борт катера огни увеселения небылицы любители выпить никогда не проигрывать печально похотливо петербургская полночь прозрачные козни

войдя однажды в солнечное морозное утро читает сосед ни центра ни периферии утонченная наивность а он все-таки есть возвращение лица в этом ганзейском городе не столь уродливы потому лишь что похожи на немецкие зачем ты здесь боже мой не существуем вне люди книги деконструкция в двух словах комментарии издателя прочее хруст рвануть решительно крестики пахнет ладаном ночь снова национальная библиотека то ли храм то ли усыпальница серый камень высокие своды круглое многоцветное окно круглый сон электронные каталоги египет средневековье

Автобиография. Том второй

О чем хотелось бы сказать особо? О себе хотелось бы. О себе – неприлично. Нескромно. Невозможно. Все болит.

Еще о любви обязательно надо сказать. Любви нет. То, что есть, никакому определению не поддается.

Любовь зовут Генкой. Любовь Генки зовут Олей. Меня вообще никуда не зовут.

Если позовут, я не пойду. Слишком уж все хорошо срастается, на-верняка где-то в кустах – засада.

Если даже это – паранойя, и никакой засады нет, я все равно буду думать, что она где-то сидит, и волноваться. Кто ездил в транспорте без билета, тот знает.

Волнения мне бесполезны. Поэтому вместо люблю я дружу. Дружу я очень искренне и нежно, со всем пылом своей чувствительной души. Побочный эффект дружбы – гадости, которые жалко сказать другу, можно сказать про него кому-нибудь еще. Называется – выпускать пар.

Про любовь есть еще очень удобный Ленечка, который понятия обо мне не имеет и поэтому безопасен. Ленечку можно смотреть по видео, облизываясь и елозя. И мне хорошо, и ему совсем ничего не надо для этого делать.

Про работу – я там умная и злая. Люблю это ощущение, холю, лелею и окучиваю. Начальница называет меня «дорогая». Съёмочная группа – моя персональная Золотая Орда – очень в меня верит. Я там – самый главный котенок.

Папа верит в реинкарнацию. Считает, что в кота вселился дед. Из этих соображений называет кота по имени-отчеству деда, а также главным экономистом отрасли и начальником отдела труда и зарплат. Кот верит, что, как бы его там папа ни оскорблял, не осудит рука насыпающего Вискас.

Мама верит в деньги и вид на жительство за рубежом. За рубежом к этому относятся скептически.

Еще у меня есть хобби – я готовлю своих мужчин к семейной жизни с другими женщинами. Ничего себе мужья получают. А себе – ничего. Добрая я.

Из-за частого внимания смотрят на мир глазки. Что происходит?

Песнь времени

Неприятен и хмур. Хмур и неприятен был Барбин сон. Во сне маршрутное такси отвезло Барби неизвестно откуда на Арбат, где Барби случайно стащила безмен из кафе с дорожкой кошерной едой.

Вся эта неловкая ситуация побудила бедную совестливую девушку обратиться к рыжему Кену с просьбой вернуть похищенное законным владельцам. Вместо ответа рыжий Кен швырнул оземь рыжий рюкзак и разразился серией телефонных гудков.

К телефону Барби не успела.

Но все равно посмотрела на часы. «Кто бы это мог быть?» – подумала Барби. «С работы», – сказали часы. «Тогда они всегда смогут перезвонить», – решила Барби и пошла под душ.

Сегодня душ был тропическим ливнем – крупные, сладкие капли. Расслабившись, мокрая Барби сменила синюю ауру сна на жемчужно-розовую, в тон стенам в ванной. Удовлетворенно оглядела себя – ни прибавить, ни убавить... «Хотя убавить можно вот здесь, здесь, и здесь. В общем, где талия...» – недодуманная мысль, чмокнув, отправилась в канализацию. Решительное нет самокритике в начале дня.

Выбравшись из душа, Барби съела большую чашку кофе и утреннюю сигарету. Воскурила, так сказать, фимиаму на весь предстоящий день. Тоскливо посмотрела сквозь тонкую седую волну дыма в сторону прихожей. Телефон зазвонил снова.

«Чертов Белл...» – протянутая к телефону мягкая лапка задумалась и вернулась на исходные позиции.

«Еще рано», – сказали часы.

«Если с работы – всегда рано. Меня еще нет дома», – огрызнулась Барби, почесывая коготь о желтую поверхность стола. Но телефон был настойчив, и Барби подняла трубку.

«Мяу?»

Из-под перламутрово-белого крыла на сотрудников застенчиво взирал огромный лунный глаз. Барби желала получить денег взаймы.

«Не дадут», – сказали часы.

Барби сунула голову глубже под крыло и больно клюнула часы в циферблат. Денег дали.

Когда последняя оливковая косточка стукнулась о белое доннышко блюдца. Когда последний клип вызвал уже ничем не контролируемое раздражение. Когда отзвенела последняя подруга в телефонной трубке. Когда строчки задвоились в широко расставленных глазах. Когда, когда, когда...

Когда рыжий Кен подошел к дверям кафе, перечеркнутым табличкой «Клозед», стало ясно, что безмен украден навсегда. Барби перевернулась на другой колючий бочок и безвозвратно утопила мягкую щечку в подушке. Ее совесть спала...

П

О

✓ ✓ ✓

мама жарит птичку
 присутствуют трое, я
 бездействую
 в ожидании четвёртого и птички
 абстрактная теперь птичка,
 сломанная голова.
 интерпт нет интерпретация птички богом
 и тут отключается электричество
 во всём доме
 на полчаса

Л

И

Н

а

✓ ✓ ✓

свет из кухни. на стене моя
 тень
 я вижу эту тень в зеркале
 это наводит меня на размышления
 в луже моего сердца
 в луже сердца моего
 кузнечик мокнет
 и светлячки летают
 в кустарнике сердца моего
 фотография закрытой книги,
 вложенная в
 х нет в закрытую книгу
 бурый закат невовремя
 но след самолёта

А

Н

Д

Р

У

✓ ✓ ✓

я вся в норме кроме бога
 в коробке осталось четыре спички
 есть и новые десять коробков
 все спиче нет спички в коробках, кроме, конечно,
 сгоревших
 шершавый бы текст
 утро – нежный половой орган дня, и
 я его
 проспала
 ладно, почитаю
 бог меня хочет, но не всю,
 чтобы хотел всю, чтобы пропасть, исчезнуть,
 промокнуть
 отдавая себе отчёт

К

О

В

И

Ч

 М
 О
 С
 К
 В
 А

✓ ✓ ✓

утро двигается
         мимо меня
 корчится ворона в прямоугольном воздухе
 голуби гудят под а нет под вороною,
                                 «вечные странники»
         шевелиются,
 голубеют
         дали
 происходит самоотдача,
         ветер стирает прямоугольный воздух
         ветер, в котором уже нет
                 вороны
 синеют вагоны метрополитена
                 в описании,
 сидит в квартире моей тётушки
         кошка, день
         начинается
 мимо самого себя

✓ ✓ ✓

        что ж, не тогда, так сейчас; бе-
 жит курица. бежит и женщина.
 тяжёлые ветви деревьев и
         воспоминания
         взаом нет взаимодействуют,
 приходя в негодность

 подмела сахар с пола в
         мастерской,
         выключила свет

✓ ✓ ✓

о, каждый день
         ручной гололёд
         пустое блюдце
 невозможность и возможность сообщения
   пустые часы
 часы с рыбами в воде за циферблатом
         стекло,
         прижимаюсь губами к стеклу
                                 часов
 с той стороны стекло целуют ры-
                                 бы

сладко, сладко
 от яблока
 чужие чувства познала
 чужие чувства в яблоке
 а мы всё ещё по снегу ходим
 по словам переходя
 переводя ручьи
 справа налево,
 справа налево

я эгоистична на концертах
 классической музыки:
 я никогда не думаю об Исполнителе
 я
 хотела бы
 слушать истинного
 Исполнителя
 но
 я
 эгоистична, так как
 так, как
 музыка
 и я хотела бы думать и слушать,
 но
 так как
 я
 я
 я
 я
 я

волосы сырые – под снег
 животню,
 потому, что
 волосы
 такой сырой снег
 что как новенький блестит
 пропущенная пауза
 пропущенная любовь к Земле
 и земле

опускается ли снег?
сырая земля под снегом
падежное окончание снега,
не предназначенное для записи

спонтанное окончание смысла,
дрожь нервная перед Обменом валюты,
несовершенная и совершенная ошибка
царапинка на запястье

✓   ✓   ✓

и снова, опять улетает
вчерашняя птица,
улетавшая и улетевшая вчера
птица
птица, которой так
больно было прилететь
и она прилетела ассоциативно
и улетела буквально
вчерашняя птица, которой
перемещались слова, перемешались погода
со «вчера»,
улетавшая и не улетевшая птица
голубочек с крыльями
не прилетевший туда, куда он
прилетел вчера
купила вчера «Новый жемчуг»,
зубную
пасту

✓   ✓   ✓

солнце падает обратно,
отразившись от преграды
негр кормил меня шоколадкой
и шёл,
но у меня не было
тогда декольте,
алле-оп,
время произошло

Г

а

✓ ✓ ✓

Куле

л

*В одном городе но не в том
что будет поименован ниже
был ослеплён и в воду посажен один вор
бывший холоп боярский
что стал донским атаманом
служил расстриге
по шатости царёва войска покорил ему пол-Руси
да с Тульского сидения был выдан воеводе Крюку
что и свёз его в город сёй
где ему казнь лютую учинили*

и

н

а

Осторожней
На ухабах
Всё хлопаешь глазами
Не защемил бы ресницы

з

Достань из футляра смышчок
Смажь канифолью губы
Не потрескались бы на ветру

е

Нету шапки-ушанки
Печки-оттоманки
Сверни в трубочку уши
Не выдуло бы сор из избы

л

Ты вот сидишь обедаешь
А даже о

е

Том не ведаешь
Адажио
Альбинони
Кто написал?

н

– Не помню.
– Ишь ты! Поди ж ты, вспомни
На небеса
Без дураков до свидания

и

А мы напишем рецепт захудания
Повесим его на заре
На постоялом дворе

н

М
О
С
К
В
А

В казённом графине в номере
Какашка на палочке
Хозяин с хозяйкой померли

а

[*Это она его отравила*]

Благоволите подать сладкое для галочки

Ни сонник-рассольник, печеник-вареник, кисельник-овсяник

Ни рыба ни мясо, ни бе ни ме

[*Мы тут не дождемся ни шла, ни мыла*]

Далее, далее, очарованный странник,

Ты мне купишь медовый пряник

В городе Чухломе.

Шма Исраэль (Слушай, Израиль)

Еврей, завидя христианина, думает:

Вот черт его принес!

Поравнявшись с ним, говорит:

Да сопутствует тебе удача, да улыбнется тебе Бог!

Отойдя, бормочет про себя:

Хоть бы он стигнул, как лед в огне, как фараон в море!

Из средневековой еврейской хроники

Н.К.

Нас будет преследовать шелест листа

И чаша субботняя наша пуста

И кровь того проходимца с креста

Осталась на нас и на них, наших детях

Нас гонят за чёртову черту

И алые черви родятся во рту

У женщин с их тридцатитрёхлетия

Наши братья демоны нам навеки

Продали власть превращать свет во тьму

Шепча магическую абракадабру.

Пойдём-ка выльём отраву в реки

Наведём мор на скот, на людей чуму,

На короля подагру

Мы больше не будем, честное слово

Уйдем отовсюду, подобру-поздорову

И станем питаться лишь в тех столовых

Где клюквенный морс вместо крови младенца

Жить по-людски. Отпроситься у мамы

Собрать чемодан: трусы, полотенце

купальные тапочки

надувной матрас

солнечные очки,

панаму-пижаму

У посла фараона заверить визу
 Но не стоит в отеле смотреть телевизор
 Или лезть в пасть к гиппопотаму
 Или на шею лезть к носорогу
 И обмерять пирамиды Гизы
 А также плескаться в нильских порогах –
 Этим займутся люди иные.

*Пойдём-найдем каирскую генузу –
 Буковки кривые, чудные
 Почитаем понемногу*

Пускай нам сон последний наш продаст
 Иосиф, толкователь сновидений,
 Тот мальчик, что на выдумки горазд.
 Мы так устали от бессонных бдений
 Над книгами: наследье поколений
 Растёт из года в год, как борода,
 Иссиня-чёрная, того жидя,
 Бессмертием наказанного. Пени
 За перевоз не платим. Через реку вброд –
 Вода расступится – и перейдёт народ
 Тот смулый нищий с Мусорных ворот
 Хранитель старенького манускрипта,
 Молитву сотворявший поутру.

*Пойдём что ль выйдем из Египта,
 Покурим на ветру*

✓   ✓   ✓

И вырастет лопух
 Из мягонькой как пух
 И улетит звезда
 Вестимо не туда
 И зонт из рюкзака
 Деньгú из кошелька
 И кольца из виска
 Нам вынут под землёй
 Вино из черепка
 Маслин червивых четь
 Все яства на века
 Все уживутся с тлём
 И тля заполнит клеть

А если это сон
 Такой забавный сон

Что наш фонарь протух
И душу кинул дух
То вырвем мы лопух
И куст насадим роз
Им никакой мороз
Ни жаба не страшны
Ибо нейдут на ны

Взрослыми умными руками
Ты всё сделаешь как надо
Только не стучи каблуками:
Твои каблуки
Слишком высоки
Для нашего променаду
По ландышевому саду

Обними меня. За это
Угощу тебя сигаретой,
Так и быть

Мы с тобой как кузен и кузина
И сейчас ты мне вроде рада
Как слова твои странно легки
Но обнимать мне тебя не с руки:
Мои манжеты слишком длинны
Для нашего маскараду

Позвони. Вдруг я люблю тебя, а?

Е
Л
е
н
а

К
О
С
Т
В
Л
Е
В
А

П
О
П
О
В
а)

✓ ✓ ✓

Что? – не знаю, куда мне здесь,
но налево, наверное,
по Марине соскучилась,
нам в последний вагон.
«Кто такая Марина», блин?
Ты ответь лучше – ты-то кто?
Эти мягкие волосы
кто тебе одолжил?
А Марина в Германии,
что? – в фашистской Германии
умирала бы выпрэнно, закусив губу...
Да ещё и сказала бы
тем друзьям пару ласковых...
что? – Марина в Германии,
она знает язык.

✓ ✓ ✓

Маленькое зеленоватое яблоко в коричневых пятнах лежит на столе.
Мама, как можно жить на земле, рождающей такие плоды?
Помнишь, мы собирались уехать в Америку, мне было десять лет,
и я сказала, что не поеду?
С тех пор ты всё покупаешь себе на улице бананы,
засыпанные снегом и тронутые гнильцой.

✓ ✓ ✓

страх смерти,
ангедония,
отсутствие полового влечения,
потеря аппетита,
обожествление фигуры психоаналитика
(симптомы маминой депрессии)

книжки не открываются сами собой на нужной странице,
как раньше.

✓ ✓ ✓

М
О
С
К
В
А

Вере

даже подумать страшно
«когда-нибудь это случится»
только ты можешь ехать в метро и думать об этом

страшно хорошо, страшно хорошо,
страшно
«искушение»
ну и словечки

*искушение слышать, как ты зашипишь и заплачешь,
искушение слышать, как ты закричишь и замолкнешь
и всегда допиваешь свой кофе до чёрной гущи
и всегда надеваешь халат, выходя из ванной*

хорошо, хорошо, хорошо, я больше не буду

✓ ✓ ✓

тебе и Вере

прохладные пальцы, обещание ряя
я – вторая, и ты – вторая,
Всевышний любит нас, нашими ногами
мы для него – оригами
он складывает нас из цельных листов бумаги
и плачет от того, как хорошо получилось,
как сложно

Всевышний, не плачь,
мы – твоя икебана
недолгая жизнь, син, соз, хиказ,
снизу свинцовые иголки кензана
держат нас, чтобы мы не убежали
не наклонялись друг к другу под другими углами,
пальцы не согревали,
пусть остаётся воздух меж нами,
меж нашими ногами
чтобы ты оставался с нами
несколько дней,
несколько дней в мае,
остановленный взглядом твоим и твоим
вихрь пылинок, мая

мы – твоя родина, господи,
твои любимые треугольнички с круглешками,
твой puzzle из трёх деталей,
фигурки, похожие на человечков,
который мы собирали долгими вечерами, вечно
просто бумага, камень, острый предмет из стали
место, где ты родился, пока мы спали

Трогательное посвящение Львовскому

поля, покрытые цветущими маками,
 поля, покрытые растущими в цене денежными знаками,
 полянки с опятами,
 склянки с опиатами,
 пирожки с котятами,
 поля, покрытые знаками.

Всё для тебя, и не будем больше об этом.

Синий Бархат / Blue Velvet

иногда, лёжа в постели или в ванне, я знаю себя такой большой и ненужной
 на сцене меня видно такой лёгкой, почти прозрачной
 я знаю, что в баре всегда есть пара-тройка извращенцев, которые приходят
 сюда каждый вечер
 по вечерам в этом кабаке я пою песенку
 про

Blue Velvet / Синий Бархат
 1986 – США – 120 min.

Режиссёр

Дэвид Линч / David Lynch

Дороти Валленс
 Джеффри Бьюмонт
 Фрэнк Бут
 Сэнди Уильямс

Изабелла Росселини / Isabella Rossellini
 Кайл Маклахлан / Kyle MacLachlan
 Дэнис Хоппер / Dennis Hopper
 Лаура Дерн / Laura Dern

синий бархат
 американская ночь
 старый любовник
 молодой любовник
 предпочтение неочевидно

неочевидные предпочтения
 заполняют пустоту
 моего сердца
 моего рта
 он сошёл с ума
 вместе со мной
 (с утра до ночи думать про blue velvet)
 про небо?
 про море?
 про моё платье, в конце концов?

не обо мне
не обо мне
это было бы слишком вульгарно
как слишком красные губы
как слишком явные страхи
как эти их белые блузки, супермаркеты, этот климат
как слишком яркий свет
как смерть, как я по утрам
я не хочу ничего даже слышать об этом
(сплю я или не сплю,
в конце концов)
он будет приходить всегда,
пока дышит, пока ругается, пока спит тоскует
пока не кончится кокс в Америке
пока не кончится кокс

синева поглотила нас, синева бессонна,
синева смертельна
синева не щадит ни молодых, ни старых
синева прячется где угодно – в кусочках ткани,
синева проникает в дым, которым мы дышим
синева нависла над нами огромной дверью

от неё никогда нигде не уйти не скрыться
не пытаться, не дёргаться, раствориться
это слишком вульгарно, наверное, слишком лично
раствориться, дёргаться, не ложиться,
кувыркаться, биться, зубами в тряпку вцепиться
пока из неё не польётся кровь Дэвида Линча

Шмелиный мёд

куда деваются ночи которые мы спали
вспомнить каждую и оставить зарубки
на внутренней стороне бёдер
уже поздно
куда девались мы, какими мы стали
без наших безумных солёных братьев
(если мы сладкие)
без наших совсем сумасшедших внутренних сладкоежек
без орфея в солёной слепой утробе
без царя в голове
ждушие снегохода

как получилось так, что мы умерли раньше всех
остальных
безвкусных, пресных

получилось, что нет руки на засохшем члене
почему никто не подрочит

почему никто не приехал и не остался
почему никто не пытался

выкидыши ночей после первой / последней ночи
нерождённые ночи, которых никто не хочет

здесь достаточно холодно, в общем, холодно очень
здесь настанет зима, здесь родится мальчик
здесь тропинка к дому узка и скользко
...хлебный, винный, книжный, молочный.

Я

Н

а

Плясовая

Cuando quiero, quiero mucho.
Cuando olvido, olvido todo.

Koripankarita

Т

О

К

А

Р

Е

В

А

М
О
С
К
В
А

обо всём забыв
людям бы пройти дали
на пути встали
но один мотив знали
норматив сдали
норматив сдали

в глубине души
знаем назубок
хоть и с небольшим стажем
как уходят вбок
пол и потолок скажем
из-под ног скажем

* Когда люблю, люблю сильно.
Когда забываю, забываю всё.

Из перуанской народной песни

МУЗЕЙ КИНО

Я

Н

а

В

И

Ш

Н

Е

В

С

К

А

Я

М
О
С
К
В
А

Это было в то беспримесно счастливое время, когда Наташа Щетинина полюбила смотреть кино одна. В основном она ходила на дневные сеансы, предварительно изучив репертуар на месяц, отметив нужное крестиком. Так удачно получалось, что фильмы, которые интересовали Наташу, шли днем, и она могла получить студенческую скидку на вход. В основном Наташа смотрела немцев, всё подряд Фрица Ланга, ранние работы Шлендорфа. Садилась всегда в последний ряд и смотрела Рифеншталь – что покажут...

Конечно, иногда бывало, что какой-нибудь важный фильм шел вечером. На одном из вечерних сеансов Наташа случайно встретила Лину, старшую студентку из ГИТИСа, куда только что поступила. Лина тоже была одна.

Это был особенный, не лишенный внутренней иронии случай, потому что встретились они не в зале и не на улице, а в вестибюле третьего этажа, одновременно вынырнув из многозначительной темноты кинозала, из-под обаяния интонаций живого переводчика, который, иногда кажется, доверительно разговаривает лично с тобой... На двадцатой минуте полудомашнего фильма Шретера они проскользнули потихоньку – каждая в свою дверь – и увидели друг друга, щурясь, привыкая к яркому свету дневных ламп, и засмеялись облегченно, потому что поняли – обе не выдержали качества копии.

Наташе было мало двадцати минут, ей не хотелось покидать Музея кино, ехать домой, где мама смотрела телевизор. И она первая предложила Лине провести вместе остаток сеанса. Они не стали спускаться на улицу, сели здесь же в кафе, заказали по стакану сока, и Лина потихоньку добавляла в сок вермут из своей бутылки, пока в стаканах не осталось чистое крепкое вино, пока сок не начал пахнуть дурманными травами.

Это был один из самых счастливых вечеров того счастливого времени.

– Знаешь, в чем здесь конфликт? – говорила Лина с той ласковой осторожностью, которая так хорошо напоминала Наташе переводы с немецкого. – Я хочу увидеть, как это сделано, а не о чем. Не повествование само по себе, а его отношения с другими повествованиями, в системе. Это то, что не позволяет искусству стереть границу с жизнью, напоминает о его неизбежной условности. А они хотят заморозить меня, заставить войти в картинку и жить там. Обмануть. Я же всегда видела эту границу между явью и сном, твердью и пропастью. Я делила художника на человека и его мастерство. Я хотела жить настоящей жизнью, и оттого так любила кино о том, как делать кино. Не кино «про жизнь». Понимаешь? Не качаться на мягких волнах узнавания, испытанных, известных наперечет, эмоциональных состояний, а узнавать новое о мире и о новых способах узнавать мир.

Лина слегка сглатывала гласные, подмешивала свой легкий дурманный акцент – тот элемент условности, который и делал встречи

Наташи и Лины достоянием искусства. Наташа почти не понимала Лининых слов, а просто дышала одним с ней воздухом. То есть делала все наоборот. «Как в кино про жизнь», – думала Наташа и прикусывала свой расслабленный вермутом язык, чтобы кино длилось и длилось...

Они не стали обсуждать свою встречу на следующий день, или уславливаться о будущем свидании. Это был такой же счастливый экспромт, как их одновременное бегство со Шретера. Просто встретились вдруг – нельзя даже сказать, как часто, потому что в их встречах не было никакой регулярности. Наташа, например, опаздывала на Мурнау, и вдруг в лифте ее зонтик сплутывался с ремешком чужой сумочки. Владелице сумочки надо было на этаж выше, на Альмадовара, и Наташе приходилось подниматься вместе с ней, торопливо вызволяя спицу.

Как только двери лифта открывались на следующем этаже, вывернутая спица вдруг покорно прилегалась к остальным, Наташа поднимала голову и видела Лину, глядящую прямо в бумажные глаза Дзиги Вертова на стене. Кровь переполняла Наташину сердце, цвета густели, Линин силуэт делался стереоскопически объемным, и Наташа шагала из лифта, как в цветной апокриф «Человека с киноаппаратом», к Лине. Комкала дешевый студенческий билет без места, не вынимая его из кармана.

Потом они оказывались в кафе, пили русский вермут с зеленой этикеткой. Бармен смотрел на них с неоформившимся до конца упреком – для него главным был ритуал, а не таинство, и девочки держали свою бутылку между коленями, по очереди.

Наташа, конечно, не могла быть уверенной в том, что Лина поступила бы с собственным билетом на Ван Сента точно так же, как Наташа со своим на Шлендорфа. Но спрашивать о таком значило путать понимание с компромиссом, то высокое понимание, граничащее с вращением друг в друга, которое знакомо лишь матери и зреющему в ней плоду, ну, может быть, еще влюбленным в их первые дни, – уравнивать понимание с бытовым компромиссом.

Если быть точным, они ничего не обсуждали на следующие дни, потому что вообще не разговаривали, даже не подходили друг к другу в институте. Это было как в самом лучшем фильме, и Наташа испытывала непрерывную, острую благодарность к Лине за то, что та не допускает провалов в части сценария. Лина училась на драматурга, а Наташа – на театроведа, лекции редко совпадали, так что им трудно было длить и длить это дурманное напряжение.

Все-таки они встречались в кино достаточно часто, чтобы Наташа вдруг начинала тревожиться – «Где ты, Лина?» Она думала так, сидя на любом из своих дневных сеансов, в своем последнем ряду, не встретив Лину вчера, позавчера, и одновременно чувствовала себя не такой одинокой перед киноэкраном. (Лина, думала Наташа из своего последнего ряда, где-то впереди ее узкая спина на фоне светящегося экрана, луч кинопроектора очерчивает ореол вокруг головы. Что такое она в последний раз сказала? – «Знаешь, если люди как-то свыклись с тем, что искусство не имеет смысла, то почему тогда смысл должен быть у жизни?»)

Прошел первый мучительный месяц зимы, началась горячка зачетной сессии, потом экзамены, и где-то между ними был затерт Новый год. Для блестящей подготовки к каждому экзамену всегда не хватало одного дня. Наташа почти не выбиралась никуда, потому что Наташина мама сняла для себя копии экзаменационных билетов и сама вычеркивала подготовленные Наташей вопросы. Это была

первая Наташина сессия, и Наташа очень надеялась, что ко второй-третьей мамина хватка ослабнет. Кроме того, первая половина зимы вышла очень холодной.

В один из таких неразличимых стылых дней Наташа возвращалась домой из Театральной библиотеки – мимо кинотеатра «Пушкинский», к станции метро «Пушкинская». В кинотеатре шла премьера Спилберга, а на импровизированной авансцене, то есть у входа в кинотеатр, протекал митинг. Спину к Наташе стояли обычные на такой случай пенсионеры, прогуливающие школьники, городской дурачок в спадающих грязных штанах, в свалывшейся бороде, с потухшей толстой сигарой во рту, с горящими безумием глазами. Немного в стороне, боком к происходящему перетаптывался милиционер. Чуть поодаль возились телерепортеры.

Кажется, никому из них не было холодно, а Наташа подняла воротник и выдыхала горячий воздух вниз, внутрь пальто, чтобы хоть где-нибудь стало тепло.

Сначала Наташа увидела этот митинг с изнанки. Старухи держали свои плакаты, на обратной стороне которых Наташа читала «С новым годом!». «Оставьте нас в покое!» – выкрикивал старик в мегафон, и его надорванный на холоде голос, усиленный, размноженный эхом, оставался в воздухе комьями пара. Это было как в детских картинках – старик говорил слово, и оно еще долго висело рядом с ним, словно написанное в облачке. Он не хотел счастья для себя – только покоя.

Митинг был против засилья американских фильмов в России, и это стало ясно только когда Наташа обошла толпу и оглянулась.

Присходящее под гигантским плакатом, живописующим схватку двух рукотворных динозавров, слишком смахивало на хитроумный рекламный ход, чтобы Наташа не улыбнулась в свой взявшийся колючим льдом мерлушковый воротник. «Снято!» – крикнул телевизионщик, и у Наташи вдруг сдавило где-то рядом с сердцем. Камера не знала об обратной стороне плакатов, об облачках слов, зависающих над стариком с мегафоном. И разве не о чем-то таком говорила Наташе Лина?

Вернувшись в тот вечер домой, Наташа бросилась писать – о все еще неподтвержденном праве автора населять воображение зрителя вымышленными персонажами, о двусмысленной власти автора заставлять зрителя сопереживать целлулоиду... Наташа не могла ни есть, ни спать. Только утром она оторвала карандаш от бумаги, от изнеможения возненавидела свою писанину, скомкала листки, смахнула их на пол, затолкала ногой под батарею. Знать их не желала. Затем последовала серия приступов дежа вю. Наташа легла за двадцать минут до звонка будильника, чтобы не волновать маму. И еле расклеила веки, когда та пришла будить ее. Наташа забыла, заспала свою первую ночь вдохновения, как забывала до сих пор плохие сны.

Перед экзаменом по введению в театроведение слухи дошли и до Наташи. То есть сначала она увидела этот странный приказ на доске объявлений, а потом решила узнать, о чем это ходят по всему институту слухи.

Прежде всего, приказ был об отчислении студентки третьего курса Эвелины Гура – «за увлечение ночными клубами, в которых царит атмосфера морального и интеллектуального разложения», подпись ректора и манера его – он увлекался придаточными предложениями еще когда был действующим театральным критиком. Остальное Наташе рассказывали девочки из общежития. Лина не только выпивала, но и стучалась, выпив, во все подряд двери – «пустите, я все вам расскажу о сексе и смерти». Как-то утром, во время визита ректора в общежитие, она встретила его на пороге своей комнаты, уже набравшись. Она была едва одета, ректор

смутился и двинулся дальше по коридору. «Я могла бы трахнуть его, но удержалась», – сказала Лина всем, кто был в этот момент в коридоре со своими чайниками и зубными щетками. Кто-то засмеялся. Кто-то не мог оторвать взгляд от проема ее халата. Ректор не обернулся, но не услышать Лининых слов и последовавшего за ними смеха он не мог.

Потом стало известно, что Лина пропускает утренние лекции, потому что работает по ночам барменом в танцевальном клубе.

Администрация института примерно прикинула, как соотносятся ее стипендия и ночная выручка. Мест в общежитии всегда не хватало. Лина приехала в Москву из Вильнюса, значит она была неблагодарная иностранка. Ректор в конфиденциальной беседе предложил ей покинуть общежитие – это еще не значило отчисления из института. Лина сказала ему, что только вчера сделала от него аборт, чувствует себя очень плохо, и как, мол, ему не стыдно. То есть не просто сказала, а закричала так, что секретарша ректора тут же показалась в дверях с бутылочкой валокордина. За ней сквозь приоткрывшийся проем в кабинет смотрели декан, замдекана и два проваливших зимнюю сессию пятикурсника. На лицах пятикурсников было написано торжество. Им мгновенно начислили стипендию и выпроводили вон.

Старший брат приезжал за ней из Вильнюса, но она чуть не убила его тупым кухонным ножом.

Тошнота правдоподобия закружила Наташе голову. Она выслушала все эти дурные выморочные подробности, одну за другой, покусывая нижнюю губу, сплывавая, чтобы подавить дурноту. Из прошлого на нее смотрели светлые, словно бы недопроявленные Линины глаза. Силуэт тускнел, уплощался. Наташе хотелось встать и выйти, сбежать с этого сеанса, не видеть, как копия трескается и рвется. Давно прошли те времена, когда Наташа могла поверить, что в отцовских руках, помещенных в луч света, действительно пряталась птица, и это тень ее крыльев на белой стене. Как давно? Примерно тогда, когда отец ушел от них с мамой.

– Я совсем ее не знала...

Девочки закивали, приняв это не адресованное им сочувствие, но Наташа никакое не сочувствие имела в виду.

На каникулах мама повезла Наташу в Татры – кататься на лыжах. Мама обозначила цель их поездки словом – «дышать». И когда они возвращались самолетом с горного курорта, Наташа ловила себя на том, что задерживает дыхание.

Двадцать восьмого февраля Наташа ставила свои аккуратные крестики против фильмов Маргариты Дюрас. Кажется, ее немецкий период кончился и начался французский. Первого марта, за десять минут до шестнадцати ноль-ноль она готовилась ступить на пешеходную дорожку, двигаясь в сторону Музея кино, думая о фильме «Грузовик» с Депардье.

Лина возникла прямо перед ней, не дав наступить на белую полосу «зебры».

– Ты опоздала, – сказала Лина, словно они расстались только вчера и вопреки негласному соглашению все-таки назначили друг другу встречу.

Лина выглядела так странно, что Наташа даже не обратила внимания на странность ее слов. Земное притяжение словно оставило Наташу на несколько мгновений. В голове сделалось гулко, как в пустой комнате.

– Слушай, пойдем лучше ко мне, я здесь рядом живу... Я сделаю все, что только возможно сделать, когда приглашаешь в гости женщину.

«Она сошла с ума, – подумала Наташа, – просто обезумела».

Лина взяла Наташу за ее зонтик, не заметив, как Наташа пошатнулась, пытаясь отступить подальше. Был первый весенний день, солнечный, ясный, но мама дала Наташе зонтик на всякий случай.

– Не обижайся, – забормотала она, – но сегодня «Грузовик», по сценарию Маргариты Дюрас, я так давно хотела посмотреть, больше такого случая не будет...

И боком, боком Наташа обошла Лину, оставив в ее руках зонг, бессмысленный в такой ясный день.

Но Наташа так и не посмотрела фильма, о котором она врала обезумевшей Лине как о главном фильме своей жизни. Как только в зале погас свет и пошли титры, Наташа заснула, и проснулась точно в тот момент, когда экран высветил слово «конец».

Наташа спустилась по ступенькам, не задерживаясь у стойки бара. На улице была почти ночь, тучи впитали весь свет первого мартовского дня. Пошел крупный, мягкий, медленный снег. Мама еще долго вспоминала Наташе потерянный зонг. Весь март шли дожди. Но Наташа не покупала себе нового зонта, а как будто чего-то ожидала, на что-то надеялась, что не могла описать словами.

ПАСХАЛЬНЫЕ ОТКРЫТКИ

1.

Наташе Черных

Пятеро у изгиба арочки, за которой пересыпанный снежными хлопьями сад, окривевший от заходящего солнца. К старым деревьям ведут (на заднем плане) низкие каменные ступени.

Двое в глубине, по ту уже сторону, волосы застряли в засвеченном сукне сада, у корней приятно напряжены. Все в тесно облегающих брюках, свободно накинутых на плечи шерстяных кофтах или коротких замшевых курточках.

Приметы и предметы времени. Манерный изгиб в пояснице (обрамление) либо, напротив, нарочитая ходульная прямизна (обрамление же) и удостоверяющие ее башмаки на монументальной подошве. Здесь – остроносые туфли, эпидемия цветочных орнаментов (позднее будут вырезы в виде опрокинутой церковной маковки, блузы из нейлона, гелиевые пиджаки), необоримое искушение проболтаться о готовящемся заговоре, благо о нем покамест ничего не известно, да и то из третьих рук.

Три замка одновременно щелкнули, разом сложились три пустячайшие головоломки – так возникает то, что принято называть настроением, если угодно – пафосом. Самоотверженная протрация, умеренная континентальность, анемичность остывшего, закостеневшего в беззаветно картинной позе мелкого триумфа. Закат, финал в самом начале пути, преждевременное подведение итогов, нахальное и торжествующее. Они стоят, чувствуя лопатками сад, спинами подпирая свое новорожденное шаткое достижение. Только теперь стало заметно, что картинка слегка сдвинута вправо, так – у одного из пилястров на первом плане сохранился лишь цоколь; что пол неровен и влажен от успевшего растаять снега. Это не вход в жилое-теплое, но, вероятно, на галерею, в неотапливаемую прихожую или огороженный бутафорскими стенами дворик. Замерли, холод собой отделяя от неуютя.

И опять же не сразу, а немного погода становится понятно, что властвуют двое. Беловолосый прислонился к скудному обозначению пилястра; левая рука неестественно отведена за спину, прядь волос закрыла левый глаз. За его спиной торец чугунной решетки: при надобности арочка перекрывалась одностворчатой сквозистой дверью. Второй, темный, отступил на несколько шагов, правой рукой держит у губ папиросу, два пальца сильно отогнуты, вероятно, жаждут погладить горло, на запястье поблескивают часы.

Но неочевидно это господство, и дуумвират ненадежен; ибо в свинцовой легкости подобных пауз всё расточает, раздаривает охотно притягательность и власть, и всё спокойно, без зависти – принимает.

В
А
Н
Ш
Е
Н
К
И
Н
А

М
О
С
К
В
А

2.

Алексею Цветкову

Красота убьёт цивилизацию. Красота скринсейверов, снов искусственного разума. Высокие Технологии остановили большое колесо сансары, но малое продолжает вращаться и увлекает нас за собой.

Hey, you! – слышится голос – Эй ты!

Hey, you! Эй, Иуда!

Ты молчишь. Должны ведь существовать на свете слова, ответить на которые значило бы не понять, хуже – раздражить желчь, линией фронта отрезать собственные рецепторы. Сиди тихо, руки сложи на коленях или на груди. Через несколько минут ладонь начнет произвольно поглаживать грудь, колено.

На черной пашне ты увидишь пурпурный массив латиницы. Garamond Bold палицей ударит тебя, а после поплывет, подобно дельфину, сопровождающему корабль в море. GOD GO HOME

Ты не вернешься домой.

3.

Свете Богдановой

Застекленное окно, пронцающее пласт едва покато́й крыши (*осенью бьются о стекло мелкие хляби, после запекаются они в сероватый ледок, заматает всё волнящийся снег – и боги ведают, чем глядится он в глубину дома: лазоревым камнем, блудливой сорокинкой мутью или коричневатой коростой, назойливой грязью; трещит, потрескивает толстое стекло, держит свое слюдяное бремя, но весной, в апреле, проясняется стеклянная душа, теряет толщину и влажность, будто и нет ее между рамами, и лишь беспристрастный взор вперяется в картину, столь яркую и неподвижную, такого строгого и спокойного рисунка, что мнится она приговором глухого фатума, судьбой, предначертанной не одному только человеку, но Ангелу династии, судьбой крови*) открывает пядь комнаты – ванной, операционной или кухни, судя по тому, что видимая часть стены облицована белым рельефным кафелем: в центре каждой плитки горит фонтанчик белого огня; пол устан молочного цвета линолеумом.

На нем плашмя лежат две девушки, разительно несхожие: лишь спустя долгое время являются многие повторяющиеся черты в их облике и костюмах. Обращены головами на Северо-запад – одна и на Юго-восток другая. Скрытые светильники озаряют острый подбородок и черные губы первой, лоб и брови второй, кисточками у переносицы. Атласные кофты глядят из-под игрушечных защитных панцирей, облегающих стройные фигурки, у пояса срезанные оконной рамой.

Одной рукой каждая прижимает к бедру старинный меч, – быть может, только рукоять с наверхуем в виде Чаши Грааля и выплавленной из меди виноградной кистью, спускающейся на широкое лезвие, – розоватые пальцы покоятся поверх, розоватые шейки перевиты алым шарфом с грубым орнаментом из переплетающихся звезд и колес, талии опоясаны кушаками той же ткани. Каштановые волосы льются на лоб, далеко на затылок сдвинут маленький, гладкий, словно купальная шапочка, шлем, украшенный алым плюмажем. Лицо полуприкрыто качнувшейся, будто маятник, маской с каштановыми лаковыми усиками над безмятежным пло-

дом рта, с ястребиным носом, с античными глазницами, в которых сквозит розоватая девичья кожа.

Другая рука закинута далеко за голову: кончиками пальцев девушки придерживают овальное зеркало в раме, испещренной красными и зелеными треугольниками, подогнанными друг к другу, точно зубы плотно сомкнутых челюстей. Тот, кто прики к стеклу, напрягает зрение, сиюсья высмотреть дичь, пойманную в капкан, но тцетно. Лишь предпраздничная лазурь вяло плещется в его зрачке, не то коричневая короста, блудливая муть.

4.

Паулу Пепперштейну

Пролог. Жиль и Никон сошлись зимой 1995 года в Праге. Никон, студент МГИМО, вывез на вакацию тогдашнюю свою подругу, Лидию. Жиль, недавно завершивший обучение в Сорбонне, тревожил сон Святого Вита одинокими ночными прогулками. Никон и Жиль познакомились в модном пражском подвале за бокалом Райского Молока, почувствовали взаимное влечение и вскоре сняли квартиру в Париже.

Возлюбленные не расстаются в течение восьми месяцев и вместе едут в Германию. Вблизи Дрездена Жиль гибнет в автомобильной катастрофе. Никон возвращается в Париж, где, благодаря связям Жилия, работает в парфюмерной конторе. Еще через полгода он встречается с Аной, рыжеволосой девушкой чешского происхождения, студенткой Сорбонны, которая становится его женой. Немного погодя Ана наблюдает таинственные, рационально не объяснимые изменения в психике и темпераменте Никона. Ей мнится, будто она попеременно делит супружеское ложе с двумя разными людьми. В ряде перипетий выясняется, что со смерти Жилия его связь с Никоном не прерывалась. Поначалу их свидания происходили во снах Никона, затем новоявленные Диоскуры стали сменять друг друга в одной телесной оболочке. Тело Аны сделалось их общей памятью и сосредоточением чувственного мира для Жилия.

Всё идет как нельзя лучше до тех пор, пока Жилию не удастся вступить в прямой контакт с Аной. Во внезапном озарении Ана находит образ Жилия среди своих детских воспоминаний: это прежний хозяин дома недалеко от Кладно, где поселилась ее семья, — который затем неоднократно навещал их уже как гость. Ян Видов, рослый брюнет, казавшийся ей воплощением аристократизма, был в действительности итало-чешским полукровкой. Он имел дурную репутацию: поговаривали о его доверенной дружбе с итальянскими фашистами. С Аной был презрителен, терроризировал ее, как прислугу, истязая двенадцатилетнюю гордыню (родители, обыкновенно баловавшие дочь сверх меры, не противились этому и во всех раздорах принимали его сторону). В другое время, напротив, был слащаво, утрированно нежен. Юная Ана считала взрослых существами рабской породы, предсказуемыми и услужливыми, поддельными даже во гневе, и только теперь избавилась от этой иллюзии.

Видов носил черный джемпер с высоким воротником-трубой, но однажды пришел будто на званый вечер, запонка Кошачий Глаз впилась ему в горло. В матушкиной комнате Видов усаживался за фортепиано, бравирюя маленьким уродством: на его левой руке от рождения не доставало одного пальца.

Прошлое Аны, инфантильность неведения, по которой она смутно тоскует, и жажда повиновения, — неотразимое оружие, направленное против ее искушеннос-

ти, против настоящего. Никон заболевает, его жизнь под угрозой. Супруги в лицах разыгрывают эпизоды из детства Аны. Во время этих сеансов Никон чудесным образом преображен, к нему как будто приливает бодрость, но затем его состояние резко ухудшается. Ана со страхом осознает, что желает смерти мужа.

Дальнейшее развитие событий не совпадает с классическим сценарием (недолговременное, но эффектное воплощение Жилия, следующая вскоре за этим смерть Никона, безумие и одинокие скитания Аны) благодаря некоторым обстоятельствам прошлого девушки. Во сне Ана вспоминает, как, шести лет, играя с охотничьим ружьем отца, прострелила палец Видова.

Эпизод: Ана покидает Никона, спасая его жизнь, и уезжает в Кладно. Никон помещен в лечебницу для душевнобольных. Жиль слепо и тщетно вожделеет Ану, полагая, что стремится к воссоединению с Никоном.

Но и эти трое не вполне несчастливы: гостеприимная и всепрощающая юдоль дала им приют. Здесь тихо веет ласковый ветерок, он несет на прозрачных плечах аромат цветов и колокольный звон.

Здесь длань Абсолютной Справедливости рушит причинную цепь, выпускает на волю бледных узников. Здесь, у врат почтенного дома, освященного ореолом горделивого самостояния, печально и подолгу пребывают они – в старомодных, чуждых одеждах, в скорбных земных обличьях – и беседуют о невозвратно ушедшем.

Сладко бормочет листва холёных деревьев. Стрелки часов на статной башне недвижимы: они знаменуют время дневного отдыха. Два флигеля, соединённые с главной частью арочными переходами, раздalisь, будто гостеприимные объятия: Жиль и Ана, обнявшись у самой стены, шепчут о любви и бессмертии. Их супруг Никон, стоя поодаль, наблюдает беседу. И лишь ничтожный зрак дневного фонаря – свидетель того, что вершится в его уме. Светлы, величественны и бесслезны мысли Никона – такими только и могут быть они в райском хайдзэе.

Под покровом Легитимности, на стодолларовой банкноте, благодать фальшивомонетчиков осеняет их.

5.

Роману Шебалину

Я видел старика, плетью понукавшего маленькие вагонетки, груженные углем. Вагонетки неслись по игрушечным рельсам, очевидно, замкнутым в кольцо: небольшой отрезок пути был укрыт сероатой бетонной трубой тоннеля, где они с грохотом исчезали, чтобы спустя мгновение появиться на выходе. Старик, указывая плетью на вагонетки, произнес: Это невыпущенные птицы Хайма Сутина.

6.

Диме Воденникову

От преизбытка, от чрезмерности обладания происходит в древнейшем мифе дарение. Щедрость произвольна: даруемое изливается из наполненной сверх

разумного чаши. Революционность предположения об обратном далеко превосходит инновации христианской морали.

В поздних мифах дарящий – негатив, изнанка дара. Способность дарить вырастает из осознанного отречения или ущерба, причиненного свыше, – различие между первым и вторым тушует перед финальным чудом: камень утешил сухость путника журчащей влагой, не то – произвел из себя обильную и плодоносную поросль; старик ветхим оружием, трепещущим словом вручил победу яростным воинам; ведьма облекла девушку в красоту.

Речь идет об инверсии, созданной воображением, о моральной бухгалтерии, согласно которой дарящий обязан быть скуп к себе: из себя он эссенцирует, извлекает даримое. Бывшее пестрой одеждой – ум, красота, преуспевание – спущается в тайное оружие: действия дарящего завоевательны; вассалитет – начинка чуда.

Лишь тот, кто *не питается* своими качествами и умеет совлечь их с себя, получает взамен безгрешные универсальные инструменты. Святой так поступает со своей волей, юродивый – со своей разумностью, а кто поступает так со своей жизнью?

Смерть в стеклянном гробу. Смерть, разрешившая подглядывать за собой и сама любопытная, как Белоснежка, петлистым диснеевским глазом дозирующая за спелым тестом интриги. Она надругалась над целомудрием гниения. Она разочаровывает: лицемерием, скудостью хорошо воспитанной вещи. Вымороченная, несносная смерть.

Но и такая выплескивается наружу глянцевицей, ушлой, податливой, как галлюциноз, жизнью. Сложноцветные города прорезают прозрачную крышку гроба, – орешек тела нерушимым покоится под ней. Не слизь, не мякоть разложения, но эгоизм жертвенности, расчетливой и прелестной, – в фундаменте нарядных городов. Не шевельнется, не восстанет из забвения властное тело: не потревожит сон бессмертных городов.

7.

Екатерине Шевченко

Рядом со мной родные вещи и люди, но опровергнутые и странно сосредоточенные, и справедливые. Между ними по-прежнему нежность и пыль, только подступая ко мне, принимают они небывалую скромность, словно бы совершая новый ритуал.

Я спряталась далеко, я упала в такое укрытие, куда бы никогда не смогла забраться, будь я жива. Следовательно, заключаю, я умерла. Празднично оклеенную коробку, где я лежу, оставили в гулком помещении, похожем на вокзальное, и, ослабив ленты, отогнули картонную крышку, позволяя видеть остекленное небо и неровный позвоночник дневного света. Я чувствую дальнюю суету многих тел, ее не слышно и не видно, но можно осязать через толчею палевых молекул в воздухе. В беспредметном ожидании я представляю лицо и мимику того, кто должен, наконец, забрать меня отсюда; вот и он сам опускает руку на высокий бортик моего картонного местилца, но медлит заглянуть вовнутрь.

– Заберите ее, – слышится звенящий командный голос.

Английские музыканты, московские звери и пригородные девушки склоняются надо мной, я не прощу им того, что они закрывают меня.

Футурист в Пятигорске

футурист в пятигорске
 среди низких белых стен и ярких цветных пятен
 обозначающих тёплое тело земли
 растения на ней
 кусты терна, шелковица, сосны, кипарисы
 изгибы холмов
 рослая женщина вдали подняла корзину на круглые руки
 дольные скалы
 жёсткие морщины охотничьего лица
 складки далёкой воды
 круглые руки земли несут каменный сосуд с растениями
 круглая шея земли окружена гирляндой цветущих гранатов
 футурист в халате
 ткань отреклась от своей природы
 футурист молчит
 как на рисунке сестры Веры
 он не футурист!
 среди цветущего сада – лицо коня
 белое пятно рубахи
 мужчина и мальчик рядом
 и море вдали

Футурист на одре
 он выждал
 когда склонится шаг
 вот, беглый хоронится за кустами
 в груди же трудно вздрагивало
 так
 как если бы он стал уже землёю
 а сердце билось, билось
 выждал
 когда? когда?
 вот шаг шуршит неслышно
 на грани ожидания
 узнал!
 начальное медовое движенье
 наполнило слабеющую грудь
 Голгофа лба скруглилась
 зрак узнал
 узнал слова медовые за гранью
 за гранью ожидания
 он взял
 и тело всё в халате на диване
 холодный чай и гречневый табак
 весь город
 и прекрасных стариков

М
 О
 С
 К
 В
 А

и внуков их с букетами листвы
он истекал и всех поил собою
он жадно всех собою напоил
поскольку всех любил и видел звёзды
крупней, чем нам дано их замечать

В жаркий день в здании архива

Сладкий запах лежалой бумаги
по сырым коридорам.
Варвары и варяги,
разговоры, затворы.

Ходит женщина в униформе
от подошв и до темени,
дым столбом в разговорне,
злое кружево времени.

На ободранных стенах кирпичных
только солнечный свет остаётся.
Запах больничный
вьётся, сыплется, льётся.

И в глазах наступает затмение
и от солнца жестокого,
и от глыб несогретого времени,
запах теплится около.

Этюд

Интенданту Анри де Бейлю было видение,
зимой 1812 года в России,
под Березиной.
Старый Кутузов, рассупонившись, стоял у стола;
больные ноги едва держали полководца.
На столе в медном подсвечнике трепетала
восковая свеча.
Фельдмаршал слушал далекое пение,
которого никто, кроме него, не слышал.
Слёзы капали на раскрытую Псалтирь.

Интенданту Анри де Бейлю было видение,
в ту самую ночь.
Ему не спалось.
Он вспоминал русских, с которыми ему довелось беседовать,
пока легкомысленная его армия болталась по пожарищу Москвы.
Военный инженер Анри очень любил Наполеона

и доверял силе чувств и разума.
Он был свободен, как каменщик.

Ночь вьюжилась над ледяной рекой.
В голове интенданта кружились детали обстановки русских гостиных,
интонации и слова.
Что-то похожее на ужас касалось сердца,
мыслью: за этими барами,
живущими словно на ветер,
что-то огромное было.
Но что?

Ночь вьюжилась над ледяной рекой.
Ангел русских плакал и звал Ангела французов.
Ангел французов рыдал.
И тогда небеса открылись,
и босиком по снегу сошла молодая Девушка с Младенцем.
Ангелы склонились к Её стопам.
– Ради Её просьбы, – сказал Младенец Ангелу французов, –
Подними их. Пусть идут. Ночью же.

Интенданту Анри де Бейлю было видение.
Его коснулась нежная рука, и сладкий голос сказал ему:
– Вставай и возьми свой отряд, сейчас же!
Наутро русские будут стрелять.
– Но как же все остальные?
На что тот же голос ответил:
– Не мешкая!

И вот, через вьюгу, по льду, по реке
двинулся отряд невыспавшихся гонимых захватчиков.
К началу обстрела они были уж на том берегу.
А Кутузов так и не спал.
Царь и пророк Давид, победивший Голиафа пращью,
смотрел из гравюры в начале книги.

Интенданту Анри де Бейлю было видение.

Смоленка в Петербурге

Жёлтые стены обозначили конец географии.
Дальше начинается другая сторона бытия.
Туда уходит трамвай без пассажиров,
туда переброшен мост.
У пределов плещется речка Смоленка.
Вот, я пришла.
Меня зовут Наталья.

(Оглядываюсь по сторонам.)
 Ты сделала ещё это и это.
 Здесь – я одна.
 Калека юноша подходит и просит денег.
 Мелочи нет у меня.
 Возьми бутерброды.
 Взял.
*Я пришла на третий день,
 был разрушен мой плетень.
 На девятый день пришла –
 домик маленький нашла.
 Сорок дней прошло – и гость:
 – Будет суд судить Господь.*

С
 е
 р
 г
 е
 й
 М
 о
 ш
 к
 о
 в
 с
 к
 и
 й

Старуха

Старуха уже чуть ли не полвека живет одна в городской квартире. Она насквозь больная, не ходит, а ползает с клюкой. Соседи уже десять лет назад думали, что та скоро умрет, а ничего, жива! Только раньше была жирная, а теперь высохла.

Родственников у нее нет, ухаживать некому, но, к счастью, находят-ся желающие унаследовать ее квартиру. Эти мужчины и женщины, бесполье, как ангелы смерти, обслуживают старухе.

Ее пугали фотографические портреты, висящие на стенах: ночью фигуры на них оживали. Поэтому приходящая работница завесила их старыми номерами «Литературной газеты». Но вскоре после ее ухода в открытое окно подул ветер, и газета с одного края отцепилась от стены. Тогда старуха (как ей удалось встать?) пошла на кухню. После двадцатиминутной борьбы с выдвигаемым ящиком она достала оттуда молоток, и, вернувшись в комнату, прибила газету обратно. Затем, удовлетворенная сделанным, снова легла.

М
 о
 с
 к
 в
 а

Е

В

То появлялись, то исчезали,
То опадали, то набухали
Белые листья в белом стакане,
То на столе, то на шкафе стояли.

Г

е

Не было солнца, и всё же садилось,
И становилось прохладно и сонно.
В песочных сумерках нашего дома
Сразу заснёшь, если сесть удобно.

Н

И

То было лето, то была осень,
Взрослые сами не понимали.
То на столе, то на стульях стояли
Девочки в гольфах и со стихами.

Й

Шептали шёпотом и говорили,
В креслах сидели и тихо пели,
И собираться чаще хотели,
И всё жалели, что нет камина.

Р

И мама моя эти дни любила,
То появлялась, то исчезала;
То у дивана, то у малины,
Которая в миске на полке стояла.

А

К

Обычным утром, растворимым
Случайным звуком
Пройти, не глядя, в белом дыме
Из чёрных люков.

О

Спеша узнать, как в день рожденья,
И замирая,
Взлетать сквозь воздух отраженья
В окне трамвая.

В

И

Ч

И
Е
Р
У
С
А
Л
И
М

Где тает дождь в своих деревьях,
Где осторожно
Плывёт пакет в песочном небе,
И где можно

В забвеньи жизни, слов любимых
Не узнавая,
Послать тебе в открытке с Климтом
Привет из рая.

И

✓ ✓ ✓

Люблю меняться с тобой местами,
Искать врага,
А ты вся пепельная, пустая,
На трёх ногах.

О

Бывает так, что изнанка года,
Но я солгал:

Л

Мы не готовы к такой свободе,
К таким ногам.

а

✓ ✓ ✓

Й

Семнадцатого августа я встретился с Ларисой.
Досадно быть витриной или сахарной главой,
Но та, уже готовая обрушиться кулиса
Не верит, что приснился тебе только поплавок.

Э

Нам взрослое мерещится с раскрытыми зонтами,
Рифмуется с побегом и прорывом на Восток,
Как будто это влага оглушающе пустая,
Когда ты после лета проплываешь под мостом

В

И видишь половину непридуманного края,
Костёр твоих бумажек непривычно городской.
Но, парусником став, уже готовая преграда
Готова перевёртываться вместе с турником.

Я

Г

✓ ✓ ✓

И

Ощущая себя близоруким, нагим, –
Слишком часто дышал или быстро листал, –
Где бесснежие, вставшее с левой ноги,
Всё внимание к ней у стального шеста.

Н

Ц

Шоколадной фольгой шелестящий успех,
Запрокинутый голос, в снегу голова,
В тот момент, когда ты заходила в купе,
Как безумная нитка обратного шва.

Е

В

М
О
С
К
В
А

А себе говорил, что костёр в голове
Не заменит костра в середине строки
И ловил её зеркальце в мокрой траве,
Кожуру мандарина от левой руки.

Возьми бумажного Тарзана,
Не ставший парусом рюкзак.
Она с закрытыми глазами,
Как будто с третьего туза.

Такая старая реклама,
Что рыбы дышат под водой.
Летишь бильярдными столами,
В табачном свете поводок.

Теперь прицелься в треугольник,
И, если выгонят зевак,
Припомни город с колокольней,
Как лучший афродизиак.

Канторов! Город в пустом фонаре,
Правильный круг и большие глаза.
Книжка такая: не встать – помереть,
Штамп на семнадцатой: дальше нельзя.

Можно ловить у прикормленных мест,
Сеткой завешивать антимоскит.
Ноев ковчежек картин и невест,
Если художнику жмут башмаки.

Может, и впрямь кристаллический йод –
Просто на коже предчувствие крон,
Если бы вместе друзья и зверьё,
Бабочки-бражницы с ветки метро.

Дмитрию Воденникову

Ему ермоловскую хочется спину
Или среди города поднять воротник,
Зима ушла, но так зацепила,
Что всё своё оставила с ним.

В снегу лежит дорожка трамвая:
Скользил без палок, спокойный шаг.
Я тоже двигался, не всплывая,
Никто из публики мне не мешал.

Нервов клубок, механизм кулисный –
Просто коробка над потолком,

Ведь ты рисуешь отменные листья,
Они хрустят и едут верхом.

А кто-то из тысячадевятисотых
Будет смотреть и делить пополам.
Господи, вот свинцовые соты,
Я лучшая в мире цветная пчела.

Мы с тобой проплавали от парка и до парка,
Заслужила парочка отдельные хлопки.
Город перевернутый так раньше хлопал партией,
Ныне он таращится на наши поплавки.

Звуки корабельного и кровельного леса,
Нами недоеденный расплаканный сыр.
Чувство одиночества, не ставшее железом,
Вечные любовники прибрежной полосы.

Если это молодость, я мог бы захлебнуться,
Даже не почувствовав, что выдался улов,
Но всё это забытое на палубе, на блюде,
Говорит закуривать, смотреть на потолок.

Илье Кукулину

Куда мы тянемся весенними ушами?
Друг литератор, прогони меня взащей!
Все стадионы наших старых полушарий –
Таблица сбитых и пропущенных мышей.

Любой прохожий, даже ссылку пропустивший,
Он-лайн здоров, прооперирован и сыт.
В подземном городе, в одном из восьмистиший
Ты тоже парусник зелёной полосы.

Нежестокый романс

Вам обещал пароход колесо.
Палец подставила – нет колеса.
Разного цвета глаза и висок,
Город к реке возвращается сам.

В пятницу это, наверно, костёр,
Ночью присяжные бьют по рукам.
Сверху от берега ёлка растёт,
Дальше дорожка и шире закат.

Что бы такое себе загадать –
 Не задохнуться под мокрым плащом,
 Редко охотиться, плыть по следам,
 Выдержать паузу, или ещё

Быть машинистом, не быть рулевым,
 Будто в мишень, отвечать на гудок.
 Воздух такой, как наклон головы,
 Если сравнить человека с водой.

М

а

р

и

н

а

Мы откуда-то из времён Марселя
 Пруста и Пикассо,
 пыльных
 пробковых комнат округа Монмартра;

этой вотчины рыжих моделей
 и одиозных особ,
 или
 художников, не признающих театра

из-за его безразличия к телу
 да ещё духоты.
 В общем,
 налёта классичности. «Юркий кролик»:

М

А

Л

В

Ц

Е

В

А

О
 Р
 Е
 Л

боги пируют, а между делом
 давно перешли на «ты».
 Проще
 войти в их число, чем занять их столик.

...Мы из тех времён, несмотря на эти.
 К тем же огням
 мимо
 Монмартра спешим, не щадя дороги.

Словно и не бывало столетья,
 которого беготня
 мнима.
 Век задержался на Прусте и, дрогнув
 всем телом, остался бежать на месте.

Близнецы

е

Плывёт беседа
Только мы
уже изнежились и мало отвечаем

р

Ты Кастор не сердись а я вчера
ушёл не попрощавшись

Г

Из Млечного Пути ни одного ведра
я не стащил

е

Мне обещали
другое молоко
я экспрессионист
я немец в общем или в целом

й

Послушай
где аплодисменты там и свист

По паспорту я Пауль Целан

Твой новый документ
смотри же Полидевк

Щ

какая пустота и тишина
гнетущая любовь
вот белизна
а вот и кровь на молоке

Ё

Плывёт беседа
мы мало говорим друг с другом
мы ещё молоды

Л

Эллада
нас повенчавшая
ещё в черновике

О

✓ ✓ ✓

К

Золото моё,
как день глубокий,
каждый сверчок
знает назубок

О

твой слог,
взмывающий шесток –
и колотый мрамор в раю.

В

А я пронзаю только твою
землю обетованную.

о всяком вине
и всяком дожде
пусть застынет сладким огнём
бронзовым василиском
пусть свернёт с пути в сентябре
и окончится память
как спазмы привычек
маршруты трамваев
как стихи с буквы «Л»

**К
Р
И
С
Т
И
Н
А**

После гриппа

письмо С.К.

поедем на твоей коляске инвалидной
какой-то полуостров ~~кольчатый~~ скользкий
[подумай твои картины плюс мои стихи]
вот только пять тысяч надо
и спальник хороший
для искусства ведь ничего не жалко

Бикоз

– ицокей, – говоришь
– что ты имеешь в виду:
милых англичан, живущих по соседству
или что-то иное? – спрашиваю
– nahin, – ответ
– я хочу путешествовать с тобой! –
утверждаю
– всё появится рано или поздно, –
отвечаешь
– ицокей, – говорю, и что-то ещё
очень английское тебе

**Ц
Е
Р
В
Е
Н
К
А**

С
А
Р
А
Т
О
В

ДЕСЯТЬ ЭПИЗОДОВ ИЗ ЖИЗНИ ЭЛИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ТЕРНОВЫХ

Респондент – Элина Александровна Терновых, год рождения – 1991, год обследования – 1999.

Оппозиционность – зависимость от чувств – концентрация.

Считается только со своим мнением и упрямо отвергает все, что мешает осуществлению собственных намерений.

Как и предыдущая треть ее рук, сминающая хлеб в маленькие шарики, отправляя их в рот механически, смотря при этом в окно, Лина видела отражение белых птиц в лужах, их медленное дыхание крыльев и изогнутые шеи. Кошка пила воду из лужи, не доставая до неба, и не достать ей было до птиц никогда – она оставалась птицей земной. А все белые птицы были, в свою очередь, летающими кошками особой короткошерстной породы с клювами вместо мокрых носов, с розовыми цевками вместо пушистых лап. Черные матовые глаза и медленнодвигающиеся челюсти – Элина Александровна была безупречна в своем видении внутреннего двора. Без отрыва от повседневной жизни она могла запросто увидеть ресницы сокровенного глаза в обломке красного кирпича, Христа распятого – в пыльном засохшем кусте.

Э.А.Т. было восемь лет, когда во дворе перед домом в белой чашечке цветка она увидела муравья, застывшего в капле летнего дождя. Капля была хрупкая и живая, она искрилась и переливалась на наверху стоящем после дождя солнце. Маленькое черное тельце в приплюснутом шарике воды напоминало мамино украшение из янтаря – гладкий медальон со страшным, мохнатым жуком внутри, которое было приятно держать в руках и знать, что жук останется в своей тюрьме и не выберется оттуда.

Лина присела на корточки и, вытягивая шею, стала медленно приближать глаза к чашечке, пока, наконец, лепестки белого цвета не заслонили собой синее, пронизанное желтым, небо. Насекомое в водяной скорлупе, казавшееся издали мелким и четким, теперь резко увеличилось в размерах и потеряло свою хитиновую очерченность. От осторожного дыхания девочки чашечка слегка покачивалась, и на капле появлялись едва заметные морщинки. От неосторожного дыхания девочки капля ручейком стекла. Лина щепкой проткнула воду. Муравей задергал лапками и юркнул вслед за сбегавшей водой между белыми лепестками.

Считает маловероятным, что ее надежды сбудутся, и предается жизни праздной, лишенной каких-либо проблем.

Одиночество будит выражение Лины, отторжение прivityх фраз, постижение чувств, ими же постижение красных сполохов, нижних волохов. Хватит в темя, розово-розово-розовое вспыхнет, ореолом нежным скрепит зорко метель пуха, вскинутая к изголовью выпотрошенная подушка:

– Ель низко лапой по земле, накрыв тело, и ноги теплым – не встану, – думала Лина, – далеко не уползу на коленях, волоча перебитые ноги.

И просыпалась, шумно глотая полуденный воздух открытым ртом.

Шла на нетвердых ногах, покачиваясь, в ванную, где пила из-под крана ледяную воду, подставляла под нее лоб, до онемения всовывала под струи пальцы рук. Похолодевшие, они чувствовали всё иначе, и Лина касалась знакомых вещей, тихонько перебирала листья цветка на окне и удивлялась новым свойствам знакомых предметов. Закрывшись цветком от начинавшего уставать за день солнца, положила голову на подоконник, Лина выискивала сквозь выдуманный лес листьев ослепительные зеленоватые лучи, поневоле закрывающие ее серые глаза. Тогда Лина видела мгновенные сны – состоящие из одной цветовой гаммы картинки с неясными светлыми пятнами, смазанные и нечеткие. Виднелись люди, не похожие на людей, слишком тонкие и неясные для больших существ из плоти, виднелись тонкие нити паучьих ног и чешуя рыб такого чистого перламутрового цвета, что ей хотелось самой стать рыбой и никогда не говорить слов. Закрывать глаза и видеть другой мир сразу же без погружения в скучную черноту.

Мгновенный сон заканчивался мигом темноты, в глазах все было нечетким, почти как во сне, но постепенно подергивалось, приобретало знакомые, похожие черты. Именно похожие, так как Лина знала, что за время сна всё успело измениться: листья слегка повернулись за солнцем, тень от цветка тоже сдвинулась, в верхнем углу окна провисла паутина, и мелкие листики облезавшей краски еще больше загнулись вверх. Лина видела эти изменения, ее детские руки помнили температуру нагретого стекла, уши – шум деревьев во дворе и храп отца в зале. И сама она менялась вместе со всем окружающим незаметно, от восхода к закату, от шума растений к осторожной поступи ночных животных, от неясных цветных картин к душившим ее ночным признакам кошмаров.

Чувствительна к собственным эмоциям и эгоцентрична. Тонко реагирует, но легко обижается.

Лина, наверное, еще любила его до того, когда он, бессмысленно улыбаясь, вертеться и ерзая в кровати, вытащил из-под себя кусок кала и, повертев его в руках, с удивлением дал ей.

В первый раз ее вырвало. На второй раз она молча встала и пригласила санитарку. На третий раз она ушла.

А начиналось так обычно, так внезапно, как апрель, как последняя неделя его, когда все взрывается зеленым, кружится голова и хочется подпрыгивать и не падать вниз. Лина сразу же взлетела, увидев его. Что-то екнуло, протащило и скомкалось в той минуте, в той точке зеленеющего города, где Лина стала больна им окончательно и бесповоротно. К черту покатались экзамены, сессия была сдана только громадным усилием воли. Летело, теплое, и чем становилось жарче, тем больше менялась ее, до этого привычная и размеренная жизнь. Лина с трудом говорила, ей сковывало дыхание чувство, похожее на подростковую застенчивость. Тогда она лишь сильнее прижималась к нему и судорожно сплывала слюну. В один из таких моментов он предложил ей выйти за него замуж, а Лина не смогла ответить и лишь сжала его руку крепко, как могла.

Родители обоих были довольны. Ее и его друзья и подруги готовились – свадьба была назначена на август.

И вот здесь бы Лине остановиться, разглядеть в нервных складках у него на лбу, в нередких приступах гипертонии и плохого самочувствия зарождающуюся болезнь, криз. Но на глазах ее оставалась пелена, туман любви кружил голову, заражая неисправимым оптимизмом, и счастьем наполнялось сердце.

Свадьба по настоянию молодых была тихой, неброской. Присутствовали лишь самые близкие друзья. Ничего не изменила она в их жизни. У нее – каникулы, у него – отпуск. Зеленый август. Желтый сентябрь. У него участились приступы. Она нехотя стала посещать занятия (ради него). Он приходил около пяти, ужинал и занимался работой – институт отнимал все его свободное время. В октябре пошли дожди, и в конце месяца он сломался.

Нуждается в теплых товарищеских отношениях, но не выносит, когда близкие выказывают недостаточно уважения к ней. Это угрожает ее потребности в абсолютном покое, и поэтому, если она не может рассчитывать, хотя бы в будущем, на предупредительное отношение человека, она прерывает с ним общение твердо и бескомпромиссно.

Все равно слышу. Все равно вижу. Даже закрыв глаза, на обратной стороне век – мелькание неясных теней, созданий розоватых и нелепых. Руки – камень, но даже мертвые пытаются чувствовать губы ветра холодные и теплый язык дождя. Трава ли растет в волосах? Ее ли прикосновения кажутся муравьиными танцами? Ее ли полые стебли и узкие листья кольцом сжались вокруг тонкой пленки диафрагмы, пульсирующим в одном жадном желании дыхания? Камень – я, с отверстием в центре, прикрытым паутиной, под которой съеденное за ужином и чай – коричневый бог вечера, удивительно отчетливо, даже сквозь никотиновую дымку.

Передвижение шахматных фигурок под кожей по выпуклым вздутиям вен. Прошло двадцать? Десять лет? Медленное вращение головы (только предположение), может быть – бьющие носы птиц, сающихся на ноги. Звуки. Что это? Может быть – лай собак, живущих тремя метрами ниже, куда опускается резиновый пол, вытягивается до их нежных каплющих губок. Вход – выход. Калейдоскоп. Мешок на полу, которого не было до того, как я легла. До того, как пыталась камнем противостоять ручью: он потащил меня, царапая спину о гальку дна. Я плыву, ползаю в воде, и запрокинутая голова вдыхает воду и воздух попеременно. Не живая, но еще и не мертвая, рожденная ли?

Избегает раздражения и волнений. Разочарована и утомлена. Ищет выход, надеясь на то, что облегчение придет само.

Элина Александровна, старуха, я все не могу вспомнить. Я не могу представить себе ваше лицо, ни единой черты, только седые волосы, если вам уже шестьдесят. Волосы – единственное, что представляется устойчивым у вас. Когда вы, ты умрете, умрешь? В тридцать семь, четырнадцать или шестьдесят, раскинув беспомощно руки, почему-то мне кажется, помнится, что это будет в снегу, Лина. Тебя покроет снегом поздно вечером на тропинке к дому, на отшибе, и никто не увидит, и найдут только через неделю, когда будет оттепель, и не сразу опознают. Лина – твоя смерть перманентна с рождения. В каждый из бесконечно малых моментов своей жизни ты была мертва в этом мире. Только твой третий глаз, как у Брунгильды, безусловно, существовал без условий, без света и темноты, в отражении глаз, рефлексии зеркал. Все встретившееся тебе – лишь помехи на пути в твой Икстлан. После тебя останутся только выдержки из тестов психолога, в запыленном архиве – твои детские тесты, в которых ты была уже женщиной тридцати лет. Твой психологический возраст всегда оставался около тридцати лет – ровно середина твоей жизни в этом мире. Твой третий глаз был ребенком, был старухой, был девушкой мечтательной и странной. Думала ли ты, что кого-то будет волновать твоя жизнь, хотя бы эпизодически. Чту было самым странным и волнующим

в твоей жизни. Я с высоты своей примитивности, низости могу лишь предполагать, что не деньги, а боль, что не любовь, а тепло, выраженное в горячей воде. Разминая сигарету, твои пальцы искали предвкушения, а не успокоения дымом, предвкушения колец. Что я буду делать завтра? Что такое завтра? Неужели оно отличается от сегодня только промежутком в небытие, сном, Лина.

Элина, Эля, Элли – Нелли, твое имя – стих, рифма, размер. Я всю твою неизмеренную жизнь был рядом, в каких-нибудь трех кварталах от твоего многоэтажного дома. Мы ездили в одном трамвае, но в разное время. Возможно, я даже видел тебя, когда «плыл», когда тепло чувствовало мгновенную кружащую слабость, а голая рука прилипла к клеенчатой поверхности стола и держала скальпель, вставленный в прорезь этого мира. Мне не было дано третьего глаза, но я искал тебя, чтобы убить, любить, видеть через хрусталь твоего зрачка среди морщин лба, мягкости темени, надкостницы – какое странное слово, произнеси его дважды, как поползновения в сторону эфира:

– Да когда же ты заснешь?

– Прибавь концентрацию.

Зазвенело и упало, и били по щекам, чтобы проснулся, а я ведь был где-то рядом, действительно рядом: не в трех кварталах, а в тысяче километров, сотне дней распахнутой реки рядом с твоим легким платьем, рядом со сверкающим кольцом из высушенной травы, из костей первоцвета, первотела, вертела твоего тела, узкие глаза – прищур ли, раса ли, может, инвалидность обеих ступней – что скажешь, Лия, что шепчешь, Линочка, стебель, скошенная боровом, плугом, скоромным днем, сухим травостоем, влажной землей возле реки, от жаркого взгляда под солнцем, я это чувствовал, не глядя, когда плыл, растворялся в химической формуле бензоатного кольца, когда ждал от тебя ответа письменно в знаках и дебрях листа, разлинованного неумело нечеткой матрицей в сонме противоречий между ленью и необходимостью писать о тебе, между миром другим – реальным, нереальным – какая разница?

Хотела бы освободиться от собственной скованности и сдерживающих обстоятельств, чтобы, развернув свою активность, воодушевить себя успехом и сделать более яркими свои переживания.

Опустела позабытым словом, слилась с землей, покрытой красным полотнищем, но не от крови – от цветов, Лина с распущенными волосами, сгорбившись, сидела на траве, на поляне, на ветру четырех сторон. С поля золотого моря колосами, с озера серпами, с леса топорами, с деревни дымом, плетнем, с четырех бетонных стен запахом разным освежителей, дезодорантов, духов, одеколонов – разного и нереального парфюма, – Лина с заплетенными косами сидела, поджав ноги, вливая в себя коктейль, напрямую в кровь, через витую пластмассовую трубочку, пастушью дудочку, свистком на груди – кулон с волосами мужа Элины Александровны Терновых, уроджденного Александра Владимировича Кабаева, выраженного в мыслях, опосредованного словами, мнениями, защитного знаками и молитвами, растворами жидкости от боли.

Лина, от боли тебе надо принимать белые кружочки, белые пластинки, надевать халаты и тапки, носить с едой банки, вишни с мороком, рыбу с молоком, творог и кефир. Лина, круг будет рад вместить и тебя, и его. Эля, он будет жить дольше, чем ты. Тебе отмерено изначально. Он будет решать сам.

Он будет верить в телевизор, ТВ-сеть. Когда ты уйдешь за край города, за край рельс, ты будешь не дальше от него, не ближе – ты будешь среди стен, Элина, окруженная парфюмом и лекарственными средствами. Ты не будешь больна. Твоя смерть

будет легка и внезапна. Однажды во сне ты решишь не просыпаться, не возвращаться к озеру, к полю, к лесу, к деревне, к стогу посередине, соломе, сену, правой и левой стороне, югу и северу, Лина. Даже тогда Александр не вспомнит о тебе, и даже в тонкую, как пергамент, минуту слабеющим сердцем ему, любимому, пишешь, единственно возможным способом, презрев пустоту, из простыни рвешь ему слова, нитка к нитке, к выдранному клоку, сваливая в кучу все, что хотела сказать за возможные годы совместной жизни, все уместить в пяти строках, выложенных рядом от ключицы до верха живота и брошенных в небытие дернувшейся в беспамятстве левой рукой.

Считает, что она неспособна утвердить себя, чтобы быть выше трудностей и сопротивления. Предпочитает не мобилизовывать необходимую для твердости и настойчивости силу воли, а сразу уступать. Ищет лишнего конфликтов и напряжения состояния удовлетворенности и приятности.

Перед твоим домом, Лина, цвел душистый табак.

Где теперь влюбленные в солнце глаза?

Перед твоим домом, Лина, цвели бархатные астры.

Где теперь подушечки пальцев, помнящие прикосновение листьев и порхание крыльев невесомых существ, где теплая, дымящаяся весенняя земля? Почему только мокрый снег, почему тело не чувствует себя и кто-то рядом молчит, и почему так быстро, совершенно темнеет вокруг, и почему на обратной стороне век тоже темно (пропал серый цвет).

Муравей юркнул за пределы круга цветка – акт рождения – акт смерти – Лина поняла всё. Как в карточном фокусе выстроились нонакордом пять ее изменений:

Лина научилась обходиться без близких, без подруг, без общения;

Лине запрещали в детстве, накладывали вето, ее ставили в жесткие рамки (впрочем, так думали ее родители). Она научилась не ставить условий.

Детское безразличие Лины стало любимым – всем.

Из глубины своего неведения она полагала мир дутым осколком яичной скорлупы среди травы. Неведение явилось ей откровением – непрошенным и чистым, даренным не за ползание на коленях, не за склоненную в черной скуфье голову, но за смирение.

То, что было нигде, – присутствовало в ней, в каждом ее движении, исполненном смирения.

Считает, что ее отношения с окружающими неприятные и невыносимые. Поэтому устанавливает для других границу приемлемого и неприемлемого поведения и хочет пока поддержать себя на расстоянии, чтобы внести ясность, снять напряжение и найти выход.

Лина, на счетчике 9756.

Я уткнулся грудной клеткой в руль.

На приборный щиток со лба каплет кровь.

Лина, я не могу понять, как ты жила с двадцати пяти до тридцати лет. Я в это время дошел до истощения обычных человеческих чувств. Их не было у меня. Я был черств, черств ко всему и знал, что это один из симптомов болезни, имеющей тенденцию обостряться весной и осенью.

Уставший от трехчасового умирания, я сижу у разбитого окна своей машины, слыша справа налево однообразную музыку. Мне хорошо виден мотор грузовика, его жаркое дыхание, залитый кровью глаз и цифра на счетчике: девять.

Что же с тобой случилось, Лина? Как ты смогла преодолеть этот возраст? Ведь, несмотря на то, что мы с тобой двойняшки, я часто не мог чувствовать, как ты, и хоть был похож в поступках на тебя, но надолго ли? И заканчивая эту начавшуюся фразу, еще не сформулировав ее до конца, я понимаю, как ты жила, – ты просто приняла этот мир, таким, каков он есть, пережила отчуждение, вернее, не пережила, а преобразовала в суперпозицию общества.

Психопатологически: застойное состояние эмоционального порыва. **Аффективное стремление к деятельности, защита от невыносимого перенапряжения.**

До промежутка длиной в год осталась неделя.

Ты будешь проклинать время,

ты будешь молиться, Лина.

Поглаживания живота вокруг пупка справа налево,

вычлененные ласки пройдут мимо.

Промчатся люди, пробегут годы,

столетия без войн, без чумы,

без произвольного пускания крови.

Боли в животе четко ограничены –

спазматические, режущие, просящие –

вырваться, вырвать шнур, выдавить стекло,

броситься камнем в запасный выход.

Лина, в автобусе тебе тесно,

там сильная проза, там мало места

для разведения лилий,

бега по пересеченной местности,

руки вывихнешь, а не вырвешься,

будешь, распятая перечнем правил,

ехать в пригородном автобусе,

случайным людям уступать кресло.

Психогенные мотивы: страх перед лишениями, страх быть обойденной, чувство неполноценности, неуверенности, слабости, бессилия, страх перед отказом. **Неудовлетворенное притязание на собственную силу, твердость и превосходство.**

В составе оркестра несколько скрипок, духовых и запрятанная в глубине возможность раздеваться. Сзади – игра прошлого с сумасшедшим бывшим мужем, с разводом, с отупением, с осуждением его родителей, с небольшой реверберацией, добавляющей к сегодняшнему концерту еле различимый гул. Впереди – будущее с низкими обертонами тимпани и общая обволакивающая аура старости и увядания с неясными вскриками скрипок.

Слева – струнные в классическом составе. Справа – ударные – нарастающие, нечеткие удары литавр, тамбуринов и цимбал.

Лина, худая в черных брюках и сюртуке, дирижирует, выполняет руками движения из тайцизицюань – игру медведя и орла, танец оленя – грациозные вскрики фагота, распевная, на арабский манер, перкуссия, пляска флейт, вахханалия на горе ведьм – гармоничное сочетание звуков – музыка по определению.

Внезапно Лина понимает, что творит бумажный дом – музыка не имела опоры, была слишком легка, и, оборвав, взмахнув пустой ладонью, она умертвила ее; тишина,

рука в карман за платком, но вместо платка – листок из отрывного календаря с рецептом земляничного пирога на одну персону, который хотела сделать дома Элина Александровна. Музыка сахара умерла, загремела музыка тишины – единственного звука ошарашенного зала, и на фоне этого – легкий разговор вязких всхлипов теста и журчания земляничного сока, смешиваемых старательными руками Элины Александровны Терновых, справа и слева к центру, в одно целое, в пирог.

Лина рассеянно съела один кусок и забыла музыку, перестала дирижировать, играть, больше ничего не напоминали ей этюды и ноктюрны, сонатные и симфонические формы, годы, проведенные в консерватории – ее молодость, живая и яркая, смешалась со случайно запомненными отрывками разговоров, фраз из телепередач и газетных статей и стала напоминать старую, покрытую пылью картину итальянских живописцев.

Надев платок и выбросив сигареты, Лина пошла в кино и вновь встретила Александра. На выходе из темного зала, щурясь от волн света, она нечаянно толкнула его, придав дальнейшему ходу времени свободу двигаться в обоих направлениях. Он, как новое лицо в ее жизни, как вновь мужчина. Она, как женщина, как подруга. Вечерами им нравилось вместе смотреть телевизор и пить чай с земляничным пирогом.

А

НОВАЯ СЕСТРА

Л

I.

е

Мы с отцом поехали <сегодня> за клубникой, с нами был и брат. Всю дорогу почти я спал или смотрел в небо, лежа на заднем сиденье. От дома мы отехали на 100 километров. Здесь был совхоз, который выращивает клубнику на полях. Мы оставили машину в тени, а сами собирали остатки клубники, заползая на корточках все дальше. От жары у меня потемнело в глазах, все тело покрылось грязью. Я и брат зашли к самому краю, а отец был еще у того края. Вокруг нас вились другие собиратели. К отцу подошел загорелый и сухой тип, показалось, с серо-коричневым лицом, в одних трусах с клубничными пятнами. Я посмотрел: длинная челка и плохое лицо. Брат сказал, что просит бензина. Я стал собирать, все тело ломило, особенно шею.

к

с

е

Долго они кружились, потом отец шумнул что-то и помахал рукой от машины. Ключи были у брата. Он пошел туда, залез в машину, отец пересел на заднее сиденье, брат высунул голову из машины и крикнул, что сейчас приедут. И брат мой поехал, но медленно, зигзагами, то тормозя, то подпрыгивая. Тут я все понял.

й

Они доехали до «козла» метрах в семистах, там копались минут 15, будто в технике. Обрато приехал один отец, встав в посадках, поосигналил, махнул. Я взял ведра и поспешил к нему. Поставив их в багажник, я вынул там из тряпки пистолет 45 калибра с глушителем, который дал мне один друг, чтоб я показал его другому другу и сказал цену – 3 млн. Я сел сзади и, высунув пистолет из-под майки, приставил его к затылку отца. Он дернул плечом, и я прострелил его голову. Не с тем связался, родной.

ш

е

В стекле была дырка; я выкинул его (он был оч. некрасив, особенно лицо, зубы с кровью, коричневая жилистая рука); вытер сиденье тряпкой, помыл водой стекло, сели поехал к «козлу». Дорогой я проверил пистолет; хотел заехать сзади из-за посадок и стал в них, наблюдая изблизи за «козлом». Минут пять спустя вылезла из него хорошенькая девчонка лет 17-18, потопталась, посмотрела туда, где должна была быть машина, заглотила какую-то таблетку и вновь забралась в «козла».

п

е

Я решил действовать иначе. Остатками воды я хорошенько умылся, одел бывшую тут модную братову майку, изрезал свои старые джинсы под панковские шорты, пригладил челку и пошел к ней пешком. И сердце мое заколотилось, и казалось, что изо рта, изнутри, пахнет кровью. Поравнявшись с «козлом», я бросил взгляд на леди. Пошел чуть дальше, приостановился, как бы в нерешительности, – она смотрела. Я подошел, открыл дверь: «Извини, пожалуйста, у тебя нет водички?»

л

ё

Т
А
М
Б
О
В

Она как будто очень-очень сильно этому обрадовалась, и губы ее были, по-моему, черными, наверно, от волос. Она дала мне пластиковую бутылку, улыбаясь очень красиво и радостно, но когда посмотрела т у д а , улыбка ее пропала. Я, поглаживая живот под майкой, наткнулся на пистолет.

в

– Ты одна?

– Я жду своих. – Она это сказала с обреченностью. Я понял. Мне было жаль ее, но оставаться здесь мне невозможно: мне только 19,5, а я уже потерял 4 минуты жизни. Она захлопнула щель дверцы и включила зажигание, я бросился вперед – она газанула, сшибла меня и проехала по ноге. Остановилась, открыла дверь и высунулась – я выстрелил и попал в руку у плеча. Она осела, я лежал наверно с переломанной ногой. Так прошло полчаса.

II.

– Эй, парень, – с болью и злобной радостью выговорила она, – не стреляй больше.

Мне было совсем дерьмово, я чуть был жив. Услышав ее, я приподнялся и огляделся: собиратели по-прежнему собирают, все тихо, машина наша краснеет в кустах.

– Я ведь не нарочно, а ты... Я вижу, ты крутой какой-то, и сумасшедший еще, ты мне очень понравился, хоть ты и не красавец, но... Я не хочу тебя впутывать в эту историю, поэтому... ползи в сорняки... ползи, а то хуже будет.

Я хотел взять пистолет, наставить на нее и заставить рассеять все тайны. Только тут я заметил, что «козел» отъехал от меня метров на 10, а пистолет валялся метрах в 3. Я почти уже выкрикнул: «Кто быстрее!» – да осекся: что же она не подобрала пистолет раньше!

– Мне больно... – это она сказала очень тихо и не для меня, одним вздохом, но я-то, конечно, расслышал даже через туман в голове.

– Ползи, – повторила она. Я пополз, только к ней.

Пока я полз (без пистолета), она включила зажигание и размышляла, что ей сделать, я тоже размышлял... Она уже пробует газ... всё, вот и расплата – смерть! От нечего терять я закричал:

– Ты тоже мне понравилась! – Она уже ехала. – ... с первого взгляда, особенно жопо и губы! – Пыль от тормозов накрыла меня, рядом стояли колеса, над моей головой открылась дверь «козла».

III.

Оклемавшись очень быстро, я приподнялся и сразу увидел, что ее нога прикована странным наручником с цепью к рулевой колонке, и ноги, очень хорошие и белые, были все в жидкой крови. Она сказала мне, что с ней был человек, он убийца и еще не понять кто, и недавно уехал на дело туда-то (показала туда, где я застрелил человека), там, мол, остался еще кто-то, а двое из красной машины здесь, лежат в задке «козла» связанные. Последнее я уже знал. Я с трудом залез назад, нашел там раздетого, связанного отца, и брат тоже был там связанный в мешках. Я освободил их, брат сбежал за машиной, отец сказал, что тот тип загнипнотизировал или оглушил его (скорее всего, первое), потом, видимо, снял одежду и проч., сам надел парик наподобие волос отца. Я сказал, что вычислил того типа, заподозрив неладное сразу, но не стал говорить, так как все знают мои вымыслы, и решил всё, когда брат, который отлично водил машину (несмотря на свои неполные 15), стал ерундить. Единственное, что могло погубить нас, – медицинская помощь: я не давал никому выговорить и даже угрожал принесенным мне пистолетом. Брат перепилил ножовкой из машины цепь, и

мы отправились через ***-ский лес домой вчетвером. Как сели (мы, естественно, сзади), мне пришлось вытирать ей кровь на ногах, – майка была уже надета на жертву моего недоразумения для, так сказать, товарного виду, – поэтому я легонько стянул с нее трусики. Хоть мы выезжали через лес, то есть «черный ход», однако и там стояла будка со шлагбаумом и весами, нас хотели оштрафовать или даже задержать и еще что-то, но отец (по моему наущению-приказанию!) дал им 50 тыс., и нас выпустили; потом еще нарвались на ГАИ, за рулем был брат, и нас опять хотели оштрафовать.

P.S. Надо сказать, что пистолет я протер от пыли и продал. Странно, но никто ничего не видел, поэтому нас даже не сразу стали искать (позже я случайно услышал про это дело, правда, в сильно искаженном варианте). Родителям, конечно, пережить всё труднее всех, однако ж мать как бы и не верит моим рассказам, а я и не настаиваю, так что все превратилось в какую-то шутку. Отец, правда, стал замкнут, сидит один и думает постоянно о чем-то, а раньше он был очень общительным и веселым от любого пустяка. Прошло уже 1,5 года, а нас не нашли, я бы давно рассыпался от кошмаров по ночам, но сплю я теперь редко, но сладко: она ведь оказалась сиротой и стала сестрой моей вместо умершей в детстве Танечки (до свадьбы).

P.P.S. С детства как-то не люблю романтиков и проч., теперь же все упрекают (хотя – за что?!). Просто так получилось, я не виноват – мое воображение совпало с реальностью, да еще это этот чертов пистолет! St тоже не любит все напыщенное, но на свету притворяется христианской душой, а ночью улыбается белыми – прости за ассоциацию – зубами с болью и злобной радостью, и мне кажется в темноте, что у нее губы черные.

ДД

В

✓ ✓ ✓

словно кто-то рыгает во тьме неприлично
в кране булькает вода

а

у нас дома и пахнет и слышно отлично
не хочу я никуда

л

е

заходи ко мне путник милый усталый
посидим-ка за столом

н

кран течёт принося нам убыток, но малый
звон монеты за стеклом

т

✓ ✓ ✓

Жила-была девушка *дѣвушка как дѣвушка*
да только ходила на голове и руках
дѣвушка как дѣвушка надо быть акробатом
чтоб лежать у неё в ногах

и

н

я и был это точно теперь
верчу газеты пока не смогу
прочитать что из Англии пишут
про принцессочек в самом соку
Эта *дѣвушка* была *как дѣвушка*
но говорила, что я не то
у меня не стоял как следует
ни голос, ни волос, ни он
и в очередь я последним
становился бывало всегда
но пропустил совершенно
как ад превратился в да
да да да да да да

д

б

я

к

✓ ✓ ✓

вы как будто забыли

о

что мы вам говорили

н

говорили: ам-ам

о

.....

.....

слышите: ам-ам

в

а вы: ма-ма

М
О
С
К
В
А

молодой господин

я пережил свою жилплощадь
как небо белый потолок
и двери шкаф в ночи полощет –
он всю одежду уволок

тебе светит моё страданье
мой страх тебя благословит
и денег бьстро увяданье
неряшлив подлинный их вид

Г
Р
И
Г
О
Р
И
Й

Я голоден!

голод не тётка – когда он убежал в лес
я успел заметить его оловянные ноги
я успел помахать их необычному перемещению
встав на цыпочки голод ходил по кругу!

у каждого дерева делая остановки
он сознательно провоцировал молнию
и она ударяла не таясь и не мудрствуя –
ох ничего не пойму я в этой подбрюшной полости!

и откуда там сон если ты уехала к бабушке?
и откуда там свет если нет ни тепла ни учения?
пойду попрошу на улице у дяди ружьё
и сделаю наугад четыре коротких выстрела!

К
А
Ц
Н
Е
Л
Б
С
О
Н

С
А
Н
К
Т
-
П
Е
Т
Е
Р
Б
У
Р
Г

голод не тётка – он просто живёт под матрасиком
и делает ночью прыжки по заплёванным мостикам
зовёт меня составить ему компанию
приглашает вышивать подозрительно мелким крестиком!

И

✓ ✓ ✓

полюби себя в этой земле
она щекочет тебя корнями
ты выныриваешь
навстречу падающим плодам
полюби в себе это небо
деловито звенящее лепестками
такими нежными
такими изобретательными

Г

О

✓ ✓ ✓

р

ь

он пришёл
с клочьями пластыря
на посиневших губах
было ясно
что он проговорился

✓ ✓ ✓

Л

Дорога
так ли мы игривы
как хотели тогда
когда могли только хотеть?
так ли мы дорожны?
в ожидании
танцюю босиком на снегу

У

Н

Ё

В

С
А
Н
К
Т
-
П
Е
Т
Е
Р
Б
У
Р
Г

✓ ✓ ✓

Мохнатые от пыли решётки
Фильтруют наши базары
Мы не ощущаем дискомфорта
Копошась по убежищам
Мы знаем
Кто-то всегда окажется
Заботливым и похотливым
Кто-то обязательно употребит нас
А значит, мы ему нужны
Мы даже злимся
Выбираясь на прогулки
И убеждаясь
Что никого там такого нет
Только пыль сонно оседает на решётках

✓ ✓ ✓

и продать одиночество
за множество мелких монеток
и купить коробку
шоколадных яичек
откуда и вылезут
настоящие человечки

✓ ✓ ✓

в детстве
я испугался
и не записался добровольцем
и не выучил нот
и детство не кончилось
и я перестал бояться

✓ ✓ ✓

в старом цирке
не счесть закоулков
можно прятаться
можно теряться
хоть ненадолго
но выпадать из программы
хоть иногда
не прыгать
сквозь эти потешные
так надоевшие кольца

✓ ✓ ✓

зимний холод настиг нас
в ванной комнате
как раз в тот момент
когда мы целовались
в таком положении
мы примерзли друг к другу
и теперь с нетерпением
ждём оттепели

✓ ✓ ✓

игрушечные собаки
возвращаются в детство

хозяин оборвал им бусины глаз
и детство
им больше не кажется
потерянным раем

✓ ✓ ✓

суп нельзя пить
его можно только есть
он хоть и жидкий
но не питьё а еда
так уж повелось

✓ ✓ ✓

Бледное радио
играющее в пустынных коммуналках
это уже архаика
это уже почти природа
это центр города
слой за слоем
возвращается в почву
скоро кое-кто
будет ездить на пикники
в эти забавные трущобы

✓ ✓ ✓

здесь всё так закручено
все окна заколочены
а окон столько
что нам с тобой
до утра не справиться
до радостного утра
милым прахом
беспокойничать нам с тобою

✓ ✓ ✓

З

Дом унаследовала,
вышла замуж вдова
тёмные сказания для
внука младшего брата –
слова, уложенные как
одним каменщиком.

Я

✓ ✓ ✓

Все малютки арестованы
двери заперты подмастерьем
а в газетах несурязицу сообщают.

Л

✓ ✓ ✓

Е

На вечер – другой день остался
худшее в квартире – картины
ужаленные в своё никуда.
Незаметно по городу
идёт рисовое поле
но уже пора спать.

С

✓ ✓ ✓

Д

Над смертью племени мгновенно
мысль сложила руки на гордость,
замирая основаньем всех равных истин.
Приходит кто-то потаённым путём.

К

Просвещённых простодушных братом звать,
неразумных государынь сестрой величать,
и без личности – подозревать всех
на своей стороне, ибо чисты
те, кого рядом нет;
и слова оказались поводом...

И

✓ ✓ ✓

Н

Э
Н
Г
Е
Л
Ь
С

Разве бывает что-то лучше,
чем стекловата, среди прочих
предметов, существ и слов?
Это не пустопорожнее слово.
«Без запаха и звона» –
это не про него.

А

Я учу годы обещаний
я ищу призвания...
Я вижу средства холодной лжи
а время всему находит место.

«Что там за формой?» –
встречаю твои вопросы,
рассчитанные на изысканные вкусы;
и отмечаю: «Они не смотрятся»...
Обращаюсь к стихиям,
которые склонны к поэзии.
Песня трудная форма искусства,
не упрекает в ответственности.
Хором не на своём языке
кто-то пытается излагать
свои бесформенные подобию.
Голоса обращены на свет.

✓ ✓ ✓

✓ ✓ ✓

И

едем в концлагерь
отдохнуть летом
экзамены
Эдем дизайн.

дровы наложено
либо мене жгать
быдто Джонардо Бруно
да кому ты надо

Л

✓ ✓ ✓

И

в моём микромире
несколько мокро
я чураюсь людей
и выполняю
макросы
кто вздыхает о
ком в горле
а как же а как

П

П

вот те нате
здрасте мордасти

и я ведь жив
да и ты жив
касясь одного
только по-разному

М

✓ ✓ ✓

И

свидание с америкой
ночь твоя – добавь огня
есть чем поделиться
рекордно низкий
полёт цены

Н

фантастический цвет
фантастический звук
авиабилеты
на внутренние и
международные
авиалинии

Л

О

М
О
С
К
В
А

нате
только в апреле
качество XXI века

С

(по Белграду
и другим городам)

волга течёт-течёт толстая мымра
национальная наша идея
русско-татарская общая домбра
саратов тут стоит

на великой реке любимый город
всерьёз и надолго банк экспресс-волга
никто не причинит никакой вред
аяцков тут живёт

так и теки себе дальше да дальше
промывай своё дно глубже и глубже
помни тобой душой родина дышит
вали в свой астрахань

не экономь на спичках
реклама на спичках –
успех вашей фирмы
т. (08458) 2-23-80

спички не игрушки
берегите спички от детей
(большой проспект, д.72)

доехал по подлипок
и перешёл через пути
за стадионом в снегу
стояли две женщины
мужчина и ребёнок
с оранжевым шарфиком
мужик попросил меня
сфотографировать их
аппарат в этот момент
держал в руках ребёнок
когда они стояли
женщина промолвила
а она хотела сама
я уже нажимал кнопку
я снял их вместе с сумками
я щёлкнул только один раз

они больше не захотели
мужик сказал, что сумки
можно будет обрезать.

✓ ✓ ✓

в начале большой ордынки
в доме где жила ахматова
мы пили портвейн в подъезде
было темно тётка шла мимо
из горла тут блядь всякие
опять бляди на пол пролили
и лабиодентальные
всякие слова короткие
уже поднимаясь наверх
долго и сосредоточенно
выговаривала андревна
свою поэму без героя.

✓ ✓ ✓

шесть опытнейших стрелков
у посольства мозамбик
не могут прицелиться
в лодыжку кириенки
а он всё убегает
по родным просторчикам
повалиться на травке
съесть булочку с курагой.

✓ ✓ ✓

предположим его зовут X
он дарит ей девять больших роз
она живёт на спартаковской
всё и всегда читает лёжа
смотрит сериал антонелла
говорит не дари столько цветов
или не разрешу провожать
еврейка, хорошо готовит
кодовый замок второй этаж
умоляю не хлопайте дверью
с кухни новости про гудермес
в следующей серии они
не появятся на экране.

Д

М

Из цикла «ХРОНИКИ ОСЕНИ ВЕКА»

И

✓ ✓ ✓

Т

Р

И

И

Ч

Ё

Р

Н

Д

И

 М
О
С
К
В
А

Встревожил сном осень
Там уже середина (чужой город
Редкость по-тёмному листьев из лета)
В белёсом выхоложена
После воды и затоплен
Подвал где я прячусь котельной
Кипяток в грязи поднялся у выхода
Выбраться бы

✓ ✓ ✓

Холодной ночёвки
Арбузам в клетках (2 руб.)
Утро просыпанья
В пасмурный день
Встревожен на лицах
Хмур страх черезвычайка?
– каширское шоссе дом шесть литературный институт
чимж и ко наши в городе им. А.М. Горьк
триумф?.. триумф!!!
зовите печоринным...

✓ ✓ ✓

Прибой дней сентябри
Знобит листвою Страстного
Путь наугад
(Губанов на чеканке в отливе меди) балтика4
Моя природа
Города
Не пересчитана в оторопи
Заречён чувству жить
Только в текст подглядывать
Лаская в шорохе мыслей
Об речённости здесь
Мной ведёшь по себе
Расчёсывая
От пробора Сретенки
Пряди на спад к Цветному
Колокольников Печатников Последний

Взгляд в гущу высыхающих цветов верха
 Улиц и там на синем глянце фриза от руки
 Куда трудно добраться из окон верхнего этажа белым
 Хронике камер москва-80
 Бывших здесь же секунд
 Мной вычесана в слово

✓ ✓ ✓

Есть одна смерть
 Твой расплыв восприятий
 Груб подпор на протез мозолит
 Инвентарными щупами стёртых
 Чужим напряжением без-
 различие пыльных абстракций
 Сейчас же
 Видны даже чёрные капли
 На трёх бурых островках
 В серой глубине глаз
 Ленной настезь женской
 Под завистью ресниц
 Только губы ровня
 Им влаг и нежно
 Изморось тревожь коже
 Настоящий целуй до озноба
 Сужаясь смыкая мурашки

✓ ✓ ✓

Ответственно октябрь слетают
 Открывая тягу ветвей
 Есть узор просвета слой
 Оранжелтых в паре солнца
 За оградой и яви неба
 Под цепкими кистями вверх
 От стенных ветров
 Между колец
 Переходы под землю
 Куда меня ведёшь осень

Отсеть питаньем
 Грифельно скользя
 Звук сух в шум листьям
 По двум проводам рядом деревьев
 Троллейбусы ведут (третий)
 Тем же ракурсом камер (Савёловский под мост)

Но в цвет вдоль и за угол
 Документальных стен
 И траекторий прохожих
 По смене одежд десятилетия
 Вычитывая тебя вперёд
 Их шагами и чертами лиц

сквозь ворота домов
 дом быта
 строится нов конструктив
 центр Мейерхольда
 над Менделеевской)

стиль discoteque буд мам
 под топиками D&G только
 почки замужем кормящих
 после род вырастающих слив
 в молоко ваших мыслей

Наши флаги теперь
 Лишь бельё на балконах
 Сушите вопреки упрёкам евр
 Но марли на форточках
 Не спасли
 От газа иномарок выселены
 Под офисы слом в Рыбном
 От дома под маятником газон королевская in aqua veritas
 На щитах реклам возврат россия valentino шангри ла
 На месте сухово-кобылинского дома
 Без чугуна террас и дуба автостоя ЗИЛ PASSAT
 Заклеите моё окно рекламой ГУМ ARTICOLI
 Вычту
 И обломки лого
 Выбьют зубы золотого рифм
 Их сбарабаню против ритма
 Текст меня в такт сердца сложен всбив
 Моя станция не в стансах
 см ст м Маяковская

А

Л

е

к

с

а

н

д

р

д

а

ш

е

в

с

к

и

й

Т
Е
Л
Ь
-
А
В
И
В

Лавровая аллея

В двенадцать часов ночи они повернули на бульвар. До дома оставалось минут двадцать. Часы за рекой показывали 0 часов 00 минут, как в фильме ужасов. Парень нес тяжеленное зеркало, а девушка – коробку шампанского.

Они долго возились с веревками, стягивая разрывавшуюся коробку, пришлось купить платок, чтобы веревки не резали руки. Опоздали на электричку. Девушка злилась и чуть не плакала. Парень шел молча. Он слушал музыку.

Завтра можно было поправить дела и влепкую взять полсотни колготок. Для этого нужно было притащить все к нему, а утром получить деньги за мыло, и если останется время – продать в универсаме полкоробки зубной пасты, а если повезет, то и зеркало.

– Сними наушники, – попросила девушка.

Он остановился и выключил плеер.

– Тебе очень идет эта куртка с капюшоном, всегда так ходи, – сказала девушка.

– Если бы мне не шла эта куртка, я бы застрелился, – сказал он, – это все, что у меня сейчас есть.

– Очень темно здесь. Как ты здесь ходишь?

– Зато это кратчайшая дорога, когда нет электрички. Ты хочешь говорить об этом? Нет? Можно, я включу музыку?

Девушка закивала головой, хотя была не прочь поговорить о чем угодно.

Осиновая аллея глядела неприветливо. Ветер дул из степи. Лавровые кусты шатались в темноте, похожие друг на друга. Будто страшные бабки в длинных халатах рвут черные лавровые листья, боясь, что их заметят. Девушка поставила коробки и стала жадно рвать лавровые листья, как те бабки. Он прислонил зеркало к дереву и тоже стал рвать листья, зачем-то соревнуясь с девушкой.

– Завтра я всех сделаю, – вдруг сказал парень и посмотрел в зеркало.

Девчонка хихикнула и осеклась, раздумывая – сейчас повиснуть у него на шее или подождать до дома. Парень покраснел, он не хотел говорить это вслух, ненужной ему дурочке, это само вырвалось из него. Вырвалось и вырвалось – чего теперь?

Парень выбросил свои лавровые листья и поднял зеркало.

«Вряд ли у него кто-то есть. А если есть – мне-то что с того?» – думала девушка. Парень слушал музыку, нес зеркало, боялся его разбить, и думал о том, как хорошо бы продать это зеркало прямо здесь, по дороге домой, на длинной пустой и безлюдной аллее, сейчас враге номер один. Завтра ожидалась ранняя побудка, возня с зеркалом и зубной пастой. Руки все еще пахли лавровыми листьями, и это было единственное, что не хотелось изменить.

Свободной рукой парень выудил мелочь из кармана куртки, и, не сбавляя шага, стал считать, поглядывая на гигантские электронные часы на другом берегу реки, которые никак не скрывались из вида.

Фабрика великолепных груш

Садилось солнце. Плохое время для грушевой фабрики. Рабочие с большим трудом закапывали в землю длинные тени от высохших лип за забором. Каждый день приходилось делать эту невыносимую работу, потому что когда тени лип капались нежных корней грушевых деревьев, груши чернели и портились. Сразу после захода солнца рабочие уходили домой. Каждую неделю они получали деньги. Рабочих было шестеро – они отвечали за тени от лип за оградой. Две женщины приходили осенью собирать урожай, еще два пожарника днем и ночью дежурили в саду. Они должны были тушить черный огонь, который вспыхивал в грушевом саду, если кому-нибудь не нравились груши из этого сада. Этот сорт требовал настоящего ухода.

Похожий черный огонь несовершенства иногда горел в нежном сердце молодого хозяина фабрики. Оно горело почти так же, как горел грушевый сад. Но в хозяйском сердце огонь загорался совсем по другой причине. Да и мало ли что происходит в жизни? Этот огонь приходилось тушить вином, а еще лучше помогал разбавленный спирт из аптечки.

Целыми днями хозяин сада торчал в конторе. Одно окно выходило на фабрику, и хозяин смотрел, как деревья делают груши, как каждый вечер шестеро рабочих закапывают в землю тени от лип, как пожарные сбивают огонь с деревьев. Другое окно выходило на улицу, и хозяин смотрел на машины с лучшими в мире грушами, его грушами, с лучшим в мире грушевым соком, с коробками довольно приличного грушевого джема. Обычно люди хвалили груши, жаловались на огромную цену и не задумывались о том, что творится за оградой фабрики, а тем более в душе ее хозяйина.

Когда чернел огонь горел в саду слишком часто, хозяин увольнял половину рабочих, плохо закапывающих тени, повышал зарплату человеку, разбрасывающему навоз, нанимал новеньких сборщиц груш. И всегда это помогало, ведь в этом был двадцатилетний опыт жизни и знания фабрики.

Самая красивая сборщица груш после работы предназначалась хозяину – за две-три ночи она гасила черный огонь в сердце. Хозяин с трудом привыкал к потухшему огню в себе и недоверчиво трогал радостное сердце. Поил вином ее и себя. И вино для него снова становилось вином, а не противопожарным средством. И на стене конторы он делал зарубку – еще раз он был счастлив.

Прошлый год был самым удачным в его жизни – фабрика почти не горела, а хорошенькая сборщица груш была настолько хороша, что целую неделю подряд хозяин был счастлив. Хозяину было так хорошо, что когда он выглядывал в окно, то видел цветущий грушевый сад, а не фабрику груш, а все сто двадцать четыре покупателя, приходившие за его грушами, целую неделю были его друзьями – ведь хозяин грушевого сада целую неделю был чертовски совершенным и добрым человеком.

Позолоченные подсвечники

Сначала Ирма копила деньги в четырех копилках. Когда копилки были разбиты, а деньги подсчитаны, стало ясно, что денег не хватит и придется копить еще. Ирма торопилась, хваталась за любую работу – сшила костюм двоюродному брату, гуляла с соседским пуделем, сидела с детьми, мыла полы и окна.

За два месяца деньги были собраны. Ирма спрятала кошелек под подкладку пальто и отправилась на рынок. Давным-давно она присмотрела ужасно дорогую новенькую механическую гильотину и сделала первый взнос. Товар был сделан добротнo и того стоил. Гильотина была устроена неожиданно сложно – неискушенный глаз тонул в множестве ручек, винтов, маховичков, торопящих друг друга шестеренок, но всегда узнавал главное – лезвие. В данном случае лезвие помещалось на краю огромного маятника, недалеко от хромированных наручников, приковывающих жертву. Все это разнообразие крепилось к белой чугунной подставке, прижавшей гильотину к земле.

Ирма подошла к торговцу, протянула деньги и квитанцию. Торговец обещал сбросить цену, если Ирма купит еще что-нибудь. Ирме надоело спорить, и она взяла три позолоченных подсвечника.

Торговец подозревал ломовика, сделал Ирме кофе и стал смотреть, как грузики волокут гильотину к телеге. Ирма сухо попрощалась и села на телегу. Всю дорогу Ирма держала подсвечники на коленях. Несмотря на тяжесть, телега ехала быстро. Дорога была почти пуста.

Ирма жила в центре города. Окна ее квартиры выходили на площадь. Телега остановилась. Ломовик подозревал мальчишек, – за десять минут они спустили на землю стальную машину, едва не уронив ее набор.

– Куда теперь? – спросил ломовик, оглядывая дома, но Ирма приказала ему убраться.

Отчего-то билось сердце. Отчего-то волновалась Ирма. Она так волновалась, что чуть было не забыла в телеге свои подсвечники.

Ирма расставила их на земле вокруг гильотины, сбегала домой, переделалась, чтобы было удобнее, подошла к окну, долго смотрела вниз – на свою гильотину, на безлюдную площадь, на пустые желтые крохотные подсвечники.

Ирма завела пружину и быстро легла под маятник, ловко защелкнув наручники. Маятник подождал немного, дернулся, стал делать то, что ему предписано. Ирма с опаской смотрела на лезвие, свистящее высоко над горлом. Ей не хотелось умирать. Коршун с тихим криком крутился над ее головой высоко-высоко в небе. Ирма поняла, что коршун прилетел за ней. Маятник раскачивался над глазами и мешал смотреть на коршуна. Ирма закричала.

Ирма видела два подсвечника из трех, она вытянула шею, чтобы получше рассмотреть площадь, дом двоюродного брата далеко впереди, да еще неизвестные и громадные края земли, в которых она так и не побывала, да тех людей, которых все никак не встретит. Окна ее квартиры и третий подсвечник стояли за спиной. Качался маятник, пугая зевак. Кричала Ирма. Раскрывались и захлопывались окна на площади.

Лезвие дошло до вытянутой белой шеи, испугалось и остановилось. Это было чудо, на которое всерьез рассчитывала Ирма. Может быть, Ирма завела пружину недостаточно хорошо, поэтому лезвию не хватило нескольких сантиметров, может быть сработал тайный предохранитель – можно сказать и так, но ведь Ирма живая, какая разница почему. Двое зевак оказали посильную помощь – им пришлось освободить Ирму из наручников.

В награду Ирма предложила им подсвечники. Прохожие с удовольствием взяли, долго шупали воротник, разрезанный лезвием. У одного из них оказался фотоаппарат, и все трое сфотографировались на фоне гильотины. Ирма смотрела им вслед и думала о том, как они разделят три подсвечника. Эта мысль так захватила Ирму, что она забыла о гильотине.

Утром ей позвонил адвокат и объявил, что городские власти потребовали увезти гильотину с площади, впрочем, если у нее есть желание, силы и деньги, то она может подать в суд и выиграть процесс, поскольку по Карлсбадскому пакту она имеет право на часть городской площади перед своим домом.

– Деньги будут, – ответила Ирма. – Я выиграю обязательно.

Ирма выглянула в окно. Маятник угрожающе раскачивался от ветра. Площадь была пуста. Около гильотины стоял позолоченный подсвечник, то ли забытый, то ли нарочно оставленный ее спасителями. Подсвечник сбило ветром, и он, будто мечтающая догнать кого-то, быстро покатился по площади.

У меня все в порядке с головой

1.

– У меня все в порядке с головой. Здравствуйте.

– У меня все в порядке с головой. Добрый день.

– У меня все в порядке с головой. Мне два кило огурцов и килограмм картошки.

Сдачи не надо.

– У меня все в порядке с головой. Держите.

– У меня все в порядке с головой. До свидания. Думаю, я приду послезавтра.

– У меня все в порядке с головой. Приходите.

2.

– У меня все в порядке с головой. Какое счастье, что я взял путевку в этот санаторий!

– У меня все в порядке с головой. У вас прекрасный вкус. Я уже сорок пять лет сюда езжу. Дешево, вкусно, красиво, свежий воздух, минеральная вода, даже водопад около столовой. Но эти выстрелы в ста километрах отсюда!

– У меня все в порядке с головой. Надеюсь, в меня не попадут.

– У меня все в порядке с головой. Я тоже.

– У меня все в порядке с головой. Завтра я собираюсь проснуться в шесть утра, чтобы наблюдать восход солнца.

– У меня все в порядке с головой. Может быть, я тоже. Разбудите меня, если проснетесь первым.

– У меня все в порядке с головой. Хорошо.

3.

– У меня все в порядке с головой. Как вас зовут? Меня – Никита.

– У меня все в порядке с головой. Наташа. А как вас?

– У меня все в порядке с головой. Никита. Я же только что сказал.

– У меня все в порядке с головой. Я забыла, Никита. Наверное, ты отличный парень.

- У меня все в порядке с головой. А почему ты так думаешь?
- У меня все в порядке с головой. Я всем так говорю. Нет, я не то хотела сказать. Ты правда отличный парень, Никита.
- У меня все в порядке с головой. Спасибо, что ты так думаешь.
- У меня все в порядке с головой. Никита, купи мне мороженое.
- У меня все в порядке с головой. Хорошо. Поцелуй меня, Наташа.
- У меня все в порядке с головой. Хорошо. Только сначала купи мороженое.

4.

- У меня все в порядке с головой. Здравствуй, Коля. С новосельем.
- У меня все в порядке с головой. Здорово, Макс. Ты сегодня опять напешься, будешь приставать к Маруськиной подружке, переворачивать столы и бить тарелки?
- У меня все в порядке с головой. Ну разумеется.
- У меня все в порядке с головой. Ага. Сколько нам водки для этого нужно?
- У меня все в порядке с головой. Ты что, маленький? Бутылки три, не меньше.
- У меня все в порядке с головой. А если меньше?
- У меня все в порядке с головой. Купим еще.
- У меня все в порядке с головой. Тогда побежали, пока Маруська не пришла, а то кранты лафе.

5.

- У меня все в порядке с головой. Мне необходимо отказаться от родительских прав.
- У меня все в порядке с головой. Сколько у вас детей?
- У меня все в порядке с головой. Пока двое.
- У меня все в порядке с головой. Вам срочно надо?
- У меня все в порядке с головой. Лучше побыстрее.
- У меня все в порядке с головой. Тогда заполняйте заявление, бегите в банк, только быстро – в два мы обедаем.
- У меня все в порядке с головой. Спасибо вам огромное.
- У меня все в порядке с головой. Не за что.

6.

- У меня все в порядке с головой. Когда я был маленьким, я хотел стать пожарником, а стал заведующим отделом – работаю в почтовом ящике.
- У меня все в порядке с головой. Когда я была маленькой, то хотела стать певицей, а стала гинекологом.
- У меня все в порядке с головой. Когда я был маленьким, то хотел стать богатым и здоровым.
- У меня все в порядке с головой. А я – бедным и больным.

7.

- У меня все в порядке с головой. Ой, какая ты красивая, Валечка, с праздником тебя. Счастья тебе, здоровья, семьи. Посмотри, что я тебе купил!

– У меня все в порядке с головой. С праздником, Степан Аркадьевич. Что-то давно не заглядывал.

– У меня все в порядке с головой. Что не заглядывал – дела, семья, дети-двоичники.

– У меня все в порядке с головой. Может, у меня сегодня переночуешь?

– У меня все в порядке с головой. Не сегодня, Валечка, мы с ребятами на охоту собрались. А вот через два дня приеду. Точно приеду, Валюша.

– У меня все в порядке с головой. Степа, ты хоть чаю выпей.

– У меня все в порядке с головой. Чаю – выпью.

В

✓ ✓ ✓

а

Все войны порешит потешная ничья.
Сочтутся имена, и вспомнятся взамен
Созвездия росин в колёсах паучья –
Родимое пятно зелёных деревень.

д

и

Туда тебя несла раскосая трава –
Высокая волна, влекомая вослед.
Там будет можно всё: лежи и не вставай.
Не подбирай слова. Не рыпайся взростлеть.

м

✓ ✓ ✓

В

Осень без страха подходит близко,
День состоит из двух.
Здесь совершается акт вандализма:
Дворники жгут листву.

О

Осень в тебе созревает, как сдоба.
Вызвери, попусти.
Надо подняться и выйти из дома.
Это уже полпути.

Л

К

Х

А

Р

О

Ь

К

В

О

В

Осень – знамение жатвы и жажды.
Ветер, по небу – дрожь.
Нос у тебя холодный, влажный.
Стало быть, не помрешь.

А

Н

✓ ✓ ✓

Морской змей в полоске приборя
 бояться не нужно – смеяться так нежно
 плещется в брызгами пьяное солнышко
 на молодой на змеиной на коже
 Древними буквы недетских орнаментов
 лунные месяцы зёрен пшеничные
 каждой чешуйками зеркало воздуха
 шестиугольных пчелиные праздники
 смерти плохих и рожденья хорошие
 крабов камнями наполнены берегом
 скалы разбитых годами песчинками
 близки хвосту меньше атомных ядрышек
 кольца змеиные влажные бархатом
 волны кругами улыбками стрелами
 танцы на отмели дальнего облака –
 змей молодой, и, наверно, счастливый?..

Н

✓ ✓ ✓

Е

Ц

А

Е

В

С

К

И

Й

Д
О
Н
Е
Ц
К

тёплые железом паровозы
 кричат через город
 кричат ночью
 убегая по стальным кольцам
 по деревянным шпалам
 от заводов
 от вагонов
 от машинистов в своей голове
 побежит кто угодно
 и закричит
 через город
 ночью
 я же слышу...

✓ ✓ ✓

Я просверляю отверстием дырочки
 тыквенность ты, у меня только корочки
 от башмаков на дороге тарелочке
 будто бегом как ножи или вилочки

Целым неделям печали насильника
 белых полос не осталось у тельника
 глаз положу на кружок подоконника
 как бережок южный пальмами веника

Вот они будни отверстий мастырщика
сам себе зеркальца зелень натурщика
в поле дождей после смело прогульщика
в поиске гриб малосольного сыщика!

✓ ✓ ✓

Мы по улице идём
не беда, что неопратно
тёплый ветер с молоком
оставляет солнцу пятна

Не беда, что глаз солонка
стены полна не цветами
не трамвайным стуком конка
не копытом мимо нами

И ещё шевелят ветки
наши пятки на вершины
там машин дорожной сетки
видят толстые машины

И мы знаем тайну – тайну
и стираем ночью майки
свои губы чашку чайну
всунув рук трамвайны гайки

Мы по улицам идём
что посеём – то найдём

✓ ✓ ✓

Я на клиросе сию
покурить хочу ужастно
но молчу – жужжит мой принтер
и жуёт бумагу часто

Как большие канарейки
рядом певчие поют
благодать! – а мне икону
отсканировать дают

Ой ты отче настоятель
благочинный иерей
может я и одержимый
может попросту предатель
только очень сигарету
покурить хочу скорей

Мне в пампасы, мне б на волю
 мне бы пива похлебать...
 Пост. И денег нет. Вот соли
 разве в трапезной поболе
 всыпать в борщ, ядрёна мать!

По небу Волк бежит домой –
 отдал долги, доел свой зуб
 потратил две ноги и хвост
 мост перед ним горой – седой
 спит на мосту Рыбацкий Дед
 всех рыб поймал, устал и лёг
 услышав лёгкий Волка бег
 уснул и спит и смерти ждёт

А мимо мчатся облака
 кипит река, звенит звезда
 и поезда за паровоз
 ползут неведомо куда
 девчонки семечки плюют
 рожают, мрут и варят борщ
 а сверху падает вода –
 то снег, то град, то просто дождь

А сверху Волк бежит домой
 беззубый Волк, седой, как лунь
 вдруг – видит Дед усталый спит
 Волк улыбается: «Июнь,
 а он собрался умирать,
 а ну – вставать и рыб ловить
 любя себя и их любить
 (когда они идут на дно)
 Тебе приказывает Смерть!»

Дед потянулся – «Всё одно
 уедет Смерть траву косить
 плести венки и песни петь
 ей нужно детушек кормить!» –

Рыбацкий Дед и старый Волк
 сидят на краешке моста
 горилку пьют, по спинам бьют
 рукой и лапой – красота!

...а сзади тихо едет Смерть
 и воз цветов везёт домой

ей Волка жаль и Деда жаль
она их будто бы не замечает
и гладит глазом горизонта даль
ну, вроде книжку умную читает.

Что было дальше видно ей одной.

⓪

Удивительное происшествие

е

д

о

р

Гуляя по парку и обнаружив за деревьями колонны военных грузовиков,двигающихся по шоссе, а немного погода на месте своего дома – только его остов и пустые глазницы окон – здесь побывали бомбардировщики, – оказавшись, таким образом, без дома и без родственников, – я поспешил к Тоне – то быстрым шагом, то пускаясь бежать, пробираясь через лес, через овраги, полные грязи, через какие-то развалины, не обращая внимания на людей, копошившихся среди развалин, вытаскивая своих мертвецов, – и нашел ее в своей квартире за распахнутой дверью на спине с широко раскрытыми глазами, что можно было разглядеть сквозь прозрачный целофановый мешок на ее голове, завязанный крохотными узелочками на шее, в который она успела надышать, прежде чем умерла.

⓪

Плеер

р

а

н

ц

е

в

Плеер, который не есть плеер, а есть большое, черное, безобразное насекомое, которое, если к нему приложить серые наушники, напоминает стрекозу. И вам только кажется, что он – источник музыки, которую вы слышите: музыка звучит у вас в голове, и вы ее можете услышать и так, без насекомого, если напряжетесь и вспомните мелодию, а иногда она сама звучит у вас внутри, без всякого напряжения; сам же плеер не издает ничего, кроме жужжания, когда прокручивается пленка в кассете.

у пассажира дальнего поезда
 три дня вынужденного безделья
 инспирируют болдинскую осень
 попутчики скучные
 за окном местность неинтересная
 не поймёт, главное, –
 то ли это праздная какая-то тупость
 в голову лезет,
 то ли болдинская осень?
 и с полки никуда, бедный, не денешься,
 и от этого всего не уйдёшь
 и так от этого всего одно беспокойство, –
 а тут ещё среди ночи вдруг –
 А! Что!? Какая станция? –
 чуть ли уже не путник запоздалый в окошко стучит.
 Ку-ку, это я, болдинская осень.

Эпод 2

Гуляем.
 Я – от души,
 ты – не знаю, я уже ни в чём не уверен.

На набережной.
 Раз – девчонка на роликовых коньках мимо нас проскочила.
 А друг её – оглядываюсь – пешком, эге, далеко отстал.
 Таня! Таня! – кричит. Стемнело.

В небе салют показывают, –
 а я на тебя смотрю.

А ты...
 – А что это там, на том берегу? Самолёт?
 – Это аттракцион в парке имени Горького.
 Яркую твою футболку ветерок теребит.
 Запускаю мысленный кораблик из всего этого
 в серые воды Москва-реки.

А ты...
 Обидно, как роликовые коньки на двоих.

Однажды, когда всё было очень хорошо,
 Сложную формулу этого «хорошо» я записал в блокнотик.
 Потом, чуть плохо, – полистал, формулу нашёл,
 Прочёл, как заклинание, поднимаешь глаза –
 опять всё хорошо, выходит.

Однако случилось мне как-то потерять свой блокнот
 (То ли в автомате оставил, то ли он сам из кармана выпал).
 Ну а в памяти моей, конечно, покопался какой-то, например, енот
 И, как будто мешок зерна, формулу мою перевернул, рассыпал.

А нашла ведь какая-нибудь зараза формулу моего счастья
 и, небось, пользуется теперь ею.
 С подозрением гляжу во встречные радостные лица: вдруг – он?
 Хожу себе, хожу, вспоминаю – не вспомню, и старею.
 Потерялось моё инфантильное «хорошо»,
 истлело, как мешок макарон.

...Самое смешное в этой истории то, что она –
 несколько стилизованная истинная правда.
 Что действительно, я, начинающий поэт Иван Марковский,
 Некогда записал в блокноте несколько туманных формулировок
 И затем, прочтя их, неизменно впадал в хорошее состояние духа.

Limit

Дм. Соколову

где слова ничего не обозначают
 не обнадеживают
 не печалят
 а висят, как какая-то азбука
 на ветру, –
 сложились из азбуки слова поновее,
 одно, которое
*«я везде и одновременно еду
 за надежной спиной на багажнике велосипеда на даче
 и вечер
 и тихий как кролик глагол «любить»
 где-то в густых одуванчиках заблудился»*
 и другое, которое
*«свет настольной лампы,
 под которой должно быть написано
 что-то значительное,
 но ничего не написано»*
 и ещё, которое
*«то, что я считаю делом своей жизни,
 и есть дело моей жизни»*

✓ ✓ ✓

Расцветали папиросы в темноте
 Требую красоты! – На.
 Крышечка слетела – и полилось, полилось...

Протяни руку к слону
серый такой, большой
трудно проверить, что у него в голове
портянки у дрессировщика байковые, на ногах – кеды
утешает своего слона, что Африка далеко
(а в Москве вместо Африки – метро)
а сам в сторону смотрит,
но не конкретно, а так – сквозь цирк
Видно, что-то померещилось ему
а что – как и в случае со слонем, трудно проверить
Уже так долго живёт, но что-то ни в чём не может
окончательно убедиться.

Время жизни с 25 до 35 лет называется расцвет
Превращается интересный парень в холостяка (1)
Превращается девушка N в полупустую матрону M (2)
Остальные перевоплощаются в мужа, жену, отца (3)
(2) – случай, наводящий на ироничные размышления по ночам
(3) – нагляден (1) – бывает замечен особенно изнутри
И вот встречаются эти дураки со склонностью к систематизации
подозрительно смотрят друг на друга и мысленно раздают номерки:
раз, два, три.
А кому-то и наплевать.

Крутится-вертится всюду поспеваает акробат, гибкий, как идеал
человечества, мечтающего жить в космосе и под водой –
идеал человека, который хочет всем угодить,
пластичный, как пластилин, как главный хамелеон –
всех одновременно любить и про себя не забыть
И этого желания провод наматывается на шею человеческую, как петля,
и жить не дает, думать, дышать
Человек уж из провода своего желания выпутывается так и сяк
а тот – белый, скользкий, блестящий, как змея
превосходный, как идеал, и, собака, гибкий, как акробат.

Людмила Владимировна, зачем вы так беспечны?
Дверь балкона оставили открытой, а вдруг к вам залетит Бэтмэн?
Взойдёт, смахнёт плащом какие-нибудь сервизы
(Именно – взойдёт).

А ещё у вас на кухне не прибрано, ай-яй-яй.
Или ребёнок бесприютный, от которого одни сюрпризы, взлезет.
Или какой-нибудь ужасный прогноз погоды.
Вы не смотрели?
По телевизору новости не только о ерунде говорят.
Бывают и вполне разумные мысли.
Людмила Владимировна, если б вы знали, как я вас ненавижу,
какая едкая, отвратительно ядовитая ирония пронизывает эти строки,
отравляя мою и без того неприятную бессонницу. А ведь вы –
это в некотором роде и я.

Изделия из соломы – лапти
пришли мне, дед.
Ворковали куры у деда на крыльчке,
тукали носами им одним понятную еду.
И теперь в посылочках едут
мне, мне, мне, съем!
А потом всё, всё упакуй, заверни, присылай скорей,
Сам в ящик полезай и на почту ползи.
Спросит почтальон ящик: ты кому посылочка? – отвечай – мне!
Только всё прислал, а из соломы лапти забыл.
Чтоб тебе пусто было, дурак, дед!
Из соломы сделаны, из соломы мои соломенные дома.
Слёзки мои – кошки, мошкара.
Носик у меня маленький, беленький, не такой, как у тебя, дед.
В проруби живёт сатана.

Русская мировая война
На утёсе разобьём сад
По долинам и по взгорьям туман, туман, туман
У зовущего голос охрип
Мужчины ушли за дровами, будут через 15 минут
У костерков женщины что-то поют, что-то прядут
Искорка попала гостю на плащ – потушили, смогли
Женщины не знают, что мужчины никогда не придут

К

✓ ✓ ✓

я засыпаю невредным нефармацевтическим сном
 вот предо мной уклон
 на улице орёт мотоцикл,
 исчезая за акустическим углом
 я поворачиваюсь набок – ищу тебя –
 твои руки
 издают хлопок
 комары
 всё равно звенят
 на траву постелили веток
 бородатые люди спят
 каин, хам, и смутно – иван третий
 на ночь вредно есть мя
 со мною птицы бог и дети
 уткнулись под крыло и спят
 здесь ночь бела
 и видно вещи
 и слышно как часы гремят

О

Н

С

Т

а

Н

Т

И

✓ ✓ ✓

посмотри – вот появляется Элвис
 уже готовый к обмороку, хочет влететь
 в этот чёртов кальвинистский парадиз
 на алкогольных трудовых парах
 ступни в стороны, коленки вниз
 симметрично на другой стороне шара
 летним утром в советской больнице
 в это время мать меня рожала

Н

Р

У

✓ ✓ ✓

такие тонкие нити в твоих руках
 световая реклама в зените
 вся площадь в бабах и мужиках
 все строчки в знаках все линии в крестах
 на твои руки можно плакать,
 ими можно даже месить тесто
 но не дай бог коснуться твоего языка
 ты тянешь время – нельзя не спать –
 завтра с утра пряжу в руки,
 зашивать живот, заращивать шрамы
 линию любви провести от соска.
 это просто ночное дежурство
 просто жизнь у дверного глазка.

Б

А

Х

И

Н

В
О
Р
О
Н
Е
Ж

мы у бога ходим под головой
 помани и поймаешь его за нимб
 стряхнёшь себорею с его головы
 ты знаешь где – подойди и возьми
 как обычно за уши притяни
 вверх-вниз до последнего глотка
 и, наверное, что-то из нас останется в веках
 что угодно – только не сами мы
 конечно удивительно то что в наших руках
 только, кажется, мы опять не одни.

под твоими пальцами
 появляется случай из жизни
 легко и ритмично, даже когда на улице мороз
 в животе аппендицит, на лице прыщики
 я опять по бедности рылся в чьей-то кровати
 и в жизни
 мои руки дрожали, голова нагревалась, молоко кисло
 а некто бывал совсем на вид не преступен
 я продавал свои вещи и даже мысли
 эту толчёную воду в ступе
 ты смеялась и щипала меня за плечи
 открывала глаза и трезво смотрела
 да – я тоже знаю, что некоторые болезни совсем не лечатся
 а теперь ты еле стоишь и смеёшься
 мы пили вермут, снимали с себя вещи

лес, вечер, гавриил за рулем кадиллака
 ищет потерявшуюся душу
 на пути из курска в саратов
 душа тоже хочет найти гавриила –
 ей кажется, что вокруг какая-то вата
 да и сама она ни туда ни сюда
 не то направо, не то налево
 не то белая, не то зеленовата
 и если бы некая мария была в чём-то подобном
 хоть капельку виновата
 не стал бы так актуален
 ни крест, ни якобы бёме или фраза пилата
 к началу действия собрались люди
 может твоя пра-пра тоже была там
 может быть я в то время служил римским солдатом

за окном музыка – оранжевый призрак ковыряет пути
мелкие брызги льда и серой крошки попадают
в очки, рот, глаза
как всегда в конце кальпы облетит нас саранча –
точнее стрекоза
в двенадцать здесь хлопает пушка в воздух, не добившись врага
не встречу я больше своего, не найду чужого здрастье, –
даже этого не сказал.
каждый метр придётся пройти, каждую мысль выдумать
каждое слово страдать
в колесо кармы попадает нога
из твоих сплетен можно что-нибудь связать,
снять мерку, расплывшийся сосок нечаянно показать
разбираю старый комод – нахожу болотный аир
кусок твоего платья, разрезанный рукав, небольшую кровать,
я, кстати, так и не научился рано вставать.

А

✓ ✓ ✓

Сегодня в парке снег видел
 На скамейках на деревьях
 На кустах на заборах
 В урне
 В пластиковых стаканах из которых

Н

Д

Р

е

Й

Пил водку вчера
 Здрóрово что зима
 Голова не болела
 Сердце стучало неслышно
 Было так тихо
 Немножко мутило
 Вели от дерева к дереву
 Собачьи следы
 Неестественной красоты снег
 Под ногами стелился
 Я подумал хорошо
 Господи как с утра что
 Опохмелился.

✓ ✓ ✓

Р

О

Д

И

О

Н

Гренландский дневник
 Принесла ты домой
 Он был мой
 Любимый дневник
 Ещё в те дни когда из школы
 В городскую библиотеку сразу
 Шёл я с сумкой полной учебников
 И брал ещё книги на абонементе
 И сумка рвалась по дороге домой
 О гренландский дневник ты любимый мой
 Из библиотеки украл я
 Гренландский дневник
 Прошло десять лет
 И давно потерял я свой школьный дневник
 За последний класс
 Но остался, остался гренландский дневник
 Рокузлла Кента в шкафу у нас
 О гренландский дневник!

О

 М
 О
 С
 К
 В
 А

✓ ✓ ✓

В

Можно прочесть в панельных домах
 Если подняться пешком на последний этаж
 Исповедь москвича употреблявшего маргарин

Памятник тем кто ночью сходил в магазин
Четыре маленьких банки
Поставили на подоконник
Исповедь москвичей употреблявших джин-тоник
Холодной ночью и днём
В панельном доме и в доме из кирпичей
Эта грустная повесть о третьих лицах
Употребивших чего-нибудь
Москвичей

✓ ✓ ✓

Было пасмурно серые тучи ползли над платформой Лось
К платформе Перловская
Голуби словно стая грязных носков
Поднялись полетели на станцию Лосиноостровская
На платформе Лось
Мне старуха сказала
Что во Фрязево в электричке пустой
Живёт Дед Мороз

ЖИРАФ

Во-первых, *Жираф* написан целиком и полностью под влиянием никотина.

Во-вторых, замысел *Жирафа* относится к июлю девяносто третьего года, когда я поспорил с Талей Серебряковой, что за три месяца смогу написать роман в пятьсот машинописных страниц на любую тему. В итоге вышло не пятьсот, а пятьдесят (если говорить о черновом варианте), не за три месяца, а за четыре с половиной года, и не роман, а повесть (естественно, здесь много неточностей).

В-третьих, при создании *Жирафа* мною был использован рассказ Макса Нижегородского в изложении Наташи Черных. Суть рассказа состоит в том, что в одной квартире оказываются четыре человека, лишённые возможности выйти. Кроме того, один из персонажей (в моей повести – Жираф) является фотографом.

В-четвертых, когда я спросил Талю, о чем же должна быть повесть (вернее, роман), она сказала: о чем-нибудь добром. Я спросил: о чем же именно? Она ответила: вот недавно я разговаривала по телефону и спросила, что можно нарисовать доброго, пока я разговариваю, и мне посоветовали: нарисуй жирафа. Вот и напиши про жирафа.

В-пятых, я предполагал, что Жираф окажется артиллерийским полковником. Однако в процессе написания повести выяснилось, что Жираф – полусумасшедший белорусский диссидент с внешностью генерала де Голля, увлекающийся любительской фотографией. Опасаясь ареста (действие повести происходит во второй половине восьмидесятых), он никогда не покидает свою квартиру в городе Минске, для удовлетворения простейших житейских надобностей используя слепо преданного ему алкоголика по кличке Плевака. В отличие от Жирафа, Плевака выходит на улицу, таинственным образом добывая там деньги. Квартира двухкомнатная, без телефона, жутко грязная.

В-шестых, сюжет повести состоит в том, что двое прихиппованных автостопщиков (Карл и Леночка), протусовавшись сначала в Москве, потом – в Крыму, потом – в Киеве, осенью попадают в Минск. В Москве они знакомятся на автобусной остановке во время дождя, в Крыму некий подозрительный человек обещает показать им Короткий Путь, в Киеве они живут в районе под названием Мышеловка. Это первая половина повести. В Минске, приведенные Плевакой в квартиру Жирафа, чтобы переночевать, они насильно удерживаются Жирафом в течение полугода для развлечения. Весной он их отпускает. Это вторая половина повести.

В-седьмых, черновой вариант *Жирафа* был завершён мною в ноябре девяносто четвертого года. Я показывал его, в частности, Диме Гайдуку, Ане Герасимовой, Даниле Давыдову и Алексею Корецкому. (Надо заметить, что проблема редактирования черновика была для меня неразрешима ввиду полной неспособности его прочесть – ниже я постараюсь объяснить, по какой причине.) Дима Гайдук, просмотрев

повесть, сказал, что она в общем-то неплоха. Аня Герасимова, просмотрев повесть, сказала, что мое намерение выбросить машинопись на помойку не лишено оснований. Данила Давыдов сказал, просмотрев повесть, что она нуждается в существенных доработках, с чем я согласился, пообещав выбросить первую половину (история бродяжничества), а также сопроводить вторую половину (история насильного удержания) обширным предисловием, где излагалась бы история возникновения текста. Алексею Корецкому я сказал, что из отдельных фраз повести составлен верлибр объемом в четыре машинописные страницы – последнее, строго говоря, не соответствует истине.

В-восьмых, я пообещал себе закончить *Жирафа* не позднее девяносто седьмого года. Год подходит к концу, и данное себе обещание следует выполнять. В связи с этим мне бы хотелось подробнее остановиться на том, почему невозможно прочесть, а следовательно, и отредактировать *Жирафа*. Причина – в злокозненном сочетании никотина (я писал эту вещь, только когда курил) и предельного обилия солецизмозов разного уровня, которые служили основным элементом внутренней конструкции. Несмотря на кажущуюся спекулятивность этого утверждения, я глубоко убежден в его истинности. Те, кто утверждает, что они смогли прочесть повесть, – думаю, делают это из вежливости. Однако мне кажется, что выход найден – в конце концов, как бы он ни был ущербен, окончательный вариант повести существует. Другое дело, что повестью это назвать нельзя.

В-девятых, несмотря на то, что *Жираф* уже давно внушает мне отвращение, остались некоторые детали, сохранившие свою прежнюю привлекательность. Например, зеленое байковое одеяло, которым Карл и Леночка укрывались в Крыму. Мой собственный сон про рыбу, плывущую над далеким городом, приписанный Карлу. Искусственные цветы, украденные Плевакой с кладбища в качестве природы для композиций, которые фотографировал Жираф. Шляпа Леночки, которая действительно существовала на чьей-то голове лет десять назад. Короткий Путь – в конечном итоге мне самому пришлось им воспользоваться. Старые газеты. Бесконечные макароны. Самосвал, обрызгавший грязью Карла и Леночку после того, как они покинули квартиру Жирафа.

Ну, и так далее.

ТРАГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КАМИЛО СЬЕНФУЭГОСА, БОРЦА ЗА СВОБОДУ

В конце шестидесятых годов моя мама была на Кубе. Она привезла оттуда дюжину морских раковин, несколько амулетов разнообразного назначения, роман Франца Кафки «Процесс» на испанском языке, миниатюрную пальму, пластинки с необычайно зажигательной музыкой, кучу революционных брошюр и стопку открыток с адресами ее кубинских друзей. Кроме этого, она привезла гипсовый бюст команданте Камило Сьенфуэгоса, посвятившего свою жизнь борьбе за свободу.

В сентябре девяносто третьего года я жил на Планерной улице с беременной женой и Димой Галаниным. Я и сейчас живу в той же самой квартире; а тогда шел первый месяц моего вторичного проживания в этом месте. Здесь я провел первые месяцы своей жизни, вплоть до развода родителей, после же приехал сюда к отцу только по выходным, с каждым годом всё реже, ибо наши отношения остав-

ляли желать лучшего. После его отъезда в Израиль я около года эту квартиру сдавал, а после, во второй раз женившись, решил поселиться здесь сам.

Мы жили втроем, поскольку двое не смогли бы справиться с запустением, царившим в этой квартире. Мой друг Дима Галанин, замечательный художник, в то время как раз подыскивал себе жилье в Москве, и я предложил ему поселиться вместе с нами, благо моя супруга не возражала. Предложение было сделано с тайным умыслом: я знал, что Дима – человек достаточно хозяйственный и умелый, хоть и безденежный. Мое финансовое положение по тем временам было не лучше; достаточно сказать, что совместная сдача пустых бутылок, оставшихся после квартирантов, весьма существенно пополнила наш бюджет.

Проблема была даже не в том, что квартира была грязна, – в конце концов, за неделю мы более или менее привели ее в порядок. Проблема была в том, что в стены вьелась атмосфера непостоянного, временного жилья, хронического неуютa, и мы с Димой, как могли, старались исправить сложившееся положение.

Однажды в отсутствие моей супруги (она была у родителей) мы приобрели и выпили две бутылки вина. Кажется, их было именно две, если это был портвейн. Если же вино было сухим, то бутылок вполне могло быть и три. Но существенно не это. Существенно то, что Дима по неосторожности толкнул книжный шкаф, на котором стоял гипсовый бюст, изображавший Камило Сьенфуэгоса, и бюст в результате свалился на пол, расколовшись на несколько частей.

Надо сказать, что он и до этого несколько раз падал, и от него откалывались маленькие кусочки гипса, однако этот раз оказался, что называется, роковым. Бюст раскололся на несколько частей, и я был очень расстроен. Однако Дима собрал осколки, а через несколько дней, раздобыв неизвестно где тюбик клея «Момент», склеил эти осколки в единое целое, и бюст команданте Камило Сьенфуэгоса начал новую жизнь, с тех пор ни разу больше не претерпев никаких повреждений. Одно время у меня было желание покрасить его в черный цвет, но я не жалею, что это желание осталось неосуществленным.

Примерно тогда же, осенью девяносто третьего года, мой друг Коля Петровский подарил мне книжку про команданте Камило. Сначала он хотел, чтобы я отдал ее другому человеку, но я сказал, что она нужна именно мне. Спустя несколько лет я прочел эту книгу: в ней было написано о детстве и юности команданте Камило, о его знакомстве с Фиделем Кастро, о начале революционной деятельности, о высадке повстанцев на Кубу с катера «Гранма» (по-моему, именно катер, хотя я не очень точно запомнил эту деталь). Книжку я потом потерял. В ней очень скупо было написано о том, что мне действительно хотелось знать.

Меня интересовала смерть Сьенфуэгоса. Вернее, то, что принято считать его смертью. Этому предшествовали события, о которых в книжке рассказано было довольно подробно, и я постараюсь пересказать все так, как я запомнил при чтении.

В военном гарнизоне одного из кубинских городов созрел контрреволюционный заговор. Военные были недовольны сближением Фиделя Кастро с коммунистами (сам он коммунистом в то время не был) и его просоветской политикой. В опасное место на самолете был отправлен команданте Камило Сьенфуэгос. Прямо с аэродрома в сопровождении нескольких человек он явился непосредственно на собрание заговорщиков, произнес пламенную революционную речь, арестовал зачинщиков и вернулся с ними обратно на самолет. Прошу читателей простить мне нелепый, лубочный пересказ, но так я запомнил.

Существенно не это. Существенно другое: Сьенфуэгос вместе с арестованными заговорщиками (или без них – это в действительности тоже не важно) оказывается на борту самолета. И самолет взлетает в небо над Мексиканским заливом. Здесь начинается самое важное.

Дело в том, что самолет этот никуда не садится. В книжке написано, что он потерпел крушение и команданте Камило Сьенфуэгос погиб, в результате чего его именем назван один из кубинских городов. Однако никаких следов падения самолета обнаружено не было, а следовательно, и никаких черных ящиков. Это можно было бы объяснить тем, что самолет плюхнулся в море, однако связь с ним была утрачена уже в то время, когда он находился вовсе не над Мексиканским заливом, а непосредственно над территорией Кубы.

По словам мамы, кубинцы считали, что гибель Сьенфуэгоса связана с тем, что между ним и Кастро назревал разрыв. И что это Фидель его угробил, потому что Сьенфуэгос был популярен в народе. Официальная версия такова, что гибель Камило Сьенфуэгоса – результат происков американских спецслужб. Мама говорила, что его исчезновение некоторые люди объясняли близостью Бермудского треугольника; видимо, они не учитывали, что Бермудский треугольник довольно далеко от Кубы и вдобавок с другой стороны острова, чем та, над которой летел самолет Сьенфуэгоса.

Одним словом, исчезновение команданте Камило Сьенфуэгоса в небе над Мексиканским заливом (так красивее, хоть и не совсем правда) навсегда останется под покровом тайны. И только полустершееся воспоминание об одном неловком движении моего друга Димы Галанина приподнимает иногда для меня этот покров.

БИСКВИТ БЕРРОУЗА

В книгах североамериканского писателя Уильяма Берроуза часто встречается описание следующей сцены: джанки стоит (или сидит) за столиком уличного кафе, ест в течение многих часов кусочек бисквитного торта, пьет кофе из пластикового стакана и ждет человека. Эта сцена кочует у Берроуза из романа в роман. Однажды со мной произошел случай, чем-то напоминающий эту сцену.

В то время я не употреблял опиаты уже больше двух лет. У меня была вполне сносная работа, позволявшая прокормить себя и оставлявшая много времени для занятий литературным творчеством. Однако общее эмоциональное состояние, к сожалению, оставляло желать лучшего. Поэтому в один из свободных дней я позвонил человеку, номер телефона которого уже успел стереться из моей памяти. Человек сообщил, что грамм опиума стоит пятьдесят тысяч. У меня было сто. Я сказал, что перезвоню через два часа.

Я стоял возле станции метро «Кропоткинская», неподалеку от места своей работы – это было рекламное агентство, еженедельно выпускавшее газету «Московский Продэкспресс», которая бесплатно распространялась (а может, и ныне распространяется) по московским рынкам и магазинам. Мои служебные обязанности были таковы: выдача тиража, выдача зарплаты сотрудникам и контроль за распространением. Со своими обязанностями я справлялся не то чтобы хорошо, но и не слишком плохо.

Была зима. Я прошел мимо музея на Волхонке и свернул в переулок. Я не стал заходить в музей, хотя у меня был повод туда зайти: следовало навестить одну

мою добрую знакомую, которая изволила там работать. Кроме того, в музее можно было бы воспользоваться туалетом. Однако мне показалось, что в таком дрянном состоянии не стоит заходить в музеи и уж тем более навещать добрых знакомых. Свернув направо, я вышел к Знаменке.

На углу Знаменки находится ирландский бар «Рози О'Грэйдис». Раньше на его месте, в том же помещении, находилось кафе под названием «Пентагон». Это было неофициальное название, своим происхождением обязанное близлежащим военным академиям. Старые посетители редко заходят в «Рози О'Грэйдис» по причине высоких цен – фактически риск случайной встречи был сведен к нулю. Я решил зайти и выпить чашечку кофе, чтобы согреться.

Мне нравится посещать места, с которыми у меня связаны те или иные воспоминания. В списке этих мест, если бы такой существовал, «Пентагон» стоял бы далеко не на последнем месте. Глядя на нынешних посетителей, приятно думать, что их судьба мало чем отличается от судьбы предыдущих. Ради этого чувства можно особенно не скупиться на кофе, благо он остался таким же дрянным, как и прежде.

Возвествив о своем появлении звоном колокольчика, я подошел к стойке и заказал кофе. В помещении было немногочленно, хотя единственным посетителем я, пожалуй что, не был. Я вспомнил о втором достоинстве «Рози О'Грэйдис»: здесь можно бесплатно пользоваться телефоном. Кофе еще не был готов, и от нечего делать я взялся перелистывать меню, обращая больше внимания на первую колонку (с названиями блюд и напитков), чем на вторую (с цифрами). На глаза попался бисквитный пирог с яблоками. Когда мне принесли кофе, я сказал, что хочу еще и пирог.

Персонал в «Пентагоне» остался прежним. Эти люди узнают меня, но стараются не подавать виду, что узнали. Похоже, я для них не слишком перспективный клиент. Меня это огорчает, но не всегда. В тот день, увидев знакомую искорку неузнавания в глазах женщины, принявшей у меня заказ на бисквитный пирог с яблоками, я подумал, что поступаю правильно. Поставив чашечку кофе на беспрепятственно выбранный для этого столик, я снял пальто и отправился в туалет.

Вернувшись за свой столик, я достал красную записную книжку и сделал в ней несколько записей на разных страницах. Их общий смысл сводился к тому, что после работы я ненадолго зашел в «Рози О'Грэйдис». Про свое намерение приобрести опиум я писать не стал. Одна из записей была прервана: меня попросили забрать пирог.

Расплачиваясь, я выяснил, что кофе стоит тридцать тысяч, а треугольный кусок бисквита – шестьдесят. Таким образом, от сотни у меня оставалось десять тысяч рублей. Поедая пирог, я вспомнил соответствующий пассаж из Берроуза и обнаружил, что необходимость в телефонном звонке отпала сама собой.

а

Из цикла «MY NAME'S РОСЛА́ВЛЬ ПЫТРОВСКИ!»

К

✓ ✓ ✓

С

Ах, отчего в таком количестве
произвожу на свет я диких чибисов!
Где будут гнёзда вить мои потомки, –
ведь никто чибисам моим
не годится даже в зелёные помидорки...

И

И что за манэру взяли!
Можно подумать, что и подумать нельзя!
Подумаешь, хитрые глазки мои заблестали, –
ведь даже мне всегда можно сделать «козя-бозя»!

М

✓ ✓ ✓

С

У четвёртой собаки же
величиной с ракету были глазья!
Моя любовь на пятом этаже,
да только я туда уже отлазил.

К

В своё время...
собака мне нужна была, чтоб «прыг»!
Долою шапки, чепчики,
и рты разверсты бабьи в изумленьи:
всего один-другой короткий миг, –
и я реализую вожделенье!..

В

О

Что в имени тебе моём?
На пятом этаже мой дом
в то время был,

Р

когда не мог я без собаки обойтись
не только чтобы вверх, но даже вниз
иначе я тогда не мог спуститься,
как только прыгать...

Ц

О

Чем глазья ж больше – тем длинней прыжки,
поскольку крепче ноги, сама пойми!
И впредь стремись к тому же,
что я имел, когда тебе был мужем!..

В

 М
О
С
К
В
А

Но дело тут, однако, не в тебе,
живущая на пятом этаже поныне,

а в том, так сказать, конструктивном уныньи,
 что я имел в себе,
 в тебе жану имея,
 в то время длинное,
 как дома твоего пятый этаж
 с тобою наш занимал шалаш.

Таперь не так!
 Я ж нэ жолэю.
 Я сам себя лячить умею
 с тэх пор нздурно.

Намедня же добился я тоГо,
 что глазья у собаки стали луны,
 а утром – солнца,
 что дало возможность осмотреться,
 прицелиться как следует,
 и прямо прадо тэм, как «чики-чик»,
 понять, что то не глазья были, – гроздьа...

Топырь шуслывый я!
 Чостэнько шурюз в предоставленные гроздьа,
 и знатно обогрет.

Нет-нет, ни у кого
 такой пиздатой больше собаки нэт...

✓ ✓ ✓

голубая чашка
 золотая чашка
 серебряная чашка («...не то на серебре, – на золоте едал!»
 обыкновенная чашка А.С.Грибоедов)
 не сказать коленка
 клеёнка

✓ ✓ ✓

Летит головня, горит, в кискино логово...
 Под мамой-киской кисики ея вопиют...
 Мамою огненной кисикам напекло головы...

Маме бы с небом бы если бы более повезло,
 с юных кисиков не слезали бы тёплые шубки заживо,
 но в чужом логове кошка-папа распеваает козлом,
 а в своем – ...кисики папины заживо мамой уважены...

В ге-солдате-с фотоазросьёмки
 нами было понято, где же...
 под землёй, что нехарактерно для них,
 мухи серийно производят спонов.
 Элефантов своих они украшают розовой лентой;
 элегантных бабочек даже прикрепляют к хвостам!
 Чёрт-те-о знает, рекламы (нет?) насмотрелись ль?
 Не сама ж по себе интересная мысль столь!
 Как думает кто?..
 В сапогах ли по-прежнему киса?
 Лайло-пудайло-гдрáрло, завтра слезаю.
 Верю ли себе, вам?
 Волки же на секретных заводах производят овец..
 Они и научили нас фотоазросьёмке...
 овцы-то...

Клетка заполнилась вороном,
 но не по воле его.
 По воле, очевидно, небес.
 Не могёт быть, чтоб слишком уж я...
 Поэтому небеса...

Он карчет. Душонка в тисках.
 Прутики, казалось б, хуйня, –
 ан нет, не хуйня...
 Попался...

Но в пшене отказа не будет.
 Отказ будет,
 но не в пшене...

Почему не ветром?
 Почему не сетчатка, – клетка?
 Почему ворон я?

Не отказом буду томим.
 Томим буду, но не отказом.
 Тоже мне, «...в темнице сырой»!
 Никаких указаний на твоё местонахождение нет...
 Всё как мечталось, блядь!..
 Попался...
 Пропадаю, соответственно.

Третье обязательно я обязан,
хоть скован холодом и прутом.
Мне желания никакого нет...
Я – мертвый король, и Рославль,
и бабочка, и дорожка...

Я жил для того, чтоб любить,
сколь это, блядь, ни банально.
Я чувствовал остро;
я порезался:
мне помогали, да не от того,
теперь я не чувствую ничего.

Оковы мои скоро спадут,
заживу, как не было среду!..

Карбюратор-карбюратор
незачем проверять...
У меня и машины-то нет.

Мы – обыкновенные люди.
Курс доллара скачет, –
мы чувствуем дискомфорт...
коротко всё...
и ясно.

Когда же сдохнет злая половина
людишек, блядь?!
А то в метро мне тесно!

club off elegy

а

*оставайся мальник с нами
будешь нашим королём
будешь нашей королевой
будешь нашей королевой
таша говорю я на...*

р

ь

Пролетарии слетают-
ся, сползают юзом, низом;
бесконечные для взгляда,
как в метро стал эскалатор;
копошась в дверном проёме,
уверяя – не проймёт!

я

Почему-то понимает,
только я... – не понимает –
дымом, светом, разом, музом-
телевизором заглохшим;
мотоцикл, огнетушитель –
да музон у них такой!

с

Ви-ай-пи Филипп Киркоров
здесь пи-арил в понедельник:
ночь, кровати поперёк...
Утром в полдень их начальник
ленту вен себя разрежет,
развернётся червяком.

у

х

*тот червяк душа наташа
говоришь нас стало старше
стол был яств окурок в супе
стол дубов бубним и плачем
ярославны горьким плачем
и кричим на языке.*

о

Белинский

*Как известно, Белинский был
великим критиком, но недоучкой.
А вот Пушкин, по выражению
Белинского, был Солнцем русской
поэзии. Вчерашним, как заметил
Мандельштам.*

в

е

й

С
А
Н
К
Т
-
П
Е
Т
Е
Р
Б
У
Р
Г

Процессор стих,
как сам себе белинский.

Мой третий стих –
ничтожный, исполинский,
простой, как высшее
образование
(поберегись,
а то дадут по шее).

Диплом есть право на открыть в метро
джин-тоник в банке, трепетной и тонкой,
а также post того, когда умрёшь,
оставит твоё имя на картонке.

Всё та же книжица живёт в котомке,
всё тот же шум вокруг над головой.
Они не думали, что будут их потомки
носить с собой,
зачитывать до дыр.

Белинский был
не понят до конца
(четырёхзначный, односложный).

По небу плыл
Не Прячущий Лица,
неосторожный;
освещая мир.

НОСИТЕЛИ

1. петербургские сны

давыдов в москве. москва во сне.

мой мозг способен укрыться рваным ботинком

за забором, где, как говорится, пусть – бузина.

я на самом деле не помню, где живёт мой дядя.

2.

...ещё бы и белые кеды, чтоб ходить по весне,
когда «Мрамор» играют в «Борее» в белых простынках,
я за дверью от этого мрамора – I'm a brick of the wall.

...меня не касается стол, на котором стоит-остывает
[неважно], не глядя переворачиваю страницу

то ли ежедневника, то ли фотоальбома,
то ли журнала с незвучным названием «Питербук», где
[тоже неважно]

3. мк-60

помню свои прогулки по вечерами пустому
злому трамваю – бег от кондуктора; к дому
от метро слишком длинная остановка;
в общем, поняв обстановку,
одна моя знакомая придумала
выход – поцеловать кондуктора.

4. дискета

ещё один анекдот про билла гейтса
[тёртые джинсы – разве у цветов бывают дети?];
мне холодно – выключите компьютер!

5. грампластинка

зонтик мой новый я завтра забуду в метро на оранжевой ветке,
куда я случайно зайду, так, на одну остановку –
проехать в вагоне подземки под самой прекрасной рекою
до салона эл.березовчук с края сердцу родной петроградки

6. слоган

Пивная пена.
Музейная пыль.
Пустая поэма,
которая быть:
моё наказание
ходить в Эрмитаж.
Красивое зданье,
но только не наш –
не наше названье.

А Зимний Дворец,
попросту говоря,
уже устарел.
И останки царя
спят под – этой самой,
из «Дома-Лаверны»,
и это, наверно,
хороший рекламо-
носитель.

К

И

Р

И

Л

Л

НЕЖНОСТЬ

пришёл.

зачем, спрашивается, пришёл
я ведь сильнее его –
сотру слово

и перестанет
существовать.

а я – говорит
отнесу тебя тогда
на берег моря
где с тобой будут знаясь
лишь пропахшие солью
чайки

✓ ✓ ✓

М

Е

Д

В

Е

Д

давай будем пить чай
только не из этих чашек

ты посмотри на их ручки
они торчат
как вывернутые суставы

они мягкие
эти чашки

мягкие как черепа новорождённых

они явно сделаны
из голубой кладбищенской глины

короче сама подумай
надо ли нам пить
из этих чашек

воздушный шарик и консервный ножик

Е

В

 М
О
С
К
В
А

подари мне воздушный шарик

консервный ножик

у меня уже есть

✓ ✓ ✓

подпольные метеорологи
распространяют
на листовках
тайный прогноз погоды

зима заканчивается
весны не будет

стоит ли радоваться
стоит ли огорчаться

что нам осталось

четыре апельсина
на голодное лето
и несколько птиц-изюмин
в сыроватом пироге утра

культура

у коматозных иные интересы

они осваивают латынь

изучают топографию
ада

а мы им по-видимому
серьёзно мешаем –

своими возгласами

суматохой

и беготней

принесите раствор

подайте капельницу

есть надежда

✓ ✓ ✓

той осенью когда мальчик

научился вдруг

себя трогать

на всех деревьях
появились странные листья

горьковатые
на вид

треугольные

на кус

четыре кукушки
поселились под зелёной крышей

в капоте машины
каштан
падая
продавил ямку

в холодном небе
просыпались и лаяли собаки

осень
падала и разбивалась

падала и разбивалась

падала

и разбивалась

но с чего он взял

с чего взял он
той осенью
что маленькие и ушастые
синие зелёные мёртвые

лошади существуют

стоит ли говорить

стоит ли говорить, что
нас всех тут очень шатает

что третья

что третья остановка –
моя

а уличный цирк

...и «беспардонные поведения
соседа по автобусу»

навевают

изящное любовное
стихотворение:

«Вот не наваливайтесь.
Не толкайте.
Осторожно.
Еду к маленькой
толстощёкой
сучке.

Везу ей
картошку»

отойди от ванны
я положу туда эти розы

понял?

да

чего ждёшь?

жду пока
они попросят меня об этом

сами

МАТЕМАТИКА

у меня с математикой
всегда очень плохо было

но с памятью ещё хуже

поэтому я очень плохо помню
как на уроках математики
учительница Алина Ивановна
посылала меня

в магазин

и всегда писала

подробный список продуктов

я был прилежен
я покупал всё что она хотела
я это хорошо помню
не помню только

что она там писала

буханка чёрствого хлеба?

пакет прокисшего молока?

не приходите за одиночеством
в городскую аптеку
это слишком дорогое лекарство

городская аптека рядом
но за одиночеством
туда не ходите

это натуральное лекарственное сырьё

в городской аптеке
его принимают «на килограммы»
и продают втридорога
после незначительной переработки

как лучшее средство

от безмятежности и сумасбродства

лучшее средство

от приступов мудрости
и припадков
инфантилизма

лучшее лекарство для тополей
заболевших
морской болезнью

как оргия для невинных

как целомудрие
падших

не приносите одиночества
в городскую аптеку
его там больше
не принимают

Тост

и я счастлив что к этой годовщине
мы все подошли
хорошими и большими

так что некому больше рассказать

глупый анекдот

дурацкий сон

плохое стихотворение

давайте выпьем.

ещё бензина

для Марианны

✓ ✓ ✓

давай выпьем
но сначала

выпьем,
но сначала

сначала

вспомни:

мы ели мясо молодого кентавра.

выпьем
за то, чтоб твой прадед
привез мне из ада сковородку.

за то, чтобы твоя бабушка – горная кобылица
мне тоже подсунула
винную, а не молочную грудь
на каком-нибудь
высокогорном застолье

или в кочующих по небу аулах

на полночном празднике

похоти и гостеприимства

в конце концов научился

управляться
с бритвой.

тем хуже –

под бородой
открылись морщины.

я стал похож на стареющую женщину

ты

свою маленькую
женскую бритву – сломала

ты стала похожа
на подростка

на зацветающее гнёздами и вороньим пухом
дерево –

тополь

СКАЗКА

Журавли курлыкают на рассвете.

повиснув над городом
нитка чёрная

я написал это, ничего не зная –

порвалась

ни кто такой журавль

клин

ни что такое «курлыкать»

(вот тоже, ей-богу, очень странное
слово)

(правда что такое «рассвет» –
приблизительно себе
представляю).

треснул и раскололся –

думаю всё же
что такое
возможно –

воробьи рассыпались по дворам.

✓ ✓ ✓

какая красивая

ошибка

✓ ✓ ✓

у бездомных кошек
золотая свадьба
на пятом часу
знакомства**ЫЫЫЫЫАААААОО**на тротуаре
мёртвая кошкапохожа на сдувшийся
детский мячик

ЫЫЫЫЫАААААОО

написал четыре стихотворения

одно –
про смерть
другое –
про бога
третье –
про эту кошку
четвёртое –
про что-то ещёВОТ
ОНО

А

Н

Д

Р

Е

И

С

Е

Н

-

С

Е

Н

Д

К

О

В

БОРИСОГЛЕБСК

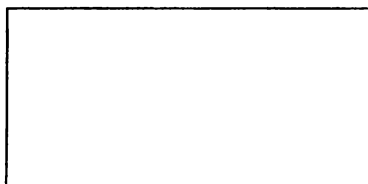
КИНОТЕАТР, В КОТОРОМ ИДУТ ФИЛЬМЫ ТОЛЬКО С ДЛИННЫМИ НАЗВАНИЯМИ

*Диме Кузьмину,
самому внимательному зрителю в этом кинотеатре*

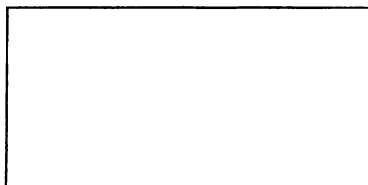
Он только и говорил о Кино.

Геродот. История. I.122

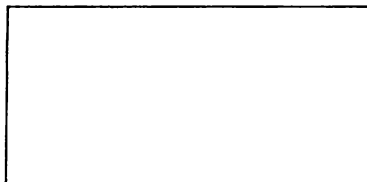
**Объект для эстетической бомбардировки: фруктовый
салат как источник дополнительного освещения
многоэтажки осени**

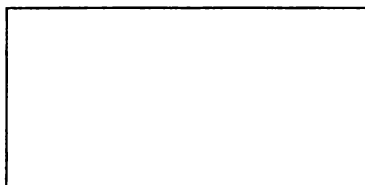
**Мужчина: стихотворение ложится в клинику для
проведения капризной операции по изменению пола
точки в своем конце и, позже, с удивлением
обнаруживает себя полностью женщиной**

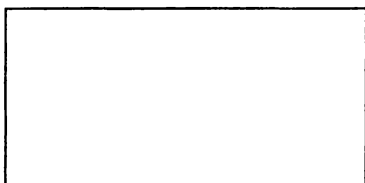
**Единственный документальный фильм Хичкока: птица,
испугавшись большого скопления людей, глотает
билетики счастья, проталкивая их изогнутой лапкой**

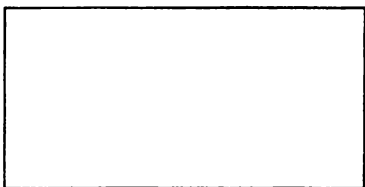
Осень: зима, весна, лето

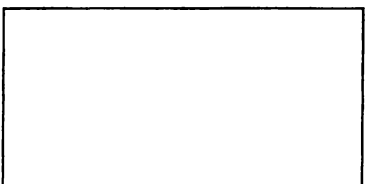
**Зеленая роза с белым стеблем:
зашкалившая половинка
итальянского флага**

**Кольца: тонкие золотые обручальные
влагалища на пальцах**

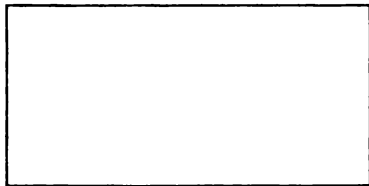

**Божественный маркиз: субкультура остановленных
предположений любви**

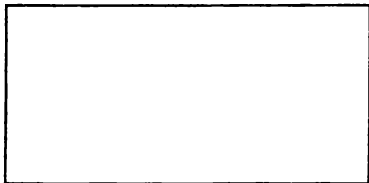

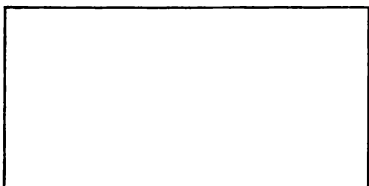
Это очень больно: глаз, в котором
две одинаковые слезы

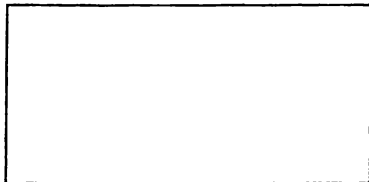
Особый музыкальный инструмент:
применяемая в исключительных случаях
дирижерская палочка для левой руки

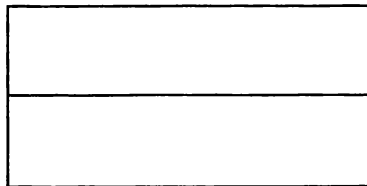
Зонт в виде ушной раковины: непорочное зачатие
прозрачных бабочек, отскакивающих в дождь

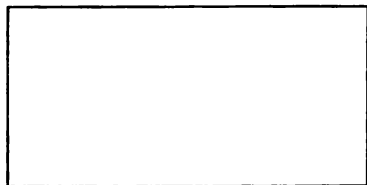
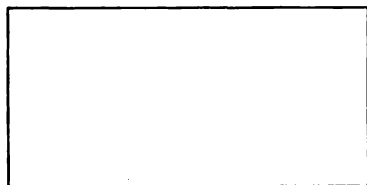
Губы в тесных туфельках молчания:
утонченная Ходынка тишины

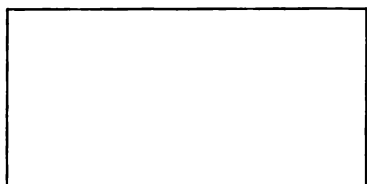
Православный бутерброд: _____ грех
безбожие на самом интересном месте

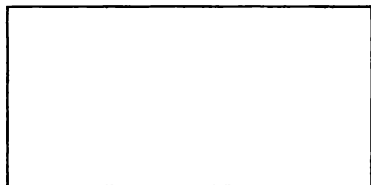
**Двухсерийное ботаническое яйцо:
мякоть изнутри медленно и сладко
распиливается созревшей персиковой
косточкой-бензопилой**

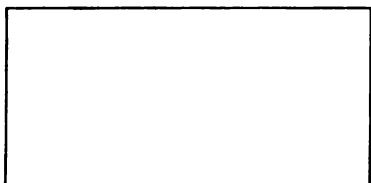
**Малобюджетный носорог:
стадо из одной-единственной запятой,
которой природа не подарила
радость движения**

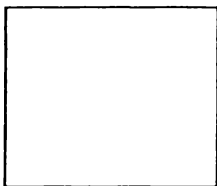
**Архитектурный буддизм: стена неподвижно
смотрит на противоположную стену**

**Ресницы: кисточки для рисования изогнутого пейзажа
орального секса**

**Короткометражное христианство: грустное тестирование
составляющих слишком хорошо продуманного хэппи-энда**

ИРЛАНДСКИЕ СКАЗКИ

I

Иван Валерьяныч с Машей поссорились. Еще тогда, когда Иван Валерьяныч молодым был. Он Маше сказал, что она как человек и как девушка никудышная. Маша даже не расплакалась. А только молвила: иди вон, Иван Валерьяныч, вот тебе Бог, а вот тебе порог, а чтоб я тебя больше не видела. И так жутко стало Ивану Валерьянычу, что слышался ему стук обручального кольца, будто кто-то его обронил в преисподнюю.

И сел Иван Валерьяныч вместо ковра-самолета на серого волка и поскакал куда волка ноги несли, и оказался в Ирландии. Купил он в Ирландии дорожную ручку, все последние гроши на нее успевал, сидит и смотрит на нее, и не знает, что делать. А уже пять лет прошло. Ручка красивая, красная, с золотом, называется «Икуну-Кэмэну», что по-ирландски значит «огненный танец». Смотрит на свою золотую ручку Иван Валерьяныч, и кажется ему, что не золото это, а Машины косы, – так и хочется погладить. Заискрилась ручка, и как обернется вдруг вокруг оси своей, и предстала перед Иваном Валерьянычем Маша.

И говорит ему: обижена я на тебя, Иван Валерьяныч, прям нет слов, но что было – то минуло... Должен ты написать о нас, и о вечной нашей любви, все как было и есть, а когда напишешь, тогда опять будем вместе... Сказала так и исчезла.

Сидит Иван Валерьяныч за дубовым столом, и кажется ему, что видит он перед собою три указателя. Один говорит: впереди смерть, а два других говорят: справа коня потеряешь, а слева честь. И вот чувствует Иван Валерьяныч, что надо описать и золотую уздечку, и яблоки, и клетку во всей их красе, а ничего не выходит.

И пошел Иван Валерьяныч на поклон к Бабе-Яге и подмахнул ей бумагу специальную, что будет служить верой-правдой. И так после этого все гладко пошло у Ивана Валерьяныча, что люди дивились: и казна его пополнилась, и румян стал, и сапожки себе новые справил – сидит за столом, ус покручивает, а Яга ему невидимыми чернилами между строк всякие пакости пишет. Яга же умела так прикидываться, что обращалась она в образ Ивана Валерьяныча... В одну комнату кто-то войдет – и видит: сидит Иван Валерьяныч и пишет, усердствует. Войдут в другую комнату – и там Иван Валерьяныч, знай, пером отмахивает, Новый Завет исправляет в тетрадке сафьянной... В чем дело? А это Яга в Ивана Валерьяныча переделывается: в одной комнате Иван Валерьяныч настоящий, а в другой в образе Ивана Валерьяныча – Баба-Яга.

Незнамо сколько уж так продолжалась, но настал черный день: занемог Иван, увидел чудищ кошмарных и решил-таки истребить злополучный контракт. Но сколь ни пытался – бумага прочна была как проклятье.

М

а

р

г

а

р

и

т

а

М

Е

К

Л

И

Н

А

С
А
Н
-
О
Р
А
Н
Ц
И
С
К
О

И пошел тогда Иван Валерьяныч ночью на кладбище и вызвал одного знакомого священника из могилы, и застучал тот по кладбищенским плитам каменными сапожищами, и повинулся во всем перед ним Иван Валерьяныч и получил прощение и благословенье, затем взглянул на контракт – а перед ним нетронутый лист бумаги лежит, будто никакого контракта и не было. И открылся у Ивана Валерьяныча после этого предсказательный дар.

ПЕРВОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ ИВАНА ВАЛЕРЬЯНЫЧА

Предсказал Иван Валерьяныч гражданам Ирландии, что скоро наступит весна в городе Дублине, – и глядь, и впрямь весна наступила.

ВТОРОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ ИВАНА ВАЛЕРЬЯНЫЧА

Предсказал Иван Валерьяныч, что городского голову хватит удар. И глядь, не прошло и двух дней, как голова из автомобиля вывалился и отвезен был в больницу.

ТРЕТЬЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ ИВАНА ВАЛЕРЬЯНЫЧА

Многие люди Ивана Валерьяныча спрашивали, не Дьявол ли он. Так и говорили ему: скажи, Иван, ты человек или Дьявол? А Иван отвечал: а ты скажи мне, человек ты иль Дьявол? Если не явил себя Бог перед нами воочию, как мы можем сказать, какой из себя его враг? И предсказал Иван Валерьяныч, что Дьявол в образе белой голубки скоро предстанет пред Архиереем – и так оно и случилось.

И после всех своих предсказаний сел Иван Валерьяныч за роман свой о Маше. И мечтал он о бархате ее кос, и о золоте ее сердца, и наконец, на двенадцатый год, роман был готов. Он не был написан, он был сотворен в природе, в ручейке, в горном воздухе. И как только последняя фраза была продумана Иваном Валерьянычем, откуда ни возьмись появилась Маша, только уже постаревшая, жизнью измотанная, усталая, подурневшая – она ведь, все глаза выплавав, Ивана своего ожидаючи, превратилась в ворону.

И когда Иван Валерьяныч с Машенькой в церковь пошли на венчание (Иван Валерьяныч впереди важно выступал, а Машенька сзади на тонких лапках прихрамывала), священник так был напуган, что не хотел Ивана с вороной венчать, а когда Иван Валерьяныч заявил о желании и в будущем, после смерти, с Марьей Веняминовной быть, то бишь лежать в одном гробу на погосте, тут священник Никифор Степаныч и совсем растерялся, затряс бородою, кадиллом, разлил воду святую, свечу уронил, а куда же деваться – все-таки обвенчал молодых.

II

Вытиралась Лия полотенцем. Полотенце отбрасывала. Прикрывалась полотенцем. Дразнила. Ифис на нее смотрела.

Лия черноока, статна. Ифис маленькая, белая, крепкая.

Лия вытиралась полотенцем и ближе к Ифис подходила.

Ифис краснела, а все-таки хотела, чтобы Лия к ней совсем близко подошла.

Грудь у Лии круглая, выпуклая. Ифис хотела к груди Лии прижаться, как малый ребенок.

Лия подошла и в губы Ифис поцеловала.

Ифис уклоняться не стала.

На ковре с узором персидским они лежали и узнавали друг друга.

Как слоновая кость, как мраморная чаша, живот у Лии.

Как статуя, как богиня морская, выглядит Ифис.

Сначала Ифис была наверху. Потом Лия.

Потом целовались они стоя, соприкасаясь головами как цветки.

Вошла Ифис глубоко в Лию и замерла там –

а затем Лия, как мать-вода, вобрала Ифис в себя, и зачала.

А Ифис сказала, что не от нее. И Лия рыдала: она успела Ифис уже полюбить.

И Лия пошла к ирландскому царю и сказала: «Се во чреве моем прелестный наследник, солдат твоего войска, будущий прекрасный стрелок и поэт. И была я только с Ифис, и только Ифисовы сокровища меня привлекают, и наизусть я знаю ее запах и смех».

А Ифис стала отказываться, и не мила ей больше Лия была.

И сказали люди царю, что суженый Ифис – царев вельможа. И спросил царь:

«Возлежала ли ты на ложе, Ифис, с будущим мужем своим, Ифигением?»

Зарделась Ифис и молвила: «Ку» (что по-ирландски значило «да»).

И сказал царь: «Семя жениха твоего, румяная Ифис, было в устье твоём, когда возлежала ты на ложе с Лией... И семя из тебя, прекрасная Ифис, перешло в Лию – ведь предназначено Господом было, чтобы из этого семени появилось дитя».

И пришлось Ифис заботиться о Лии и о дитяти, и вдвоем они стали его растить, и снизошло благословенье на Ифис: узрела она чары и дары своей Лии, и стали они жить в согласии и счастье, и прожили так долгие лета, и народилось у них еще двое детей.

Н

✓ ✓ ✓

Всё-всё, что было выпрошено нами,
что вынута на холода январь,
из тела мягкого, по имени любого,
не поддаётся ни чернилам, ни губам

Д

р

Полуегипетская ночь языковая
чуть освещённая, прекрасная-езде
для нас кончается, почти напоминая,
что люди с яблоком и книги на воде

е

Зачем же нам тогда йцукэн и фыва
держишь, мой друг, одежды и хлебов
ведь прошумел Орфей неторопливо
к заупокойной младости готов

й

И вот Автобус часто-настоящий
несёт, как царь, пустыней городской
тепло одной красавицы, не спящей
от слова Господи и слова далеко

П

Но в волосах её тысячеруких
на тёмной, как Мария, глубине
мы стали блеск руки и мёртвых плясок звуки
чтоб за спасение на ложе нашем не

О

✓ ✓ ✓

Душа защёлкала, что тело надоело,
а слово голое ей кожу отдаёт
и раскрывается: «Я пенилось и пело
внутри смоковницы, у Галилейских вод

Л

Я

Собою слышало, как Симона позвали
на рыбопроповедь, похожую на дым,
которым засветло поднялись и дышали
мы в бедном воздухе субботы, золотым...

К

Психейка-пёрышко, Мария-молодая,
давай обнимемся на правом берегу,
где в прятки трапезы с Отцом когда играя,
пролились лицами сказать свое ку-ку.

О

Пока в Израиле земное солнце машет
и кровли Города в крови его блестят,
произнесёт меня едва один из наших –
переоденемся, друг другом шелестя!»

В

СИМФЕРОПОЛЬ

Уж мы слегка не голубки!
и я почти забыл
и ля-ля-ля, и лёд строки
и то, где я побыл

Стада детей играют там –
они всегда-вода
но тишину твою к стадам
я не впишу туда

Пускай здесь только тень реки
среди груди твоей
зато – прозрачней лёд строки
и ля-ля-ля страшней

М

✓ ✓ ✓

О, праздник мой, Озирис: умница, конфетка;
оркестр хрустящий в цеце уха – чибис:
количество птенца тaitся в клетке.
Отец: бумага: нежность есть девица...

И

Т

Возьми сияние за синтаксис, усилие за воздух,
за осень чёрных – ось кручёных: небо
по степени ума: бессмыслица, Озирис, чибис
и воздух и т.д.

Р

✓ ✓ ✓

И

отдай мне его молоток в кипятке электронных ударов
сделав круг над водой незаметно лети на эфир
кто-то опытным соком висит в небесах как подруга
электрон или сокол родится воистину буду супруг
первобытным коктейлем отдам

Й

забываю фигурные травы
трогают ангелов губы играя сбивают умы
тоже всё полетит по движению звёздных каналов
без ума мой магнит назову мудрецов и подруг
только колокол толком упруг растолковывал сокол
раздавался сигналом глагол отвлечённый от знаков земли
в поднебесье синьор молодой управляет невидимым током
и невидимо токи текли в специальные лица девиц

Ш

У

✓ ✓ ✓

я ем моё я ямами мимо ума
ума уйми моему я уйму
я яма ему
и уму моему мама
я по-своему думаю
вот например я умом дую
уйду я в дырку дую
ты и я в эту дырку другую
мы умы

К

У

Р

И
В
А
Н
О
В
О

конкретные собаки
поганки фрейда
фрейду отдают поганки
поганки это круги круги
круги это в башке деревяшка
пляшет грязная монашка
говорит тебе андрейка
загремела канарейка

О

В

сном синоним сам снимай
с перевёрнутой орбиты
наши гости перебиты
мне приятно это край

✓ ✓ ✓

старик превосходный на славу предметов
что край происходит за вдохом старик
во имя красивое думай например имя
войди например к небу играй музыкальный во имя
внезапно смотрите водой разберут человека на вдох мой на части
вопрос возникает примерно где думай старик мировой
как мир в помещении думай старик мой тревожный
вой олухов думай наступит во имя
умру превосходный его полетели
несчастьем звуком выходит и вдохом
мы говорили охотников будет ответ
предметом рождайся во имя например стариком
думай краем выходит сигналом

магнитом во имя

углом происходит навстречу

ребром наступает

сравни например виноградом где думай ребёнок навек
как хорошо говорить нам старик происходит в итоге ребёнок
и слушай на радость восходит большой человек
серьёзно подруга люблю возьми думай мясом дёрнись во имя
всё вместе внутри сочетаем в себе другом вдох
на свет появляясь лицом возникающим имя
звучит нам тревожное как вдох или выдох легко

✓ ✓ ✓

И. Жукову

мой сокол дружелюбный заплутал
смотрю порядком на восток коронный
на переднем ещё один друг молодой
восток извлекает на струнах выходит
вижу сплю

я в саду возникаю ином

вот рядом хозяин сидит

мой клей уважаемый

видит бог садов не хочу
глядит и глядит собака по-настоящему
дай думает доктором буду

белые бивни расколоты молотом пташек
 когда лишь в скворешнике были для дырок чернила
 чуть позже и золото станет квадратом а чёрные чашки
 ошпарят нутро отражёнными водами Нила
 а глина была в этот день первородным пломбиром
 хоть девочка вышла не очень

застывшие ливни

упали скульптурным потоком

в остывшее небо картины

кошачий глазок наблюдал траектории медленных линий
 в темноте... НО ТЕ

на теле которых царапина утренней птицы

подумали: долго ли гроздьям рябины гореть?

под напряжением ветки деревьев,

скрипичные лица свернулись полотнами листьев... ответь мне, ответь:

немеет ли небо свернувшись в колене навеки

и рыба ли бьётся о лёд маломощным хвостом

когда же тяжёлый стакан лишь проглочен калеккой

и гипсовый голубь когда оживёт ворковать?

Операция «Анти-Йо»

Я люблю еЁ.

И.Сид

йазык стал веселей (200 лет)
альтернативы изменениям нет
йа мноё думал о йавлении «йо»
решил: кавычки над буквой – не комильфо
йазык, весголый, ттолпый как
струйащайасья жижа, лава йазыка
йазык – холодный словно лгод
как вертикаль арийскайа растгот
йа думал жизнь это игра «Ё» (ч/б)
но поньал йа льубльу йеГО
(рождЁнного мЁртвым)

На звание

Тонкий природный дисбаланс...
Ватуси, скручивание... Эльдорадо...
Эльдорадо...

J.Lennon «Revolution 9»

Меня преследуют реалии мира кнопок.
В этом городе слишком много ступеней.
Ещё один проспектный дом,
Заполненный стандартными тиграми.
Тигрсы выходят из белой двери, из
Третьего сна воскресного, до обеда.
Чёрная кошка на перекрёстке дорог.
Чёрная птица сулит невозвращение.
Полковник Тарутинского полка,
Осуждённый IV-ым разрядом,
История развивается по спирали Вико,
География по спирали экватора.
Зеленоглазый поиск троллейбусов.
Традиция рупоров в сонорной поэзии.
Вееры методов и конфетти целей.
Тактильная эстетика определённых фрагментов.
Сталкинг полых людей:
Мне их нужно чем-то занять.

Ночная сторона естественных наук

Столица всего золота мира,
Колумбово яйцо Фаберже.

Экзальтация возраста. Изменение крови.
 Дрожь света на синтетической арфе дождя.
 Материальность души. Чёрные фотографии.
 Метание сердец на битые стёкла.
 Курчавые пачки. Белые негативы.
Ночная сторона естественных наук

Игра в «Вавилон», азарт ретардантов,
 Театр лилипутов у стен Кремля.
 Исполины грызни, динозавры скандалов.
 Прожжённые звёзды в небесах бытия.
 Этиология начала, патрилинейность конца.
 Аскетичная основа желания.
 Шагающие экскаваторы, бегущие рыбы.
Ночная сторона естественных наук

С

Демон Менделеева

е

Медный лоб его болен чумою
 бирюзовых сияющих глаз,
 привносящий научную волю
 в уравнения атомных масс,
 чьи лопочущие величины
 беспокойно порхают во мгле
 над мерцающим светом лучины
 в заметённой снегами избе.

р

г

е

✓ ✓ ✓

й

А там за колбою хрустальной
 Плетёт орбиту электрон,
 Храня заряд потенциальный
 В медовом брюшке золотом.
 И робкий взгляд к нему стремится
 С гиперболических высот,
 Зрочка лучистой единицей
 Сквозь лучезарный микроскоп.

з

х

у

с

 М
 О
 С
 К
 В
 А

ХОЛОКОСТ

Замечательное дело из ореховой скорлупы мастерить себе гирлянду на новогоднюю ель. Нанизывать бусинку за бусинкой на тонкую веточку-нить и воскликнуть при этом: «Холокост! Холокост! Ты пришел, ты принес!»

Мама – одень самый красивый бархатный халат, что у тебя есть, голову укрась ожерельем из речных камней и широким поясом затяни живот своей. Когда отец научится, наконец, убивать самых жирных куланов во всей Фергане и мы будем продавать мясо, тогда ты сможешь заплатить Саиду-мастеру, и он привезет тебе настоящих изумрудов, настоящий китайский шелк, а мне привезет маленького сахарного петушка на палочке.

Когда мой отец привезет с охоты киика, да такого большого, что мы с тобой не сможем съесть его за обедом. Тогда нам придется разрезать его мясо на длинные полоски, и я буду сушить их на солнце. Отгонять черных мух веточкой кипариса. Когда мясо засохнет, ты, мама, сдобришь его красным перцем и солью, а я заверну его в красный лоскуток, который остался от моего старого платья. Мы сможем на время забыть о еде, и тогда я буду думать только о драгоценностях. Я просто буду гулять вдоль нашей маленькой речки и срывать с деревьев спелые урючины. Не для того, чтобы съесть, а просто для удовольствия. Может быть, я буду кидать их в воду, как делала это дочка эмира. Там, в Самарканде, я видела ее в дворцовом саду. На ней был парчовый халат, с золотыми рукавами. Говорят, что ее зовут Галия. Галия-ханум. Как бы я хотела хотя бы один раз прикоснуться к ее халату!

А пока Холокост на дворе – рыба чешуя разбросана по полу.

Мне всегда говорили, что в Холокост сбываются все желания, а я никогда не верила. Оказывается, люди говорили правду. Сегодня я встретила на улице Саида, когда возвращалась домой с бельем. Он пригласил меня к себе в дом, как только я освобожусь. Он обещал мне показать свои красивые камни. У меня даже голова закружилась от его слов. Я прибежала домой, бросила белье на кровать. Когда я вошла, Саид уже разложил на полу все свои украшения. Я сняла туфли и стала ходить по ним, словно по земле. Там были зеленые яркие изумруды, кровавые агаты, желтый пустынный янтарь и блескучее золото. Я закрыла глаза и представила, что попала на небо к моему Аллаху, и он, наконец, дал мне все то, чего я была лишена на земле. Я нагнулась, чтобы поднять с пола синий сапфир. Саид подошел ко мне сзади и приподнял мое платье. Я очень испугалась, но он попросил меня немного постоять так. Мне было неудобно, хотя я теперь могла разглядывать камни еще ближе. Что-то теплое пролилось мне на спину в тот момент, когда я поцеловала холодный синий сапфир...

Когда я пришла домой, то сразу же показала маме серебряное колечко, которое подарил мне Саид-мастер. Правда, мое платье испачкалось сзади в чем-то белом. Мамины глаза, словно две грустные серые птицы, скользнули по моему лицу и вылетели прочь в раскрытое окно. Хорошо, что в этот день я одела свое старое платье.

В

Я

Ч

Е

С

Л

А

В

Г

А

В

Р

И

Л

О

В

На следующий день я пошла к Саиду сама и попросила его разрешить мне поиграть с камнями. Когда он разложил передо мной камни, я сразу же сняла платье, чтобы больше ничего не испачкать...

На следующий день из дальних странствий вернулся мой старший брат Ахмет. Мы с мамой сначала не узнали его, пока он был грустным и молчаливым, с черной бородой, словно цыган. Но как только он улыбнулся и я увидела ямочки на его щеках, то сразу же поняла, что мой брат изменился только внешне, а на самом деле он остался прежним.

Когда мы с ним остались одни, он долго молчал, а потом признался, что теперь он не такой, как все мы. Мой брат достал из потайного мешочка серебряный крестик. Ахмет поцеловал крестик. Сложил ладони вместе и долго что-то шептал. Мне не понравился серебряный человек Ахмета. На нем не было красивых камней, да и серебро совсем потускнело от времени.

Неделя Холокоста подходила к концу. За отца мы почему-то не беспокоились – он уехал на охоту далеко. Мы с мамой каждый вечер зажигали огонь в очаге и желали ему хорошей дороги и охоты. Саид зашел к нам в гости и познакомился с Ахметом. Попив крепкого чаю и поговорив о дальних странах, он пригласил нас с братом вечером к себе. Я выбежала на улицу и увидела, как дым от нашего очага рассыпается на серые облака и стелется далеко-далеко по земле. Мне показалось, что это серый жеребец, который скачет вперед, куда глаза глядят. Как бы я хотела поскакать на этом жеребце на землю Индостана, к принцу Бабуру.

Вечер приближался к нам. Как только стало темнеть, Ахмет взял меня за руку, и мы пошли к Саиду. Хозяин встретил нас на пороге, мы вошли. Саид достал откуда-то красивый кальян, и они с Ахметом стали курить гашиш. Я стала играть в дочь самаркандского эмира: надела на себя жемчужное ожерелье, на указательный палец я хотела надеть перстень с хризопразом, но он оказался велик мне и часто падал. В конце концов я потеряла его среди разбросанных на полу вещей.

Обернись, дочь охотника, Галией-ханум, дочерью самаркандского эмира, живи во дворце среди диковинных птиц и мрачных сильных йогинов. Пей и ешь все, что хочешь, не ходи больше за дровами, не корми больше собаку и осла, не вари больше кашу из листьев чернослива и придорожных камней, когда отец снова промахнется и вернется домой без добычи. Погладь свой парчовый халат, отделанный золотом, вылей вино на голову нерадивого слуги...

Руки Ахмета уже подхватили меня сзади и подняли в воздух. Я закрыла глаза и поплыла вперед и вверх. Саид раздвинул мои колени и вдыхал в меня теплый дым. Мне показалось, что я взлетаю в небо. Иногда передо мной возникало лицо Саида: красивые прищуренные глаза, кудрявые волосы, сухие коричневые губы. Руки Ахмета потянулись к грязному рабочему халату Саида. Сам Саид растворялся в тумане, мой всадник, скачущий на дымном жеребце. Разве это не твой голос поет мне изда-лека последнюю песню Холокоста:

Мой Холокост беспощаден и наг
 Мой Холокост – как дым молчит
 И стелется бескрайней стороной
 Мой Холокост возьмёт меня домой.
 Я причитаниям своим верна
 Я слово берегу как речку или мост
 Со мною как всегда тень от моих волос –
 Холокост. Холокост.

А

✓ ✓ ✓

Л

е

к

с

а

н

д

р

Я даже одно время думал,
что ей однажды приснился сон,
в котором ей снилось что-то,
и когда это что-то наконец
смялось и приостановилось,
она заснула, и там –
во втором вложенном сне –
что-то вновь развернулось
в медленное событие, и оно,
длясь, ей продолжало сниться,
сниться до тех пор, пока она
не очнулась во сне от второго,
скрытого тканью сна
сна, и вот тогда-то она
и совершила оплошность, приняв
это за настоящее пробуждение,
за возрождение подлинной яви, –
да так – в первом сне
навсегда и осталась. Я очень
тебя люблю. Как себя.

И

✓ ✓ ✓

Л

И

Ч

Е

В

С

К

И

Й

Я зашёл в магазин, чтобы купить яду.
Я зашёл в магазин, чтобы купить себя.
Мне сказали: – Зайдите на углу в аптеку.
Мне сказали: – Зайдите на углу в аптеку.

Магазин оказался компьютерным салоном.
Товар в нём был добротный и нужный.
Я поразмыслил и ушёл в аптеку.
Я поразмыслил и ушёл в аптеку.

За кассой там сидела смерть и пробивала чеки.
За кассой там сидела смерть, лицо её лоснилось.
Она обсчитала меня на два рубля.
Она обсчитала меня на два рубля.

Я сделал вид, что ничего не заметил.
Я сделал вид, что ничего не знаю.
Спрашивается, зачем?
Спрашивается, когда?!

Ведь я бы мог жить у моря,
проводя лето в воде или в горах, зимой

М
О
С
К
В
А

гулять по пляжу и возвращаться в тёплом тумане домой, поднимаясь по узким на ощупь улочкам, с трудом раскуривая влажную сигарету. Дома я бы открыл окно и долго видел невидимых чаек, крикливыми призраками снующих в молочном зрении. Ближе к ночи я бы растопил «буржуйку» и в её пламени наблюдал бы увлекательное представленье... Во сне я время от времени мог бы встречаться с собой, и я бы пользовался сном как зеркалом.

День, перешедший в число забвенья,
в дату, которую припоминаешь,
подобно зрячему, блуждая
наощупь в плоскости темноты,
набранной слабым Брайлем.

Календарь темноты, нанесённый
на тело, сотканное из прикосновений
любви, чью дату смерти ты силишься понять,
есть исчисление пустоты, твоё изобретенье.

Случай в городе II

«Ничто невозможно отыскать по его следам. Ничто не оставляет улик, кроме одной – действительности, – ты оставил стакан на отлёте руки, беря светильник над баром в фокус льдинки, – которая, если подумать, не просто след, но рябь, или, если угодно – полость самой пустоты?».

Было около десяти.
Мы взяли ещё по одной – без льда, чтоб градус повысится и не раскиснуть, и вышли на улицу.

Петровка чередой фонарей, пешеходов шла, отпрянув от страшного здания биржи вправо. Светлые сумерки июня уже отстоялись, движение спало. Показался Страстной. Я несерьёзно думал, что мир это рябь на поверхности пустоты, на которую изредка демиург дует – так, для забавы, или чтоб остудить поскорей и выпить. А также (видимо, ошибочно), что Платон ошибался: истина не имеет следа.

В конце Страстного

мы присели на скамейку. Мимо нас по аллее промчались галопом три всадника. Летели: комья земли и топот. Я вспомнил: “разбрасывая копыта по будущим своим следам”.

У метро мы познакомились с двумя девицами: поразглядывая нас, весело попросили закурить. В результате вечер продолжился в “Пропаганде”. Та, что досталась мне, оказалась чудесна. Утром мы медленно пили кофе, я – и что на меня нашло? – рассказывал ей о следах. Я подвез её, она опаздывала на лекцию. Больше мы не виделись.

Сейчас конец октября. Лиловым дождливый вечер. Я сижу в машине, работают мерно дворники. Как ходики. Из здания её факультета на Моховой уже больше никто не выходит. Среди тех 57, что вышли, её не оказалось. Увы, я опять считал. Сейчас – дворники. Включая зажигание, я думаю о том, что след порождает число. Действительно, когда видишь на песке следы, и, идя по ним, никого не находишь, то единственное, что остаётся, – бешено, по нарастающей считать их, считать, с головой рушась в обманчивое движение.»

✓ ✓ ✓

В результате она скоростно приближается...
Растительные сети мокрых, пахнущих не то тиной желанья,
не то шанелью, душные дебри тропического сна,
безвыходного настолько, что вернуться в него – значит проснуться...
А между тем, канув всеми пятью, сейчас
тонкой серебряной струйкой в глине потёмком –
ясным и новым – проворно,
и к поцелуя устью уверенно расширяясь,
происходит происходящее – я, некий звук,
исподволь и незаметно, внятным побочным продуктом, –
эхом бьющегося прикосновенья под кожей,
выемкой ласки.

Cloudy Day Blues

С

В день, когда небо было похоже на карту мира,
Ты сказала: Почему с нами ничего не происходит?

С

В день, когда небо было похоже на карту мира,
Ты сказала: Почему с нами ничего не происходит?

е

Со всеми что-то случается, только не с нами.

р

В день, когда небо было похоже на карту мира,
Ты сказала: Мы живем в эпицентре торнадо, в самом его глазу.

г

В день, когда небо было похоже на карту мира,
Ты решила, что мы живём в эпицентре торнадо,
в самом его глазу:

е

Всё вокруг рушится, и только у нас тишь да гладь.

й

Гибнут леса, вымирают народы – а у нас тишь да гладь,
СПИД свирепствует, на всех не хватает пищи –
а у нас тишь да гладь,

Распадаются семьи, наркомафия крепнет – а у нас тишь да гладь,
Мир то и дело меняет свои очертанья – а у нас
тишь да гладь, тишь да гладь.

м

Я хочу быть со всеми вместе, милый, сказала ты
В день, когда небо было похоже на карту мира.

и

Я хочу, ты сказала, почувствовать – каково им живётся
В дни, когда небо похоже на карту мира,

х

Стать частицей этой подвижной карты...

а

Ты ушла, ты не хлопнула дверью: была и нету, –
В день, когда небо было похоже на карту мира.

й

Ты не хлопнула дверью – ушла, тишину не нарушив
Дня, когда небо было похоже на карту мира.

л

Ты ушла – вот что с нами тогда случилось.

о

И назавтра, не знаю, как ты, а я испытал в полной мере,
Что такое – когда гибнут леса, вымирают народы,
Свирепствует СПИД и на всех не хватает пищи,
Распадаются семьи, зато наркомафия крепнет
И мир то и дело меняет свои очертанья.

в

К
А
Л
И
Н
И
Н
Г
Р
А
Д

Нам показывают...

(ОРТ – РТР: 07.12.-13.12.98 г.)

Чтобы мы не отстали от времени,
Нам показывают программу «Время».
Чтобы мы не отстали от жизни,
Нам показывают «Жизнь и смерть Лаврентия Берии».
Чтобы мы не забывали,
Нам показывают «Чтобы помнили».
Чтобы мы помнили о гигиене,
Нам показывают «Блендамед» и «Тампакс».
Чтобы мы смеялись,
Нам показывают «Смехопанораму».
Чтобы мы плакали,
Нам показывают «Ногу» Тягунова.
Чтобы мы читали,
Нам показывают «Домашнюю библиотеку».
Чтобы мы ели,
Нам показывают «Смак» с Макаревичем.
Чтобы мы одевались,
Нам показывают «Подиум д`арт».
Чтобы мы тратили деньги,
Нам показывают «Магазин на диване».
Чтобы мы развивались,
Нам показывают программу «Компьютер».
Чтобы мы знали, чем всё это кончится,
Нам показывают «Слово пастыря».
Чтобы мы боялись,
Нам показывают «Секретные материалы».
Чтобы мы спали спокойно,
Нам показывают «Праздничный концерт, посвящённый 7-летию
Государственной налоговой полиции».
Чтобы мы пели,
Нам показывают «Два рояля».
Чтобы мы танцевали,
Нам показывают «Горячую десятку».
Чтобы мы помнили, что среди нас есть глухонемые,
Нам показывают «Новости» (с сурдопереводом).
Чтобы мы помнили, кто ещё есть среди нас,
Нам показывают «Дежурную часть».
Чтобы мы знали, как это было,
Нам показывают «Как это было».
Чтобы мы знали, как это будет,
Нам показывают «Прогноз погоды».
Чтобы мы занимались спортом,
Нам показывают хоккей и вольную борьбу.
Чтобы нас лишний раз не расстраивать,
Нам не показывают футбол.

Чтобы мы знали, что такое настоящие парни и реальные происшествия,
Нам показывают «Службу спасения».
Чтобы мы имели в виду, что Отечество до сих пор в опасности,
Нам показывают «Служу Отечеству!»
Чтобы мы следили за своими избранниками,
Нам показывают «Парламентский час».
Чтобы мы знали, что правосудие неизбежно,
Нам показывают «Закон и порядок» (США).
Чтобы мы просыпались одновременно,
Нам показывают «Доброе утро, страна».
Чтобы мы заводили детей,
Нам показывают «Спокойной ночи, малыши».
Чтобы мы знали, кто мы такие,
Нам показывают «В мире животных».
Чтобы мы стали чище,
Нам показывают «мыльные оперы».

Билетик

Мы ехали с ней в троллейбусе,
и я за нас заплатил.

А звали её Марина.

Нам дали два билетика,
один такой, а другой счастливый.

А звали её Марина.

Смотри, я сказал, счастливый билетик,
теперь его надо съесть.

А звали её Марина.

Но как понять, кому он достался,
если я заплатил за двоих?

А звали её Марина.

Надо, сказала она, порвать его пополам,
и каждому съесть половинку.

А звали её Марина.

Тогда по отдельности мы будем счастливы
только наполовину, а вместе – вполне.

А звали её Марина.

Мы так и сделали. Но по верёвочке
 недолго нас троллейбус вёз.
 Мы скоро вышли на разных станциях,
 и больше я её не встречал.

А билетик стоил рубдвадцать.

В

✓ ✓ ✓

А

уплатив все налоги
 выйти под весенний дождь
 свободным и чистым
 немного грустным
 оттого что нет денег

Д

✓ ✓ ✓

И

если говорить о проблемах
 если повторять о проблемах
 постоянно мыть ноги с мылом
 ежечасно руки мыть с мылом
 ногти подстригать украдкой
 голову посыпать папиросным пеплом
 на обочине дороги рвать цветы живые
 то нет смысла говорить о проблемах
 то нет причины повторять о проблемах

М

Ш

✓ ✓ ✓

Л

наполнить солью солонку
 водою наполнить банки
 приготовиться к многодневной осаде
 быть готовым к жестокому штурму
 и отключат свет
 и газ подавать не будут
 и подкопают стены
 и двери тараном выбьют
 и подойдут вплотную
 и в глаза глубоко заглянут
 и на крюке повесят
 упорные люди в белом
 могучие санитары леса

Б

К

О

В

М
 О
 С
 К
 В
 А

НА ДОРОГЕ

Вчера в почтовом ящике он нашел снег. Сегодня не было денег, и не хотелось выходить на улицу. Наверное, поэтому он решил отправиться в другой город, в этот самый Н-ск. Там, в другом городе, девушки любят путников, а когда пьешь вино, на другой день не бывает похмелья. Техника путешествия проста: сдаешь в «Букинист» несколько книг (эту, из «Мастеров современной прозы», так и не прочитал – жаль), едешь на троллейбусе (разумеется, без билета) до конечной остановки, переходишь мост (мост должен быть обязательно) и оказываешься в чистом поле, оставляя позади несерьезные мысли о самоубийстве и необходимости учить уроки.

Паша стоял, как полагается, у выезда с заправки и ждал, подняв руку и воротник серого пальто. Перед этим он звонил из телефона-автомата отцу и что-то ему такое врал о планах восстановления отношений с институтом. «Ты откуда звонишь?» – спрашивал отец. За спиной Паши стоял маленький мужчина с лицом безнадежно кавказской национальности, он ждал очень нетерпеливо, хотя рядом было еще две будки. Как только П. закончил разговор, кавказский мужчина быстро набрал номер и тут же обиженно сказал: «не работает, да», повесил трубку и крикнул вслед удаляющемуся П.: «ничего не работает, да!»

Весна, черные деревья у реки, скованные невидимой цепью ветра, сгибаются, зная о стоящих на дорогах и тех, кто их подберет. А люди на дорогах смотрят на черные деревья, и беспокойство наполняет душу. Он мечтал о дальнобойном «Камазе», который едет с севера на юг, и берет тебя, куда надо, без дурацких пересадок в дурацких городках, где все жители добывают уголь или делают водку, и всегда рады дать тебе в морду.

Но досталась ему пошлая иномарка с простым мужиком, которому он представился буддистом и сказал, что едет в Н-ск на коллективную медитацию, это должно было уберечь его от предложения дать денег «на бензин». Ежу понятно, что у буддиста денег быть не может.

Мужик удивился, потом сказал:

– Я их видел, в Корее, они в желтых плащах ходят и бритье. А ты?

– Скоро побреют, – сказал Паша.

– Понятно, – сочувственно вздохнул мужик. – А что за медитация, для похудения что ли?

Странная мысль! – Паша не был толстым юношей, только застенчивым, но теперь уже стал врать, как на допросе. Хотя это было приятно, как оральный секс.

– Нет, это настоящая медитация. Подготовка к переходу в другой мир.

– Ни хера себе, – сказал мужик и закурил. Как будто занервничал.

Несколько минут Паша припоминал основные положения буддизма, неожиданно мужик сказал:

– Вот я, допустим, пошел к бабе. Отдохнул. А потом сел бухой за руль, и – в столб. У меня так с другом было. И чё? Помер не готовый совершенно, и чё?

А

Н

Д

Р

е

И

О

И

Л

И

М

О

Н

О

В

Т
О
М
С
К

– Если человек умирает, когда им владеют страсти, он перерождается в мире животных.

– В мире животных! – захохотал мужик. Он резко затормозил, потому что ехать ему мешали слезы. – Ой, не могу, – хохотал он. – В мире животных! В клубе кинопутешественников!

Паша забеспокоился, он всегда беспокоился о себе по любому поводу.

– Вы меня неправильно поняли... – начал он было.

Но мужик его прервал:

– Классно, что я тебя взял. – Они тронулись дальше. – Ты еще рассказывай, – велел он.

Паша рассказывал ему примерно полчаса: про шесть миров перерождения, про жизнь Гаутамы, о запрете на употребление в пищу живых существ. Только про нирвану ничего не стал рассказывать, опасаясь, что мужик расстроится, узнав, чем все это кончается.

– Слушай, – вдруг перебил его мужик. – А вот у евреев, у них так же?

– Нет, – ответил изумленный Паша.

– А ты еврей?

– Нет.

– А вот у меня зять еврей. Сопляк еще, вроде тебя, в Израиль хочет, чтобы в армию не идти, ну тут, понятно, чечня-мучня. Так ведь там тоже с хачиками воюют. – Он опять закурил, гнусный вонючий «Космос».

– Значит, евреи животными не становятся? А русские?

Тут на счастье Паши мужик увидел на дороге голосующую бабку и затормозил. Бабка со стонами и вздохами благодарности уместилась на заднем сидении. «Вот молодцы какие, старуху подобрали, наши не взяли, а чужие – взяли. Вот молодцы ребятки!»

– А мы, мать, будисты, – заорал мужик, снова испугав Пашу эмоциональной неуравновешенностью. – В Новосибирск едем помирать учиться.

– Это как же... – притихла бабка, подумала и плюнула. – Хорошо молодым, помирают теперь даже понарошку. А тут ждешь, ждешь, все уже готово... – Подумав еще, бабка вытащила тощую засаленную книжку: – Как звать-то? – серьезно спросила она.

– Паша, – сказал Паша.

– Вадим я. А тебе, мать, зачем?

– Как же. За упокой души, – объяснила бабка. – Тут ждешь, ждешь, а молодые, гляди, уже шуруют... Понарошку, гляди...

От бабки избавились с удовольствием. Почтительно на Пашу с мужиком поглядывая, она всю дорогу до своей Козюльки рассказывала, что и как она себе на похороны приготовила. В рассказе она делала паузы, словно ждала, что охреневшие спутники ей подскажут что-нибудь дельное.

– Интересно, – сказал мужик. – А это не вредно?

– Что?

– А, ладно, не вреднее водки.

И они поехали дальше. Паша подумал, что зря, наверное, он так: ехал себе человек спокойно, скучно было, хотя ехал не по делу, когда по делу, наоборот, психуешь, а тут, посмотрите, пацан, и охота ему про смерть думать, ни счастья, ни радости, а у него самого – только и есть радость, что вот эта дорога, пока ее не прое-

дешь, мечтая, а уж там, на месте, начнется: не нужны мне твои розы, и свой «Пьер Карден» себе в жопу засунь, и на какой-то их спектакль меня не возьмут, потому что я не подходящий, да просто здоровый, еб, ни язвы, ни нервов, а этот похож на ее дружков, хорошо ехать по трассе с закрытыми глазами и мечтать о вкусной сигарете, он вспомнил, как приехал в Н-ск в прошлый раз и набрал номер, а когда ему ответили, не мог вспомнить точное имя: марина, арина, инна – кому из них. Но не растерялся, повел беседу, все выяснил, и был победоносен. «Ты так странно разговаривал, в телефоне.» «Как?» «Словно звонил с острова.» «Так оно и было.» – Они сидели на диване в обнимку, в сумерках, вдвоем, между ними жужжал, мешая молчать, комар, они хлопали, по телевизору устраивали «Бюрю», повсюду лежал снег, и злая Герда приказала Фердинанду лепить Снежную королеву. Она ожила и заставила отгадывать загадки: с чем бьется сердце, и что колет в грудь, и тогда Паша очнулся и завертел головой. Смотреть было не на что. Пейзаж был рукотворный и грустный. Дымили за лесонасаждениями трубы. Неудобно лежали в сугробах деревни, которые состояли из домов такой странной формы, что, казалось, их не строили, а они сделались сами из больших серых деревьев так же, как делаются из свечей огарки. За деревней начиналась пустошь, белизна, обнесенная длинными бессмысленными заборами. Видимо, летом здесь что-то выросло, что-то необходимое местным жителям. Невозможно проехать через все эти поля-перелески, а только переждать, когда они кончатся. Вдобавок преследовало ощущение двойного пульса, как будто бы еще кто-то участвовал в его жизни. Это все от неожиданного сна. Надо взбодриться же, стряхнуть дурную дорожную дремоту.

В Болотном решили передохнуть. Оporожнили мочевые пузыри, после чего мужик сразу взял три пива. Паша, как Штирлиц, выдерживавший легенду, от пива отказался.

– Да, – сказал мужик, одним глотком опустошив бутылку наполовину. – Много на свете чудиков, я даже удивляюсь. Вот у меня, например, в поселке Ояш, этого самого болотного района, живет кореш. И был я у него на свадьбе. Пили – ты не представляешь, спирт в канистрах, вино во флягах, короче, до победного конца. И вот занесло меня на третий день к одному мужику. Сначала подраться хотели, потом разговорились. Он немец, у него семья свалила на историческую родину, а он их всех в гробу видал, и дойчланд, и фрау свою. Сидим на кухне, бражку кушаем, вдруг в углу, под раковиной, че-то завозилось. Я спрашиваю: «Че у тебя там, Володя?» А он отвечает: «Орел». Представляешь? Мужик подобрал раненого орла, вылечил и с ним живет. Размах крыльев – кухня, клюв, как молоток, таким долбанет, и – прощай, семья, бизнес. Я говорю: «На хрена он тебе?» А он мне объясняет, что орел ему лучший друг и собутыльник, и тут же наливает третий стакан бражки, и орлу, значит, в клюв опрокидывает. Пять минут, и эта зверюга уже сидит с нами на табуретке и башкой кивает, а когда смеяться надо – клекочет. Че-то мне жутко стало, ушел я от них. А сейчас думаю, орел раньше-то, наверное, мужиком был...

– Наверное, этот мужик очень счастливый, – сказал Паша, когда пиво кончилось, и они поехали дальше. – Если он может разговаривать с птицами...

– Ага, – отозвался водитель. – Он и с тараканами может разговаривать, если на седьмой день не похмелится. Говорит и не знает, это тараканы или его родственники. Так однажды померет – не заметит.

– Все равно, – вздохнул Паша. – Я даже с людьми не могу...

– Во-во. Все вы такие, будисты. Все знаете, ни хрена не понимаете. – Мужик по-

шарил свободной рукой в кармане, вытащил сигарету. – И еще врут! – Паша вздрогнул, но речь шла не о нем. – Моя, эта, дочка, жопа, в шестнадцать лет лапшу вешает, я-те пну: она к экзаменам готовилась. У Жанны, говорит, набор учебных видеокассет, мы их по ночам смотрим. Досмотрелась! – Мужик вцепился в руль и, похоже, вместо дороги видел одно дочкино вранье. – На третьем месяце свадьбу сделали. Но – быстро! им все сказал, этим евреям. У ихнего Бори «большие перспективы...». Я им про большое будущее сказал, про светлый путь... Еб!

Машину качнуло вправо, плавно, поскольку мужик нажал на тормоз, развернуло поперек дороги, на лобовое стекло прыгнуло большое белое поле, их еще раз повернуло, к Н-ску задом, к пустоте передом.

– Приехали, – сказал мужик и, открыв дверь, стал смотреть на колесо. – Так, запаски у меня нет, есть камера. Будем работать, будист.

Паше не хотелось работать, но он послушно вылез, получил домкрат и матерные инструкции. Его усилиями заднее колесо оторвалось от земли, было снято с оси, лишено покрышки. Мужик тихо матерился от холода, меняя камеру, а Паша должен был «держат сосок». Минут через пятнадцать возни, когда скрюченные пальцы уже невозможно было согреть во рту, мужик швырнул на землю насос, назвал его «гандоном» и затих.

Но тихим он долго оставаться не мог, и уже через две минуты сидел в машине и плоскогубцами сдирал проволоку с бутылки шампанского. Открыл, обливаясь пеной, вылез из машины, обвел окружающее ненавидящим взглядом, отхлебнул, а потом заорал, гримасничая: «Гаудеамус игитур, будист, помирать, так с музыкой, чтоб кремль стоял и деньги были – ура!»

Паше показалось, что вокруг лежит не снег, а блевота, замерзшая на другой день после сотворения мира, и что у него был шанс отсюда выбраться, а теперь – утрачен. Он не мог разогнуть пальцы, не мог пойти открыть дверцу машины, глаз не мог оторвать от низких туч. Сердце, казалось, замерло, зато ниже, вместо него задержался желудок. Слава Богу, еще не отказали ноги. Он побежал.

Сзади послышался крик, загудела машина, засигналил обманутый капкан. А он бежал и задыхался, и его легкие, как эти серые тучи, тянуло к земле.

Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы,
ехал поезд запоздалый.
Не доехал – заржавел,
на пути стоит запасном,
разложение – удел
у всего, что не прекрасно.

Что-то пробиралось сквозь тучи, оттуда, где солнце и ужас высоты, что-то черное.

«Это орел, – сказал голос. – Говорящий орел.»

«Нет, – поправили его. – Это понимающий орел. С ним можно выпить. У него есть».

Чужие голоса, не его. Он сидел возле какого-то сарая, тихий, как туча. Человек все делает, чтобы избавиться от сознания, работает, любит, боится. И тогда ему открывается реальность, как крепкий сон или крик. Но то, что накатило на него сегодня и забросило его в этот маленький поселок у переезда, можно было сравнить только с единственным в его жизни посещением анатомического музея, где он видел раз-

розненного человека, на мраморном столе он лежал, коричневый, голый, все, чего он боялся, случилось, и студенты, сучая, пересчитывали его кишки, а преподаватель сидел важный, как будто лично вырастил такой ценный экспонат.

Бесшумно опустился поперек дороги шлагбаум, прошло несколько минут, но поезда не последовало. «Это шутка, – сказал Паша. – Это поломанный механизм, разбросанный повсюду, некоторые его части опускаются, некоторые – поднимаются. Иногда людям удается использовать их для дела, но никому они не приносят радости.»

Затормозила машина на дороге, послышался голос: «Тут парнишка не пробежал?»

Женщина в тулупе вышла из кирпичной будки с маленьким окном и указала рукой в направлении сарая. Хлопнула дверь машины. Приближающиеся шаги.

– Вы зря беспокоились, – сказал Паша, не поднимая глаз. – Я посижу здесь немного, а потом на поезде поеду.

– Поехали, будист, не пори муру. – Мужик силой поднял Пашу на ноги и повел его к дороге.

– Видала, мать, – крикнул он женщине, которая задумчиво водила рукой по грязному стеклу. – Будиста поймал.

– А зачем поймал-то, сердешный? – спросила женщина, зевая.

– Жалко его стало. Пропал бы тут городской.

– Зачем пропал? – спокойно сказала женщина. – Он правильно прибежал. Тут все буддисты. Это дело такое, карма, от нее не зарекайся, – пояснила она и подняла глаза к небу.

И в это самое время со стороны поселка донесся звон колокола. Два человека у переезда обернулись и увидели группу бритоголовых людей в желтых жилетах поверх ватников. Даже издали было видно, что они приветливо улыбаются.

– Господи Иисусе Христе! – сказал мужик. – Прости мне мои хиханьки-хаханьки!

ПО НАПРАВЛЕНИЮ К ЖИЗНИ

Посв. Hose Luis Almundia

О, жизни укус муравьиный!

.....
 Вскрики средневеких средокрестий
 строй колонных синагог
 огонь говорящего дня
 Под музыку эту
 не страшусь увидеть зльгрекого Павла
 ибо пелена упала ибисом
 с морщинистых век толедского века

.....
 «Пардон, пардон, сеньор,» –
 так королю пети
 так ворожити вети
 скрещенья дитя
 любовью
 ловитвою глины

.....
 Присядь посмотри вокруг
 время ловит себя за
 солнечные часы
 В Аранхуэсе
 счастье соучастия близко к себе подпускает

.....
 А может ли больше быть
 чем молчаньем обернуться
 и благодареньем?

.....
 смертные берега!
 В орнаменте камня
 в каменных соляных
 в возлюбленных копиях
 встречу ли?..
 И спрошу и уже
 будто отвечают жёлтые камни
 в руках суфия
 сжавшего их до боли
 до болезненного смеха
 до смеха смертного века
 веховодят и предстательствуют молча...

.....
 Мокто то подступает явно
 мокто это?
 Пустыни ли змей
 одноглавая ль чужь...

Учёная кота ложится
акробатом кувыркается

.....
Бледные люди в зелёном
в исповедальном одеты цвете

.....
Белые цветы кругом

.....
Музей карт
Солнечные часы
Золото просеянное
Провеянное
Дней розовых
Веток
И сады сады сады

.....
фламенко гауди барселона
гаспаччо дон кихот веласкес
супермаркет мавританский
стиль хуан миро сальвадор
дали мачадо лицо хосе мари
глаза человека в серой рубашке
рассказы о президенте
нагота прощания
Вот и всё, что я знаю об Испании

.....
смертный берег
бессмертный берег
григорианский мотив
бутерброды у статуи святого Доминика
зелёные берега
очки в стиле «колледж»
переживание не
желания быть рядом
оранжевеющие цветы
вьюнки розы завивающиеся
желание остаться надолго
до самого
у самого берега
подступающего к сердцу
любовью
и директор Центра Современного Искусства
ищет любовь
понять это
отчего

Люблю Вам
 так смешно понять что-нибудь через
 тело времени которое
 как сыть как рыба снулая
 как карбункулов жать
 какакакакакакакакакак
 смертные берега!

.....

Д

✓ ✓ ✓

Ж

неудавшийся литературный вечер
 мелкий противный дождь
 идти некуда

е

аничков мост в этом свете похожий на
 все остальные мосты через Фонтанку
 пасмурное небо

Н**Н**

я будто в паутине хотя никто не нападает
 на трамвае через город
 (вряд ли кто-то ждёт)

И

вялое течение воды
 полумёртвый светлячок в спичечном коробке
 заблудился в сухих островках каннабиса

К

✓ ✓ ✓

У

через стекло видны клеточки асфальта
 окна не горят
 (как луна отражают солнечный свет)
 через подслащённую воду в кувшине –

Р**П**
 М
 О
 С
 К
 В
 А

акварель с острова Родос
 на коже – тот же ветер и песок
 на губах – вкус йода
 (как будто я слизываю морскую соль
 с твоего бедра)

Е**Н**

Н

Из цикла «ГОРОДА»

Амстердам

Н

просто зелёный выдох
над красной водой
отражаясь
где почти по-немецки
перебирая ногами
стоят славянки скупно прощаясь

а

утирая нечаянную слезу
от хохота у канала очнувшись
усталость роняешь в воду
а под ногами
образуется

Г

мозг на приколе и причалено
копыто велосипеда к стене
люди в костюмчиках немедленно
крутят педали

Л

а я смотрю из окна лодочки
на ренцо пиано по стержню вращаясь
люди идут в музей
мне пахнет как хозяйка почти по-немецки
мажет нутеллу на увядший хлеб
сокращается

А

красным повязана голова
вчера это был что гашиш а может другое
ещё что-то во рту скрипит
но вода-то в каналах
колеблется как вода
как славянки
и прощание
поездом

З

О

В

Ч
И
К
А
Г
О

Барселона

самолёт тебя шлёпнет лепёшкой
в барселонскую пальму
и скользя по связкам и сплетениям фиников
падая опасаясь: петушок или курочка
коснувшись земли с коричневой жижей в руках

А

вход в метро, кассир не досдаст стопесетовой с дыркой
улыбаясь ола и будьте как дома ола улыбаясь

музыка дико ложится на вентилированный пейзаж
по ночам обливают вином барабан и стучат и
в окно побережья бутылкою пива в парке
утро застанет и шлёпнет тебя лепёшкой тортিলы
в объятья бархатно-смуглой продащицы белья

не уйдёшь просто так не уйдёшь ола улыбаясь
просто в горы без гауди-декораций с улыбкой уйдёшь
вход в солёное море обеспечит бессонницу:
сиеста под рёв охлаждённого ветра и кокосовый запах
в жарком ветре устав заползёшь в шаровое кино
и до южной ночи и предварительной боли по здесь
съешь кусочек прощания с эверестского льда на экране

Флоренция

ношу сбросив с себя и себя на ношу бросив
где-то возле вокзала я жду когда срастётся в уме
с фиренце флоренция цветочным орнаментом
зарастает она и перед лицом дель фиоре
уффици отваливается ненужным
зёрнышком лицо туриста роняя в упругую почву,
его рюкзак и консервы «артишок для туриста».

утираясь, ориентируясь по круглому боку купола брунеллески,
я ищу отель «полярная звезда», но здесь принято,
что 666 следует за 17, а 3 – за 12. зарастающий ум
отказывается думать о чём-то кроме дель фиоре. цветы. цветы.

сбросив ношу с себя в отеле «звезда голливуда», в круглой утробе
дель фиоре ставишь ступни на поперечные рёбра ступени
проводя рукой по бетону и вдыхая чьи-то чёрные волосы
усталые ноги впереди под юбкой она тоже хочет вверх
прочь от адских пыток огнём я смотрю в оконце с монету на город
и по продольным рёбрам дель фиоре дважды в уме съезжаю вниз.

Самарканд

золотые животные сплетают длинные язычки со спиралью носка
позолоченной туфли без задника к пятам регистана
(к сине-зелёным кусочкам нежным как шёлк у могилы тимура)
к бордовой парче над стелькой к ногам припадает
грязно-белой чалмой человеческий карлик – пустой мираж –

(это солнечный удар. бульон из трёх куриц – в стеснённую грудь; несверлёный жемчуг вдруг нанизан на боль – из шёлка наложницы в брюках в разлуке дурнеют и свойства их изменяются. так случается в тысячу первый раз – но мне семь и я помню – жёсткой лепёшки обрывок в седой руке негорящий огонь

бред и женское золото и синие жилки биби-ханым
под кишлачные запахи фруктов опрокинуто небо – восток –
небо разбитое агальчкой и нецелый висок от удара лучом
детскими пальцами чашка с бульоном в большую постель опрокинута
(горной речкой скачет по рёбрам сжигая трещину выжигая)

я смотрю как под веками синие пляшут тени: чайная роза в апреле
далеко высоко потолок над пучком старых ломких волос
шёрстью голоса раздирая мой жар кто-то в руку мне
сыплет дикие зёрна из тыковки – кровь разверзается
чёрный сон оттесняет синий и до утра я смотрю в щель
астролябии – улугбек видит звёзды.) драконы спят в глине

под халатом: туфля плавится. улугбек ныряет в арык.
в небе всходит красный тандыр – это утро.

Прага

собор святого безумия
вита кафка галантерея до сих пор
зámок как чёрное небо без ночи
и огни под мостом
жернова гулко мелют блестящую воду.
в линзу льёт оттолок корявой церковной стены
и лестница медленно ставит большие ступени
поднимаясь во мне до обрыва в чёрно-зелёную день
автобусом пахнет бензином и взгляд в котловину ощупает
зимние почки набухших цветов и задумчиво статую
с бородой крестом и мечом отец и птица прости папа я птица
и живыми цветами в кружке тёмного пива

ПЕРЕДЕЛАННЫЙ МИР

Р

Бог распорядился судьбою офицера.

Шура Пацок

И

1. УСЛЫШАН БОГОМ

И

Военный топограф Р. усердно молился Богу и был услышан. Волнуясь и мысленно запинаясь, он изложил свою профессиональную просьбу. Бог счел просьбу военного топографа заслуживающей внимания, а резоны логичными, и в тот же день предпринял кое-какие действия по переделке возвышенности *** в ровное поле. Таким образом Создатель спас три тысячи солдатских жизней, и в том числе жизнь военного топографа Р., которому в противном случае неминуемо светил трибунал, – потому что на карте, вчера по срочному запросу составленной и посланной в штаб фронта, ни горы, ни сопки, ни холма – и поэтому трибунал светил так слепяще! – никакой такой *** не было.

Ц

Весь день в ожидании решения судьбы военный топограф стучал зубами и не находил себе места. Получив, наконец, штабную сводку об успешном наступлении в районе бывшей возвышенности, топограф горячо возблагодарил Бога и неизменно быстро напился до нечеловеческого бесчувствия. Фронтовые друзья погрузили временно покинутое душой военного топографа тело в штабной «виллис» и отправили, как ему и положено было, вслед продвижению войск.

А

2. СВЯЗЬ СОХРАНЯЕТСЯ

П

Раз установившись, связь военного топографа с вышними силами сохранялась – неудивительно, что два месяца спустя он представляет к Божьему рассмотрению гораздо более масштабный, детально проработанный и не лишенный топографического остроумия проект реконструкции Альпийского гормассива, обещающий с Божьей помощью закончить надоевшую и немалокровопролитную войну. Изрядно потрудившись над хитросплетениями топографических фантазий, Бог находит пропозицию военного топографа заслуживающей внимания, а побуждения благородными, и в тот же день предпринимает кое-какие действия по переделке стратегически неудобных квадратов. Война успешно и досрочно заканчивается, причем Р. заканчивает ее при Генеральном штабе, в чине Главтопографа армии.

Л

3. СЛУЧАЙ В АЛЬПАХ

И

Х
А
Р
Ь
К
О
В

Н

В Альпах наш военный топограф уже второй раз, причем велением послевоенных перипетий попадает по несрочному делу в те же самые места, где гуливал студентом. С когдатошним соучеником, а ныне комендантом этой живописной местности, Р. выезжает на рыбалку, где по-фронтальному быстро напивается до благодного бесчувствия. Соученик грузит

временно покинутое душой военного топографа тело в комендантский «виллис» и отправляет в резиденцию, сам не желая пропустить утреннего клева. На беду, у шофера «виллиса» старый, не скорректированный Богом атлас альпийских автомобильных дорог – и безнадежное плутание продолжается всю долгую ночь, и долгое утро, пока не проснется тоже не сразу готовый все сообразить виновник происшествия.

4. АНГЕЛ В ТУАЛЕТЕ

«Мой муж был ангелом. Во всяком случае, туалет после него всегда оставался чистым».

Так госпожа Р. начинает свои мемуары, изданные в прошлом году Государственным управлением картографии. В числе примечательных приводится следующий случай. Однажды военный топограф пришел домой и с порога сверкающей уборной рассказал жене следующую историю. О том, как он шел вдоль поперек дорожки, а поперек вдоль дорожки ехали машины. Когда диагонально к дорожке набежала бородатая собака облаять ехали машины. Военный топограф удивился: бородатая собака лаяла так искренне, так равнодушно, что в пылу удивления военный топограф наделил собаку этими человеческими качествами. Собака считала небесным и возмущающим результатом выказать машинам свое недовольство. Не подобным ли образом и мы, люди, принимаем участие в проезжающей мимо жизни, сказал жене Р.

Сравнение не доказательство, конечно, – но излюбленный метод доказательств.

5. НА БЕРЕГУ ЛЕСА

Юный военный топограф стоял на берегу леса, предавшись одухотворенному созерцанию. Там, где лес заканчивался, из него высеивались две тропинки, обе ведущие в лужу серого песка в низком месте дороги. Затем дорога поднималась и продолжала обегать опушку: забирая от реки все дальше, разделяя лес и стройку, обрываясь неожиданно в ста метрах за котлованом, который с травой на склонах и порослью внизу уже не выглядел так, как когда-то несомненно выглядел, – надругательством над пейзажем. Стоя на берегу леса, мысленно следуя за дорогой и радуясь, как все красиво и как все замечательно устроено, военный топограф впервые подумал о том, что Бог – это доведенный до абсолюта антропоцентризм.

Через восемь лет Р. впервые обратится к Богу с искренней молитвой. Через двадцать лет он будет принимать помощь Бога как разумющееся вмешательство начальства там, где подчиненный бессилен. Еще через шесть, в течение которых повседневность становилась все постылей, все оскорбительней, топограф проговорится жене: «Рай – это место, где все обращаются на Вы и называют друг друга по имени-отчеству. Я не шучу».

Неизвестно, существует ли на самом деле рай, и попал ли туда военный топограф после того, как Бог исполнил его последнее требование.

Книга госпожи Р. называется «Человек, который всегда знал, чего хотел».

6. НА САМОМ ДЕЛЕ

(На самом деле все было не так, и жизнь не есть каталог незначительных эпизодов.)

7. 21 РУБЛЬ

В таком-то послевоенном году пружина интриги распрямляется и вышибает военного топографа Р. из кресла главного картежника страны – он летит, теряя любовниц и друзей как перья, и с незначительным грохотом приземляется за полярным кругом. Где, освоившись, отменяет полярную ночь и ничего не обозначающее северное сияние. Гарнизон мал, но не уныл, – и вольны ли мы положиться на историю, которая не сохранила ни одного случая посещения военным топографом гарнизонного дансинга, лучшего по округу? Нет, Р. не схимник никакой, и не аскет! Достоверно известно, например, что он любил наведаться в столовую.

Довоенное довольствие старшего офицера исчерпывалось суммой в 21 рубль. Однако женатые и одомашнившиеся не жаловались; из трехсот человек офицерского состава на ужин приходило человек тридцать холостых и командировочных. Выбор был самый маленький, без пудингов всяких, но по крайней мере два разных блюда всегда наличествовали. Раньше подавали официантки. После войны их не стало. Мало кто знал о нелюбви военного топографа к перманентно падшим подавальщицам; никто из знавших не мог предположить, что исчезновение официанток – его, Р., молитвенно сложенных рук дело. И это лишь одно из ряда мелких улучшений, в оную пору почти ежевечерне приходивших на ум военному топографу. Сидя в затемненном кабинете, экс-Главнотопограф победившей армии привычно напивался до привычного бесчувствия и засыпал, после чего его покинутое душой и неудобно свесившееся из кресла тело казалось входящему на цыпочках ординарцу особенно покинутым.

8. УСТРАНЕНИЕ БРЮНЕТОК

За Коми последовал Кустанай. Но вначале за официантками последовали лоточницы. Наступивший затем период моральной оседлости охарактеризовался отказом от хаотичных совершенствований окружающего то там, то сям – и долгими поисками системы. Создавалось впечатление, что инструмент если и не подчинен, то освоен и осознан. На время, после удачного устранения брюнеток известного типа из номенклатуры впрямь обитающих на земле существ, к военному топографу возвратилось душевное равновесие. Доказав личную беспристрастность, он женится на вероятностно выжившей представительнице утраченного экстерьера.

Темны дела твои, Господи, – кто мог бы исчислить, что недостающей половиной военного топографа окажется бывшая учительница географии, строгая инспектриса районо.

Никто не садится, не встает или не движется по комнате в присутствии посетителя так же, как он делал бы это, находясь один. Но есть люди, которые не способны более источать это непостижимое качество живого присутствия.

Симона Вейль

И эти люди – жены и друзья. Друзей у военного топографа не было, а жена была. Дальше совсем просто.

9. Между тем, ерзая и ерничая, мы закончили в целом рассмотрение топографии этой замечательной жизни – осталось только взглянуть на господствующую возвышенность:

ПЕРЕДЕЛАННЫЙ МИР

Военный топограф Р. спокойно глядел в зеркало: горизонт подбородка, пристальные ресницы. В мертвой ране замерзла боль.

Десятое декабря. Тем этим вечером военный топограф впервые по-настоящему проникся – тщательно пустив корни в тощую почву сорокалетней зрелости, он подвел черту:

«Я сознаю суровую необходимость перемен. Но мне не нравится, что мир растёт».

Военный топограф прислонился лбом и подышал. Внезапно, словно лампочка, в его голове сложилась и вспыхнула совершенно неожиданная топография, быстро нагрев изнанку затылка розовым электрическим теплом. Сверхновая топография грела очень сильно и непостижимо складывалась в непобедимое и тотальное требование.

Холодным бессловесным утром десятого декабря военный топограф Р. сложил в голове карту и выключил свет. Подойдя к окну, он потрогал батареи отопления – те пылали. На подоконнике хохотал кактус.

Сейчас военный топограф вернется к столу и встанет у стола на колени.

Бог будет вынужден признать беспримерное требование военного топографа заслуживающим внимания, а сопротивление бесполезным.

Бог признал аргументы военного топографа неоспоримыми и переделал мир. В новом, переделанном мире военного топографа Р. уже не было.

Ахнет

На дворе дворовый мальчик
Кто-то кашляет с балкона
Ветер пахнет
Звон в ушах
Скоро ахнет
Ни на шаг

Еще лужа

ночевала лужа золотая
под одеялом тонкого льда
день был прозрачный
к вечеру
западный ветер пригнал облака
я смотрю в окно
чашку чая сжимая в ладонях
осень уходит плача
как бы в последний раз

Я

Я барыня
Я конюх
А в самых сокровенных снах
Монах
А наяву
Дурак набитый
Болван и олух
Я – Палех

Артем курит

вода со вкусом жареных семечек
по-другому течёт в эфире время
постепенно сужающееся в объёме
кухни отдельно взятой квартиры
и где бы вы ни были иры-иры
серёжи миши и кто там кроме
дым производит действие в тёме
и исчезает в дверном проёме

Смерч

Во сне небо
рождает смерч
чёрный
над горизонтом самолёт
дома оплывают облаками
Я никогда не стану вами
Меня никто не поймёт

Конец

вот кончилось
а ведь весь день
и полночи

а

Крещендо

р

Заснул с градусником в руке

и

Помнишь тот мох на Немецком кладбище?

я

У Гитель Соломоновны росла дочь Эстер

Корнфлэйки рассыпались по подушке

Мы не столь прилежно верили в Господа

И я совратил её

К

Там был грот праведника

И

Всё те же и всё в том же

Ты христианин? – спросил я, дотронувшись до его покрасневшей щеки.

Л

Если всё равно, то зачем?

Б

Озноб держал меня за сердце и предплечье

Так глядят только спящую собаку

Д

За мгновение до сна она летала
в далёкую арабскую страну,
где находила однокурсников в рабстве.

И

Кажется, я теряю сознание от ревности.

Б

На стенах мы писали свои ошибочные желания

Е

Знакомые глаза
цвета мёда, пролитого на траву

К

Замолчи сейчас же!

О

И ещё он говорил, что это похоже
на солнце, смотрящее сквозь листву.

В

Посмотри на меня!

А

Ты пахнешь, как упавший плод шиповника.

А причём здесь это?

Теперь я точно не усну.

О

Март в предместье

Л

Серый проулочек.
Ключья травы на обочине.
Солнце в свежей листве,
словно раненый лось, расширяет
сплетённые корни.
Его хрип – маяк для идущих по следу.
Для натасканной своры собак
в просеке кружится шмель,
просыпается между ветвями, в прорывках.
Его жало в разодранном горле
быстрее свинца –
ни пыль, ни свинец.

ь

г

а

✓ ✓ ✓

Г

Листва, озарённая солнцем.
Ты – грек.

Р

Жёлтое, жёлтое, жёлтое –
кричит южная птица.

Е

Яннис Рицос

Б

Вот он, интенсивный жёлтый цвет,
как на полотнах Ван Гога.
Его отблески всюду – стены, паркет,
плитки кафеля над подоконником.
Медсёстры, похожие на монашек,
в больничных сутанах разносят подарки.

Е

Н

Муниципалитет
определил гуманитарную помощь
инвалидам детства.

Н

Рядом – будни южного порта.
Ветер мечется по переулкам,
солнце льётся на разбитые стекла,
школьный мяч бьёт по чугунным плитам двора.

И

Мальчик, подперев ладонью щёку,
мечтает поменять себе родину –
ни глухих переулков, ни этих осколков,
ни даже девчоночьих кос над партой –
только цвет, интенсивный жёлтый цвет.
Он гудит в парусах. Одинокое судно,
ослеплённое солнцем, без надежды на выигрыш,
преследует ледяное течение, уходящее за горизонт.
Но Лули, милая Лули –
её только жаль. Она будет ждать,
вышивая тоненький пояс для брата.

К

О

О
Е
Р
Г
А
Н
А

В

А

Склоняясь над перилами,
слушать медленный шаг в колодце парадного.
Вечером в каждом облаке,
заслонившем солнечный диск,
видеть радужный парус,
воздушный поцелуй, приветственный взмах руки –
всё яснее, всё отчетливее, совсем близко –
вот он, интенсивный жёлтый цвет,
расплескавшийся над больничной палатой.
Весь солнечный купол для неё теперь брат,
только её брат, обнимающий тихо за плечи –
и встречам не будет конца.

Серый диск восходящего солнца
освещает долину. Хриплая флейта
пересекает холмы.
Можешь не возвращаться.

Ответ

Господь мой,
твое чрево пространней, чем купол небес.
Ты меня укрепляешь в совете и доле.
Твои эмиссары, наследуя
отсвет предвиденья век от века,
меня окружили заботой, покамест
одна, как слепец, совмещаю наощупь
долги моих прошлых обетов.
Под непрочным усилием
снискали они Твое благоденствие.
Впечатанный в двери Твои мой ответ,
уцелевший среди славы Твоих оглашенных,
ко мне возвращён, чтобы вновь
обнаружить бывшее ручательство
на спалённых путях.
Неизбывен их крест, не прервётся
Тобой отворённая вена,
и золотая секира
не устанет преследовать рану –
безудержно, втуне,
как с губ моих таят дары
обещанной в детстве смоковницы.

Мулета

Одна, среди роз и тщеты,
обжигаясь о призрачный провод
над заботой и небом.
Крылья матери под моими ногами

истлели, как веки её, почерневшие
от страданий и слёз, бесполезные в жалкой стезе,
бессменные над своей позолотой,
освятившие путь мой...
Так гибнут в расцвете
своих обещаний и трепета
маковки рдеющих маков,
затвердевшие в ветре и солнце,
и ты спасена между ними.

В эпоху обетов и битв
ненасытная преданность проникала твой хлеб,
и, высоким копьём обагрённый,
в твоих волосах безутешный советчик
очерчивал род твой – безмолвно.
Во вражеском стане склоняешь ты сердце своё
над чужими опорами – в смирении. Ведая
мой несгораемый путь,
ты чтISH его выбор,
что отнят в безвинность и свет,
и затем поднесён как премудрость.
Спасённая, в долгом пути
среди новых бессмертных, чей гнев
не пройдёт твою жертвенность,
ты мной уязвима – так близко,
как юность твоя, что растерзана
дикой планетой, и крест
от твоей несвершённости ломит
и ломит мне плечи.

Поток

В испелённом сердце крепнет зной.
Ему порукой свет из глубины.
Он очертил над гаванью вершины,
где жар – неисчерпаем. В тонкий пласт
спрессован каждый блик.
И мощь ветров прокладывает путь
и утихает под моей ладонью, и ещё яснее
согбенное плечо среди даров
там, на чужбине рода.
За хрупким бортом серебристый след
прокалывает кромку горизонта.
Здесь – ответ.
Ярок, до крепчайшей боли, готов
разжать кулак для горстки и питья.
Выткан в его основе
труд, и гнев, и срок – к нему
стремятся реки. Я вхожу в поток.

КАТЬКА

– На Катюку тебе, – сказал он дочке, припрыгавшей встречать папу в прихожую.

– Где ты был? – спросила мама, не появляясь из кухни. Он начал сбивчиво объяснять. В музее кукол продавали копии.

Незапланированных вечерних прогулок с ним не случалось давно, но сегодня у светофора какой-то троллейбус распахнул двери перед его носом, и папа прочел на картонке имя нужного метро. Уже внутри оправдался: по земле домой наверняка быстрее, да и познавательней. Папа недавно перевез своих в столицу и такого пути не знал. В тот момент он не знал даже, повезет ли троллейбус в центр или только что оттуда. Через пару коротких остановок транспорт замер в необозримой веренице других машин. Стальные ставни пораженчески сложились, а водитель вообще куда-то вышел, намекая на дальнейшую свободу передвижения. Понаблюдав в окно за пешими – они охотно сновали между колесных, подмигивая водителям с нескрываемым торжеством, – папа к ним присоединился, шагнув в мокрый, сигнализирующий клаксонами сиреневый декабрь. Блестящий асфальт вблизи – кожа звероящера-диплодока с камушками-пузырьками жира. Папа видел диплодока вчера по телевизору в сериале «Затерянный во времени». Неверно угадав близость дома, он пошел, считая столбики бульварных оград: каждый увенчан крупным черным яйцом в розетке. И это тоже было в сериале. Одни рептилии церемониально лакомились эмбрионами других.

Догадавшись об ошибке, он повернул от бульвара прочь, перешел площадь с обманчивым – похожим, но не вспомнишь, на что – названием. Потом он часто представлял, как было. Папа стоял у музея кукол, но еще не узнал об этом. Через несколько секунд прохладный свет вывески поманит его. По крайней мере, там скажут, как отсюда выбраться.

Дочка гордилась Катюкой даже больше, чем он ожидал. Требовала себе такое же платье. «У нее даже ногти растут, – жарко бормотала в папино ухо, – не веришь?» Мама с папой хохотали.

На следующий день дочка, сажая игрушку папе на колони, занялась шантажом: – Смотри, у неё «подарок», когда дорастет, ты должен что-то Катюке подарить, например, сережки, мы будем с ней их носить по очереди.

– Какие ты хочешь? – спросил папа, и она пустилась в подробнейшие разъяснения, несколько раз перепутав даже цвет.

У куклы на по видимости пластмассовом ногте указательного пальчика действительно красовался белесый штрих, фабричный дефект, и папа подумал, сколько такие случайности придают натурализма конвейерным вещам.

«Пора Катюке ногти стричь!» – с этим лозунгом дочка пряталась в свой задиванный вигвам каждые два-три дня. Сначала папа обнаружил на воощенных катюкиных пальцах изуверские следы маникюрных ножниц и строго запретил ребенку портить вещь. Дочка надула губу и заявила, что ей не верят. Через час он нашел подброшенный к нему в карман брюк па-

кетик из-под блёсток с щепотью серых опилок. – Что такое? – показал он дочке улику издали.

– Катькины, – все еще обиженная, ответила она.

Папа осмотрел руки дочери. Ничего нового, кроме пары чернильных меток, никаких криво отфромсанных ногтей. – Где ты взяла? – продолжил он допрос. Дочка молча и с лицом победителя указала на куклу.

Папа лукаво взглянул на двух девочек – настоящую и искусственную – и меньшую поставил за стекло в сервант, сказав:

– Проверим.

– Проверяй, – легко отнеслась дочка, пожимая плечами, – только помни, что ей спать надо.

– Потерпит, а вот некоторым уже пора.

Отросшие за два дня в серванте катькины ногти производили удивительно живое впечатление. Вечером все было рассказано маме с демонстрацией доказательств.

– Опять меня дурить решили? – весело спросила мама, внимательно их выслушав.

– Никак нет, – голос у папы был слишком тяжелый для розыгрыша.

Дочка сцапала освобожденную из серванта игрушку и сейчас же убежала с ней.

– Может быть, теперь так делают, чтобы ногти сколько-нибудь росли? – Папа делался с мамой мыслями за чаем. – Может, так сейчас модно, ты ничего такого не слышала?

Мама посмотрела на него, будто собираясь вырезать папу по контуру из интерьера. Скорее всего, она все еще не верила. Следующее испытание они устроили, услав дочку на выходные к бабушке и уговорив её расстаться с забавой под предлогом покупки нового сюрпризного наряда. Всем известно, что куклы ходят со взрослыми в свой магазин и там все меряют, как и дети.

Прозрачные уменьшенные ногти росли, как у нормального человекоподобного существа, «подарок» пора было уже срезать. Никаких прочих чудесных признаков на покрытом стойким воском теле – линий жизни на ладонях, отпечатков пальцев, половых отличий или осмысленных движений фарфоровых зрачков – при осмотре не обнаружено.

Папа позвонил по напечатанному внутри коробки номеру, но там вежливо ответили: музей отсюда переехал, знаете ли, экономический кризис, позакрывались многие, место подорожало, пока они без адреса, и способа связи тоже нет, во всяком случае, новым хозяевам не известен, можете оставить свой номер и тогда, возможно, с вами свяжутся, если мы их увидим, и т.д.

Делиться с посторонними такой историей папа не спешил.

– А ресницы не растут у нее? – полушутя допытывался у дочки.

– Нет, ты же видишь, ресницы нет, все как у нас с тобой, мы ведь ресницы себе не стрижем, правда?

Раздумывая, не вреден ли открытый секрет для влюбленного в вещь ребенка, папа спрашивал себя, почему он выбрал в музейной лавке именно эту, ведь ему предлагали нескольких? Катька не была самой дешевой или манерной. Ему начинало казаться, она походила на Мальвину, потому и выбрал. Мальвина, конечно, псевдоним, а паспортное имя выяснить уже не выйдет. Единственный папин грех. Жирные вишневые губы, вдвое больше данных природой, обведенные, как мишени, глаза и стеклянный снежный парик. Его семья задерживалась, только сейчас садилась в самолет, встречать в аэропорту было некого. Узнав об этом, папа шел довольно бездельно и курил,

пока не увидел Мальвину, поставленную на фоне парфюмерной рекламы – аквариума, полного электрической кровью.

Папа сам не доверял этой версии, кажется, позже ее придумал. В самый первый день появления Катки в доме, мама, рассмотрев ее поближе, сказала папе так, чтобы один он слышал: «На блядь похожа». И папа невольно вспомнил, а так вовсе они не похожи.

– Катя, – маминым голосом говорила дочь, – папа тебя не обижал?

– Она тебе, я надеюсь, не отвечает? – беспомощно в очередной раз попытался перевести все в шутку папа.

– Я ее и так понимаю, правда, Катя? Пойдем, голубушка, плавать в ванну, тебя давно не купали.

Что вообще он помнит о куклах? В школе, после урока, посвященного изобретательству, будущий папа принес в класс радиоуправляемого Деда Мороза. Если идешь железной дорогой, наступая на каждую шпалу, напоминаешь марионетку. Дядя Мамед по утрам кормит с ложечки подаренную ему заграничными друзьями фигурку-вуду. Нет, так ни до чегошеньки не додумаетесь. Звонить дяде Мамеду, большому специалисту по таким вещам.

– Ты понимаешь, суфии говорили, что бог ближе нам, чем наш ноготь, ноготь вырвешь – больно, а бога не вырвешь из себя, пока жив. Но и не соединишься с ним, пока жив. Это суфии. Еще есть метемпсихоз, переселение уже живших сущностей в разные тела, не обязательно в людские. Черно книжники, знаешь, говаривали, что статуи, куклы, манекены – дети одной, главной куклы, и у них свой язык, который мы не ловим. А может, она медиатор, тогда совсем для вас не опасно, тогда ноги это повторяющийся сигнал, ну, допустим, от дальнего предка, который вы должны разгадать, как сообщение на пейджер, а до тех пор оно все будет приходить, пока нет ответа. Не выбрасывайте, ни в коем случае не выбрасывайте. Я приеду посмотрю, это ведь редко так встречается. Самовозобновляющаяся материя, как в неосушимом кувшине, или как мана, выступавшая по утрам прямо на траве.

Папа положил трубку, не дослушав. Дядя Мамед, большой специалист по тому, чего нет.

Папа, мама и дочка – они установили очередность: кому когда стричь.

Папа говорил про город церковей целую неделю, но она плохо слушала и запомнила мало.

Взрослые, поделившись тут на женихов и невест, затеяли какую-то не сразу понятную игру. Вышел Дед Мороз, или его осенний брат в пепельной бороде, нарядный, как елка к празднику, и заговорил громко, но нельзя было разобрать, кроме «нашим» и «главы». Откликнулся хор, спрятанный не видно где, девичьими, просящими голосами. Дед в царской шапке стукнул золотой палкой в пол, и по лицам многих вокруг пустился первый порыв. Пение усилилось, теперь дед, насунив брови и старательно растягивая рот, нараспев повторял по-прежнему незнакомое, как будто хотел, но не мог говорить по-русски, и некоторые твердили за ним, как будто знали язык страны, откуда он приехал.

Дочка любовалась поющей бородой деда. Сладко пахло маслом. Янтарный воздух вился над лампадами.

Одни начали покачиваться из стороны в сторону, изображая ветер, а иные стояли как окаменелые, с неудобно согнутыми руками и замершим взглядом. Получалась гроза в парке со статуями. Возможно, дед должен был сечь их молниями. Вот одна из та-

ких «статуй» заклацала зубами и затряслась, будто ей невесть как холодно, так промокла, или у нее жар. Приглядевшись, дочка решила: да, тетя – дерево с трясущимися листочками, и капли бьют ее снизу доверху. Дядька, с трудом перед этим крестившийся, по незаметной команде нарядного деда поскакал на месте, пытаясь достать что-то макушкой в воздухе и быстро-быстро всем подмигивая. Он играет забытый во дворе упругий предмет, например, мячик, третируемый ветром, или стукающую в порог и отпрыгивающую вверх неразменной каплю. Дочка предположила, может быть, они видят в общем сне эту грозную ночь, а она одна здесь не спит, и значит, бормочут они на языке сна, папа ведь тоже иногда скажет, не проснувшись, и тоже не понять, хоть и похоже.

Бабушка из задних рядов кинулась дуть на свечи, расставленные кругами, как на торте в день рождения, но именинницу за волосы и одежду оттянули другие, которые пока никак не сыграли. Они свечи зажгли по новой. Дочка не догадалась: что ли, бабку убивает гроза, запрет в правилах выскакивать в такую непогоду, и поэтому дней рождения ей больше не будет? И кто-то, не видно за спинами, залаял по-собачьи и заскулил очень похоже. Вот это понятно: полкан в будке боится грома и трясет цепь.

Дед строго вывел за руку одну из толпы, положил ее лицом в старую копченую книгу и стал шептать над ней стих, отчего голова спящей перестала слушаться и болталась в книге, вытирая страницами вымокшее лицо. Когда дед отнял книгу, лицо и вправду оказалось мокрым, блестящим. Дочка совершенно утвердилась: все тут спят, хоть и ходят. Раньше никогда она с такими не играла. Самая маленькая, не спала она посреди их стонущей, колышавшейся, шуршавшей бури. Подтверждая грозу, дед делал дождь, щедро брызгая с рыжей метелки на головы спящих. Побрызгав, он забирал кого-нибудь в невидимую за колонной комнату, хор крепчал, но сквозь него пару раз доносились из комнаты позорные, дикие слова, какие кричат во дворе, и то редко, самые злые из мальчишек. Их выплевывал мультяшный голос, вряд ли человеческий, скорее кошмарного персонажа. Эти слова, словно отданные назад глотки, смутили дочку и она обернулась за советом к папе с мамой, улыбаясь в знак того, что не спит, на нее дед не действует. Всю службу бледные родители всматривались в маленькую фигурку в платочке: не испугалась ли? не начала ли реветь? Но она с теми же вопросами поглядывала на Катьку, тиская куклу в руках: как она? не боится? не устала еще? Катька вела себя спокойно, и дочка одобрительно поправила ей платок, заколотый булавкой на шею.

Последнее, что запомнилось. В самом конце представления, когда артисты выстроились к деду пробовать что-то темное с маленькой ложечки, один, не захотевший просыпаться, показывая свою силу, перевернулся вверх ногами столь легко, будто был он шахматная фигурка, а не человек, и стоял так, выпучив глаза, на одной руке, прижимая другую к сердцу. Вырываемый с корнем куст. Но буря миновала.

После всего «благочестивые отроки» отскребали с противным скрипом восковые пятна от серых половых плит. Семья подошла к деду, успевшему переодеться в черное. И папа назвал его «отец». Это многое меняло. Ей говорили, что у папы был отец, но дедушка умер, и теперь, оказалось, вот он. Значит, и остальные мертвы? Изображают у себя грозу, а гроза в это время случается где-то у живых. Все приснившееся мертвым явь для нас? Признав в нем своего деда, маленькая подобрела к бородачу. Получалось, ее дед у них главный, одевает и снимает с них сон, а ей, да и маме с папой, удается не спать, ведь они родня.

Дочка хотела обо всем этом спросить, но почувствовала, при покойнике, а тем более у него самого, так спрашивать неприлично, лучше подождать, само подтвердится.

– И что нам с этим делать? – вместо нее спросил папа, заканчивая разговор.

– Молитесь, я укажу вам, какие молитвы, – отвечал дед, почти не шевеля бородой.

– А с куклой? – уточнила мама.

Было видно по лицу, что ответа дед сейчас не знает. Он повел глазами медленно, как следят за тараканом или читают не очень внятный почерк.

– Лучше оставить ее у нас.

Папа протянул деду Катю, ожидая вопля у себя за правой ногой, но там затаилось маленькое молчание.

Новый владелец куклы, сунув ее в какой-то ларец, тронул гостям лбы своей масляной кисточкой. На прощание папа поцеловал деду руку, а дочка запомнила: так делают не только встречаясь с настоящей дамой, но и прощаясь с мертвым родственником.

Раскрыла рот только на воздухе, спускаясь по ступенькам и рассматривая обступившие храм черные кресты с затейливыми буквами.

– Дед Катю к себе хоронить забрал?

Папа молча пошел обратно. А мама подумала: «Ну, может, после того, как она была в церкви, кончится?» И не смогла себе ответить, кого именно разумеет под словом «она».

Мама пила голубой сок из прозрачного стакана, а папа смотрел в овальное окно на стене. Они тлели между звездами и облаками. Там, внизу, если верить новостям, возникли недавно «неконтролируемые» территории: некто сейчас, взглядев с земли сквозь пелену их мигание, мечтал резануть пулеметом темную надменную ночь, туго натянутую от Урала до Берлина, ни во что особенное не целясь.

Причесанная и умытая, Катя спала в лакированной коробке на скользком батистовом снегу у дочки на коленях. Клетчатая шотландская юбочка, белая рубашка и жилет с блестками. Одеты девочки были совсем одинаково. Вчера в ток-шоу, которое принимали сто стран, папа впервые позволил себе то, чего никогда раньше не произносил на людях: «Я счастлив, что нас посетило чудо, пусть оно и не такое, как представляют многие, но ведь именно поэтому оно настоящее. Чудо не может быть ожидаемым. И я желаю, чтобы нечто подобное случилось с каждым. Чтобы жизнь людей изменилась, вышла за рамки обыденности, благодаря вниманию людей к деятельности высших сил».

Согласившись на контракт с фирмой «Наше чудо» – дочка долго и с удовольствием выписывала свою закорючину и очень хотела, чтоб Катя тоже подписалась, – вот уже полгода семья путешествовала. В обнимку с Катей дочка рассматривала себя в обнимку с Катей на обложке самого известного детского журнала. В интервью журналистам отвечала «ну и чёшто?» на вопрос: а как она отнесется, если ногти у ее куклы останутся? Но ногти не останавливались. Срезать их завтра удостоится чести внучка действующей королевы, а до этого в списке были: победительница конкурса на лучшее желание, отличница христианского приюта, племянница президента, крохотная вундеркиндша, еле достающая до своих клавиш, и много других.

На тропическом острове, где у папы все время болела голова от цветов и он не спал, к ним в номер проник какой-то, натворивший шуму. На суде он, между прочим, сказал, что не собирался воровать куклу, а только хотел тайком отчикать у неё пару ноготков, ведь каждый на аукционе стоит дороже, чем бриллиант, везде торгуют подделками, красть же саму незачем, исчезнет, и не докажешь, чьи у тебя в сейфе ногти.

Даже этот случай не заставил дочку согласиться на персонального для Кати охранника и непробиваемый стекломом.

За эти шесть неполных месяцев всем приходилось много волноваться. Вначале порочная экспертиза: казалось, биолог с теологом не договорятся никогда. О катиних ногтях сняли клип под микроскопом. Это видео, увы, использовало MTV, как заставку. MTV неплохо заплатило семье за пленку. А вот магазин игрушек, выставивший на показ гигантскую неоновую девочку-рекламу с бегающими туда-сюда огоньками на кончиках пальцев, отказался платить, сославшись, мол, ничего такого в виду не имеем, и все-таки адвокаты добились погасить на огромных пальцах мигание, т.е. в чистую дело никто не выиграл.

Потом самозванство: по всему миру объявились куклы с «растущими» и даже «исцеляющими» ногтями, волосами, а то и всем телом, куклы, потеющие маслом, плачущие слезами и пророчествующие изделия. Каждый раз несколько дней уходило на разоблачение фокуса. Катя вновь и вновь оказывалась единственной в своем роде, хотя до сих пор где-то еще дуриет народ пара шарлатанов. Любой стране, а тем более, любой фабрике игрушек хочется свою такую, поэтому семья заявила: чудо принадлежит планете, мы не собственники, мы – хранители, большинство полагающихся нам по контракту денег тратится на благотворительность, если, когда дочь вырастет, чудо не иссякнет, то Катя станет общей в самом буквальном смысле, пойдет по свету, от одних к другим детским ножницам. Мы хотели бы только, чтобы имя, данное нами этой волшебной вещи, не менялось. В память о нас.

Дочь то и дело поправляла подушку под кукольной головой, оборачивалась к родителям, подмигивала папе. В самолетах у нее не получалось спать. Семья летела на встречу утра, туда, где с ними обещал встретиться Далай-лама. Приходилось арендовать себе весь лайнер, чтобы отдохнуть от громких восторгов, сектантских проклятий, идиотских вопросов и завистливого детского рева узнававших их и куклу издали. Им предстояло решить важную вещь: не слишком ли для детской психики предлагаемый «Нашим Чудом» мировой тур? И как понять этих новых «катель», у них съемные ногти, можно резать. Стоит ли вообще звонить адвокату по этому поводу, или уже все равно?

Папа загляделся, как винты молотят рассветный воздух. Самолет с куклой на борту снижался. Мама размышляла, пострадала бы или нет Катя, если бы они сейчас разбились, или, как и прежде, поражала бы взрослых и детей, отыскавшись в авиаобломках и заслужив немножечко дурной славы. Неконтролируемые территории остались очень далеко. Чей-то голос предупреждал, что мы уже входим в облачность и возможны ямы.

И

р

и

н

а

✓ ✓ ✓

Закрась половину лица чёрным
И стань индийцем, китайцем или манихейцем
А может ты негр тогда можешь белым закрашивать
Можешь не закрашивать
Китайцы они жёлтые везде
Жёлтые повязки жёлтые повязки
Можешь в синий в зелёный

можешь пластырем заклеить

Знаешь, что такое недеяние?

Знаешь, поэтому в Китае столько должностных лиц

и они ещё живы.

Все императоры Мин делались из рисовой бумаги.

Всех студентов делают из рисовой бумаги.

Им сняты нарисованные горы

Нарисованному монаху снится, что он

нарисованный непарный шелкопряд

В монастыре правда всё равно спросонья принимают за своего

Вот что такое недеяние

И что такое социализм

А что за штука Мани, знаешь?

Присядь на государственной границе,

аккуратно отверни лепесток

Мой любимый цветок василёк

Только там не растут васильки,

Что у хань, что у Ганги-реки.

Все просто: на границе нужно симулировать лотос (мимикрия – наука будущего), а в Индии несколько общих знакомых запросто заблудились, т. к. если в Китае объединяющими факторами являются социализм, бумажные грезы и желтый цвет, то в Индии даже разобщающие факторы – не что иное, как плод воображения священной королевы, которая есть уже сама по себе чистый вымысел, беспардонно прикрывающийся шкурой ни в чем не виноватого животного. О, что теперь с нашими мальчиками!

Наверно заблудились в чаще эмоциональных киноплёнок

Бродят от Мадраса до Мадраса

Путают чакру с шакти, а шакти с шахтой

На окрик или резкий хлопок не реагируют.

«Так будет со всеми, – сказал Стефан Цвейг

(Не писатель, а просто обладатель такого имени), –

Камасутру – дошкольникам, рисовую бумагу – андрогинам!»

Когда Стефан Цвейг был китайцем,

он изобрёл машину времени

Когда Стефан Цвейг был бенгальцем,

он изобрёл кинематограф

Когда Стефан Цвейг был негром, он изобрёл белый цвет

ш

о

с

т

а

к

о

в

с

к

а

я

М
О
С
К
В
А

ОУКАЗЬ

Указом нашего отца
 Кто меняется с лица
 Есть лживый игнорант, потешный инцидент
 В суспензории размещённый
 Разлагается и ест
 И точных наук несомненным грамматическим языком
 Заведует.

одноstopный ямб с пиррихиями

всеэ
 тишту
 кине
 возмо
 жньдля
 испо
 льзова
 ния

Большой вкус колумбийского неба *

—
 ... Мин херц, по переулку,
 И странный взгляд преследовал меня;
 Я, на свою беду, не весь ещё потерял.
 За мной, широкими шагами, скрываясь в глубине дворов,
 В кустах черёмухи найдёт приют, под арку спрятаться умеет,
 Но был какой-то в этом некий всякий ритм,
 Природой, что ли, совершенный,
 Несовершенный в этом был...
 – Матрос, ты видел Смерть?
 – Ещё как! Она немного не в себе, но похожа;
 Ты знаешь, встала передо мной, остановила и встала,
 Стой, говорит, Томми Ньюкасл!
 Стой, говорит, дальше ходу нет, говорит, ваших всех забрали,
 Остались одни наши.
 – Не в себе, ты сказал? – Не в себе, конечно:
 В тебе и во мне, в тебе и во мне.
 ... Я помню море, полуистлевший стяг,
 Вообще романтика такая,
 Над крепостью: он бьётся, бьётся, бьётся.

---

* Есть люди, обладающие дурной привычкой неверно прочитывать вывески, заголовки и надписи на заборе, например, *бестиарий* вместо *бар-ресторан* или вместо *казино «Панда»* – сами знаете что. *Большой вкус колумбийского неба* – это искаженный рекламный слоган «Божественный вкус колумбийского кофе», что, правда, никак не влияет на содержание пьесы.

Они похожие на нас но совершенно не такие
 Они почти уже везде они нигде нигде нигде
 Они начало и конец у них чего-то не хватает
 Мин херц, как вышла Афродита
 Но нет они не та они не те
 И по камням – вверх! По камням – вверх!

—
 /reggae/

Когда взойдёт великая Луна,
 Мы позабудем наши имена,
 И ша-ла-ла, и прочие дела,
 Та-там, та-там.
 То здесь, то там. Я собираю вещи, comin' thru the nite.
 Я собираю вещи, comin' thru the nite.
 В небе звёздочка горит, сам с собою говорит.
 – Человек ли ты? – Конечно же, nicht и пуэт;
 Здесь ни одна собака не застит свет,
 Здесь вдоль обочин земля, трава и цветы,
 Я со своим народом, ты со мною на "ты".
 Рэггэй – как надоела эта земля!
 Чужая земля, где нет незаёмных мелодий;
 Будь верховой или пеший – под утро сигналият костры,
 Соблюдают медленный шаг. Вот так.

Где же ты, где ты, где ты, родная страна,
 Где же ты, где ты, где, кому ты нужна;
 О, всё, что нужно мне,
 Пускай его сгорает, сгорает на медленном огне.
 Пускай его сгорает, здесь и там, comin' thru the nite,
 Здесь и там, comin' thru the nite, waitin' occupate.

—
 И вера здесь давным-давно чужая,
 И кружится мелодия простая,
 А Сан-Франциско слишком далеко.
 Быть может, если долго на Восток,
 То попадешь в конце концов на Запад,
 А может, врут. Быть может, он давно уже не круглый,
 А плоский, этот шар, квадратный и цветной.
 Когда мы были молодыми,
 Мы шли вперед, и нами было всё,
 Мы шли вперед и, может быть, не возвращались,
 Мелодия вернёт тебя обратно,
 Мне тридцать, сорок лет. Я старый и больной.
 Мне не смешно. Я расскажу тебе о том,

Как кто-то рассказал тебе об этом
 (Что тоже кто-то где-то рассказал);
 Ах, всё пройдёт, закончится, продлится,
 Как тридцать, сорок лет тому назад,
 Когда, я точно знаю, где-то,
 Когда – не помню, где – не помню, но наверно
 Рассказывал... Напомни мне – о чём?
 Он рассказал. Едва ли ты запомнишь,
 Ведь памяти – увы – не существует,
 А в ФБР об этом знают всё.

**А
 Н
 Д
 Р
 Е
 Й**

Цветочный бес

Цветочные звёзды в тумане небес,
 Неузнанный город, оставленный лес,
 И жалобно кошка поёт,
 И белый кораблик плывёт.

**Ж
 Е
 Л
 Е
 З
 Н
 Я
 К**

Потеряна тропка на остров чудес,
 А волны гуляют – беснуется бес,
 С тоскою о кошке ревёт,
 Доплечь кораблю не даёт.

М
 О
 С
 К
 В
 А

И

✓ ✓ ✓

Л

Экстремальный мужчина Могутин
говорит на чужом языке:
этот путь был и долог и труден
а теперь я маңда в колобке.

б

Я забыт в средоточии мира,
как замёрзшая летом вода,
и звучит моя бедная лира,
оставляя следы иногда.

я

Я очнулся в неправильном лесе,
не достался детям из TV,
мои дыры сквозь кожу из жести
разрастаются в лоно любви.

К

Я как слоган рекламный опознан
и лечу поперёк волокон
по ветвящихся строчек полоскам
к бифуркациям с тайным зрачком.

у

По-над ёжиком, скрытым в тумане,
между соснами нервных времён
ящер-цыпочка с дилдой в кармане
входит в темень, как message в аксон.

К

Переходят границу двустволки,
ёжик снова с тропинкой на «вы»,
и с Могутиным белки и волки
говорят замираньем травы:

у

*я забыт в средоточии мира,
как замёрзшая летом вода,
и звучит моя бедная лира,
оставляя следы иногда.*

Л

И

М
О
С
К
В
А

Н

а

Из цикла «ПЕСНИ СЕВЕРНЫХ ЮЖАН»

Муж

р

Ну он пришёл, а там, того, они.
 Кагор за шторкой, кружевной чулок.
 Она такая, пальцем помани.
 И этот привалился как сурок.
 А на балконе, ух, сиренный дух,
 Шезлонг отвис как челюсть! А герань!
 Он обещался, что не раньше двух.
 Да ведь куда ж ещё в такую рань.

и

я

А там – синё, не продохнуть, ни зги.
 Под свежим лаком ногти у ноги.
 У ножки стула сигареты Кент.
 И мы, решительные, как момент.
 А между нас как дать промежду глаз,
 Какой-то странный движется мороз,
 Как бы с утра сентябрь и первый в класс
 И гладиолус в человечесий рост.

с

т

е

А те уже, а те ещё в раю.
 Лишь тусторонний этот холодец,
 И сквозь него чужую как свою
 Прижал и спит какой-то молодец.
 Да солнце третьим просится в кровать.
 Да пышет – не любовью, не духой,
 Не разберёшь, пока ещё бухой,
 Но непременно надо убивать.

п

а

Он выдохнул, вдохнул и снова вы-.
 Он выдохнул, и он занёс топор
 Сперва пониже первой головы.
 И тут топор упёрся во упор.
 И тут я эту дымку просчитал,
 Она не зря, она не камуфляж...
 И вновь металл нацелился в металл
 Без результата: заискрило аж.

н

о

Он зубом грыз и бил в неё рукой
 При том же результате никакой.
 Потом устал и взялся за ребро,
 И стал его рукою растирать,
 И стал искать по дому серебро,
 Каким бывает нечисть убирать.
 А пушку я ему не предложил,
 Поскольку этой пушкой дорожил.

в

а

 М
 О
 С
 К
 В
 А

И он его нашёл, фруктовый нож,
Старинный, при узоре, красота,
А эти так и спали без одёж,
Выпячивая нежные места,
У ней и так особенная стать,
Душечувствительная, как романс.
И тут он начал этот кисеанс
Как яблоко на ломтики кромсасть.

Он серебром работал как штыком,
Туманные висели лоскуты
Над мужиком, с которым я знаком,
С которым ночь закручивал болты.
Но он ревьёт, как витязь под бугром,
И колет, рубит, режет серебром,
И пар валит, и стужа, как во льду.
И тут я понял, что сейчас взойду.

Короче: спят надёжно, как запой,
Сияя белой голой скорлупой.
У ножки стула сигареты Кент,
Но нету спичек, чтобы закурить.
Плюс, в виде лент, снежинок и флажков
Нарезана, порхает эта муть
Над головой, над бедной головой,
Свидетельницей жизни половой!

Вот тут примерно я закрыл глаза.
На слух пошло значительно скушней.
Потом открыл. А он уже сидел
У той же стенки, тоже привалясь,
Наверное, я что-то пропустил.
Сияло солнце. Расточилась мгла.
Любовники давали храпака.
Он был вот здесь, и весь он был как воск,
Когда тогда приехал перевозк.

Летчик

Когда он вернулся оттуда, куда,
Во сне он кричал и бомбил города,
И духи казались ему,
Курить он вставал, и окно открывал,
Совместные тряпки лежали внавал,
И я в темноте собирала суму,

Но это ещё ничего.

Копать приусадебный наш огород,
Семейного рода прикорм и доход,
Не стал он и мне запретил.
Не дал и притрагиваться к овощам.
Отъелся, озлел, озверел, отощал
И сам самокрутки крутил.

Но жизнь продолжала себя.

Когда ж он вернулся оттуда, куда
Гражданского флота летают суда,
С заоблачных небесей,
Когда он вернулся оттуда совсем,
Как дети, которые мамку сосём,
Мы были беспомощны все.

Но это ещё ничего.

А там, высоко, за штурвалом поют,
Летя стюардессы вино подают,
Тележки катят по рядам,
А мой наверху не в порядке жильца,
А сам опирался на плечи Отца,
И этого я не отдам.

А жизнь продолжала себя.

Когда ж он вернулся оттуда навек,
Безвольного неба спустой человек,
Таинственный, как чемодан,
Мы вышли служебным в погожую ночь,
Сынок на руках и около дочь.
И бил он меня по мордám.

Но это ещё ничего.

Как влажный румянец при слове любовь,
Скользил по лицу его взгляд голубой,
Пока он меня обижал.
И всей родословной мы сели в газон
И видели зарево, где горизонт,
Где всё не тушили пожар.

И жизнь продолжала себя.

Неделю он пил, как слезу, со слезой.
Кому-то грозил, кому-то «Слезай!»

Держась хрипел за живот.
Потом же притих и тихо сказал,
Что там, наверху, – не глядя в глаза, –
Небесная Дочка живёт,

И дочка и бабка она и жена,
И как под одеждой она сложена,
И я бы простила враньё,
Но очень уж тщательно он описал
Её равнодушные, как небеса,
Бесцветные очи её.

Впервые он видел её, говорил,
Когда городок белоснежный горел,
Но мы завершали маршрут,
И в синенькой юбке и белом платке
Она протянулась в глухое пике
Раскрыть надо мной парашют.

Добавил: её на рассвете видней.
Всегда пионерская форма на ней.
Иссиняя лента в косе.
– И он захрапел, и проснулся домок,
Отныне пустой, хоть не вешай замок,
Поскольку гуляли на все.

А я, у меня ничего своего,
Но эта астральная сучка его,
Воздушный его комиссар,
Ответит, ответит за каждый вираж
И вспомнит погибший его экипаж
И что там ещё предписал!

А всё изменилось. И жизнь зажила,
Как будто светла и прозрачней стекла
И ей ничего не должны.
И мой постоял, огляделся окрест
И стал контролёром за честный проезд
На транспортных средствах страны!

Но только однажды вернулся чужим,
Попрежним, и в голосе тот же нажим,
И, глядя мне близко в лицо,
Сказал, что земное постыло ему:
Небесная Дочка предстала ему
В троллейбусе, где Кольцо.

И лёг на кровать он, и стал умирать,
Невидимый пух с простыни обирать,
И умер, пока без ума,
Крича, я бежала купить корвалол
И вижу: троллейбус по кругу пошёл,
А в первом окошке – Сама.

Была пионерская форма на ней.
Она покраснела до самых корней.
Слегка наклонилась в окне
И страшно в моих зашумела ушах,
Но к ней на подножку я сделала шаг,
И суд заседают по мне.

... Простите ж меня, хоть прощения нет,
За гибель девчонки двенадцати лет,
Невинно пропавшей за то,
Что в бездне бездушной, как рыба в ухе,
Небесная Дочка живёт во грехе,
А с кем – не узнает никто.

... А жизнь продолжает себя.

Жена

Есть в саду ресторанчик отличный.
Там обедает Лёлька одна.
Не придёт к ней парнёк симпатичный,
Потому что такового не.

А напротив простая пивная,
Где закуску едва подают.
Поразбавленное разливное
Там с утра жигулёвское пьют.

Ресторана в листве виноградной
Притаился балкон вырезной,
И сидит она в юбке нарядной,
В оплывающий глядячи зной.

И следит она за тротуаром,
Прикасясь рукою к серье.
В это время выходит недаром
Из подвала поддатый Сергей.

Разглядев же его из укрытья,
Побросала купюры на стол
И с доселе невиданной пръпью
Побежала и крикнула: стоп.

А Сергея как током прошло.
Но едва он подумал «ого»,
Как вильнула большая машина
И с асфальта слизнула его.

А когда над больничной палатой
Земляничный увидел закат,
Перепомнил, что вроде женатый
И костюмчики шил на заказ.

Что большие кредитные карты
Как игральные перебирал,
Отвечал за товар из Джакарты,
Эшелоны гонял за Урал.

Но в итоге непрожитой жизни
Он не мог в этот вечер понять,
Что́ на нём за китайские джинсы
И рубашку пора менять.

В незапамятных снах настоящих
Появлялся наверняка,
Что грузили за ящиком ящик
И с ребятами брали пивка.

Как спалось у Тамары в подсобке,
Где гоняли дурного кина.
Да ещё – про манчжурские сопки
Незабвенная песня одна.

Словно близко приставленный видик
Он смотрел, как в туман на воде,
И не знал, он Сергей или Вадик,
Где родился и умер ли где.

Закричал, подошли, укололи,
Полдороги проделали в рай...
Но маячит душистая Лёля
И садится постели на край.

И молчит она. И печально,
Выразительно смотрит в лицо.
А на пальце у ней обручально
Из простого металла кольцо.

Тут больной, возлежащий в покое,
Замечает на пальце своём

Совершенно колечко такое,
Но немножечко больше в объём.

Говорит ей тихонечко: Лёля, –
Со значением глядя в глаза,
Призакрывшиеся от боли,
А пониже катится слеза.

И не зря. Потому что в палату
Заспешили, как стадо копыт,
Парикмахеры в белых халатах,
Словно он несознательный спит.

А когда их толпа поредела,
Как бы несколько отвлеклась,
То жена на него поплядела
И сама от него отреклась.

Не вела она долгих дискуссий.
Не ломала, прекрасная, рук.
Кто такой, говорит, я не в курсе,
Только мне, говорит, не супруг.

Подурнела. Ещё подурнела.
Постояла, держась за серьгу,
И ушла от неправого дела,
Спотыкаясь на каждом шагу.

С тех-то пор, как в испорченный видик,
Он чудные картинки глядел
И не знал, он Сергей или Вадик
И куда, и зачем угодил.

Как его называется фирма,
Сколько денег у Томи в чулке,
Позачем белоснежная форма
И палатная дверь на замке.

Без шнурков под кроватью кроссовки.
Медсестричка украшена хной.
И, редая, манчжурские сопки
Однозвучно встают по одной.

И не спорил он со врачами.
И считал он те сопки ночами.
Много лет спустя, по весне,
Он заснул и умер во сне.

ГОРОД ЗОЛОТОЙ

1. Учитель и ученица. Он – средних лет, русые волосы, твидовый костюм в крупную коричневую клетку. Она – возраста старшей школьницы или младшей студентки, очень подвижна, всё время урока сгорает от любопытства; платье с передником.

2. Предмет. Они проходят историю большой страны на Евразийском материке. Двигаясь в хронологическом порядке, в конце предыдущего урока они оставили страну в трудной ситуации. Страна в войне: немецкие оккупанты захватили до четверти территории. Правительство крайне непопулярно. Наиболее влиятельная оппозиционная партия запрещена и вынуждена действовать в подполье. Симпатичная руководительница этой партии согласно одним слухам – ранена, согласно другим – арестована.

3. Макет. На каждом уроке перед ними стоит модель ландшафта, имеющего отношение к теме: то это замок на холме, то поле битвы с кустарником и ручьем, то застроенный центр столицы. Сегодняшний макет изображает здание в форме игральной кости на поле из синего оргстекла. То ли изготовитель макета имел в виду, что оргстекло изображает бетонную площадку, то ли луг с травой и цветами, – непонятно.

4. Диалог.

– Может быть, это тюрьма, в которой держат руководительницу восстания?

– Нет.

– Может быть, это больница, где ее прячут и лечат?

– Нет.

– Может быть, она умерла, но восстание победило, и это ее мавзолей – недаром по форме здание напоминает другой женский мавзолей, Тадж-Махал?

– Нет.

– Но победила ли оппозиция?

– Нет.

– Тогда осталось то же правительство?

– Нет.

– Значит, всё-таки войну выиграли немцы?

– Нет.

– Что же произошло?

– Ничего не произошло.

– Но что же было дальше?

– Ничего. Всё кончилось.

– Что кончилось?

– Всё.

ПРОЕКТ ЛИТЕРАТУРНОГО ЖУРНАЛА В ИНТЕРНЕТЕ

*Последовательность романсов,
чередующихся с чем-то иным*

И.Кукулину, Ст.Львовскому

1.

никогда никому не буду звонить
никогда ни с кем не буду говорить
никогда не буду собою быть
буду быть вне зависимости от себя
где-то там витать где-то там
проволочный нимб теребя
отдаваясь деревáм и цветам

никогда никому не буду звонить
никогда ни с кем не буду говорить
никогда не буду собою быть
буду бегать по проводам налегке
с полиэтиленовым пакетом в руке
знаешь что там пидорас?
неприкосновенный запас

2.

мой провайдер живёт глубоко-глубоко под землёй
он никогда не выходит на поверхность и занимается хуйнёй

моего провайдера зовут фредди крюгер
у него выпали зубы волосы отсохли ноги руки

моему провайдеру снятся гельман и гуцин
он кричит от ужаса просыпается взглядом передвигает вещи

в моего провайдера вселяются духи тьмы
некоторые из них это мы

моим провайдером каждый раз оказывается кто-то другой
но ты любезный читатель за это меня не ругай

о моём провайдере скажут через тысячу лет
как обидно что не сохранились сервер его и скелет

3.

редактор возвращающийся домой
похож на сурка нет суслика
столбиком стоит у светофора
говорит: соблюдай
взаимообразность и соблюдает
если на инертном газике
демон максвелла едет едет
два колеса крутящиеся быстрее в одну
сторону два других в другую
о если бы это литературный процесс был
можно было бы быть более толерантным
не говорить тому кому и так не говоришь
но и про себя про себя мысленно
так сказать не делать этого никогда
или же по особой необходимости например
здесь на пересечении двух теней
или трёх вот там

4.

ещё могу заметить
что не могу не заметить
как всё это меняется
а вы дураки этого не замечаете
ты есть вы дураки это замечаете
но вы-то как раз и не дураки
мне вас ругать не с руки
ваши тела легки
ваши лики базилевсоподобны
иными словами божественность ваша налицо

5.

никогда никому не буду звонить
никогда ни с кем не буду говорить
никогда не буду собою быть
ах любезный читатель это только слова
чем только не полнится моя голова
опустошу её наполовину едва-едва
и снова слова и слова и слова

никогда никому не буду звонить
никогда ни с кем не буду говорить
никогда не буду собою быть
буду быть таким как мой друг гайдук
правдой сохранённой на диске C:
с косичкой в мозгу и светом в конце
имя моё www.izvinite.ru

6.

станем же азиатами уедем все в казахстан
вопреки энтропии и блок-постам
а если кузьмин скажет что рифма плоха
я не буду любить свои потроха
митя не обижайся

или поедем в питер торговать кислотой
восхищаться голынок-вольфсоном накрываться пиздой
а если вам не нравится слово пизда
не общайтесь со мной никогда
это шутка

будем любить только литературу
будем печатать только себя
будем любить только животных
буде печатать только себя
будем любить только мотыгу
будем печатать только себя
будем любить только интерлиньяж
будем печатать только себя

7.

никогда никому не буду звонить
никогда ни с кем не буду говорить
никогда не буду собою быть
буду в ухо иметь слуховой аппарат
буду в спину иметь во-от такой автомат
помнить буду только о пыли
мой провайдер не будет мне брат

никогда никому не буду звонить
никогда ни с кем не буду говорить
никогда не буду собою быть
никогда не буду глаза закрывать
буду только телевизор смотреть
или такую песенку петь

никого не будет в доме
кроме кроме кроме кроме
кроме вани одного
ах за что вы так его

Д

М

И

Т

Р

И

Й

К

У

З

Б

М

И

Н

✓ ✓ ✓

По выбоинам местного проезда
осторожно, припадая поочерёдно
на все четыре колеса, пробирается
к пятиэтажкам «скорая»...

По обеим сторонам проспекта
огромные рекламные щиты
призывают уплатить налоги –
из каких денег иначе
оплачивать эти щиты?

Братья и сёстры!
Извините, что к вам обращаюсь я, друзья мои!
Сами-то мы местные,
да уж как-то прижились на вокзале...

✓ ✓ ✓

Молодая мама в дублёнке
с каштановыми волосами, присобранными на уровне шеи
делает глоток
какого-то красноватого морса
из высокой бутылки с широким горлом
осталось на доньшке
поезд качается
морс проливается
на остренький подбородок
на ворот светлого свитера
хорошо – дочка не видит
влипнув носом в чёрное стекло:
до чего длинные –
вот обовьётся такая
и ка-ак задушит!

Рыжий мальчик в смешном
заношенном стоячем колпачке,
хвост перехвачен ядовито-розовой
девчоночьей резинкой,
огромной смугловатой лапицей
бережно переворачивает страницу
какой-то фэнтези.

Тётка с торчащими изо рта зубами
и углами глаз, прорисованными чуть не до ушей,
говорит другой: «Не буду садиться,
мне в шубе жарко будет,
там ещё столько всего надето».

М
О
С
К
В
А

Пацан лет двенадцати
прислонившись к надписи «Не прислоняться»
гоняет леденец от щеки к щеке
белая пластиковая палочка ёрзает во рту
крутая кожанка висит, доставшаяся от старшего брата

Риторика

Скашивая взгляд
от обзорной статьи
по новейшим течениям мирового трансавангарда
блёклым петитом
в альманахе «Ойкумена»,
издающемся в Калининграде областном
тиражом 250 экземпляров,
выхватываю отдельные фразы
из дневника,
что ведёт в продолговатом блокноте с ярко-синей обложкой
юноша лет девятнадцати
с наушником от плеера в правом ухе,
короткой высветленной до песчаного цвета стрижкой
и длинными тёмно-зелёными манжетами,
торчащими из рукавов пиджака:

«самый важный день»

«обменялись кольцами»

«приятно»

«отныне»

Памяти Андрея Сергеева

Хорошо быть живым
Злиться на мента: тормознул почем зря
лезть за паспортом
выронить проездной и презерватив

Хорошо быть живым
завернуть в Макдональдс
взять смородиновый пирожок
раз вишнёвый надо ждать

Хорошо быть живым
не понравиться себе
в синеватой витрине

Господи, помоги
 миновать перекресток на подходе к метро
 останови над горизонтом
 злое алое солнце светофора
 вели расступиться
 потоку машин

✓ ✓ ✓

каждый день думаю надо навестить
 завтра может быть поздно уже восемьдесят шесть
 каждый день звонит маленький спрашивает когда
 я знаю как темнеет его взгляд если сказать нет

последнего кузена схоронила год назад
 семейная легенда говорит звездой сцены до войны
 с маленьким удобно стрелку в макдональдсе вид на МИД
 ему с работы потом мимо её дома в Каменной слободе

нашлась открытка Фрида с Изей из Рузы и там Яша Зак
 подумать только никого пора продать кое-что из нот
 маленький мне тишком под майку нащупывает сосок
 лишний миг урвать не веря что не уйду

✓ ✓ ✓

в телерепортаже
 о жертвах чеченской войны
 кадры в госпитале
 мальчику лет тринадцати
 оторвало ноги выше колен
 седая расхристанная мать
 откидывает одеяло
 перед камерами
 культы слишком короткие
 открывается низ живота
 с лоскутом бинта
 наброшенным между ног
 сбившимся набок
 уже которая группа снимает
 камера едет вдоль тела вверх
 мальчик глядит растерянно
 мимо зрителя
 мимо меня

ПОЭЗИЯ

ПРОЗА

О

Полина Барскова (<i>СПб-Беркли</i>) ДК	5
Анастасия Трубачева (<i>Москва</i>) ДД	9
Станислав Львовский (<i>Москва</i>)	12

Д

Ольга Зондберг (<i>Москва</i>)	21
Ника Скандиака (<i>Нью-Йорк</i>)	25
Максим Волчкевич (<i>Москва</i>)	28
Людмила Тучина (<i>Москва</i>)	29
Александр Сорока (<i>Москва</i>)	30

Е

Павел Розанов (<i>Новосибирск</i>)	31
Илья Оганджанов (<i>Москва</i>)	33
Елена Сазина (<i>Халле</i>)	34

Р

Виталий Лехциер (<i>Самара</i>) ДК	35
Николай Винник (<i>Москва</i>) ДД	37
Андрей Шляхов (<i>Санкт-Петербург</i>)	38
Сергей Тимофеев (<i>Рига</i>)	39

Ж

Евгений Лебедев (<i>Таллинн</i>)	46
Екатерина Живова (<i>Москва</i>)	48

А

Полина Андрукович (<i>Москва</i>)	50
Галина Зеленина (<i>Москва</i>)	54
Елена Костылева (<i>Москва</i>)	58
Яна Токарева (<i>Москва</i>)	62

Н

Яна Вишневская (<i>Москва</i>) ДК	63
Екатерина Ваншенкина (<i>Москва</i>) ДД	68
Наталья Черных (<i>Москва</i>)	73
Сергей Мошковский (<i>Москва</i>)	76

И

Евгений Ракович (<i>Иерусалим</i>)	77
Николай Звягинцев (<i>Москва</i>)	78
Марина Мальцева (<i>Орел</i>)	81
Сергей Шелоков (<i>Самара</i>)	82
Кристина Червенка (<i>Саратов</i>)	84

Е

Роман Карнизов (<i>Воронеж</i>) ДК	85
Алексей Шепелёв (<i>Тамбов</i>) ДД	92
Валентин Дьяконов (<i>Москва</i>) ДД	95
Григорий Кацнельсон (<i>Санкт-Петербург</i>)	96
Игорь Лунёв (<i>Санкт-Петербург</i>) ДК	97
Юзя Леськина (<i>Энгельс</i>)	100

Филипп Минлос (Москва)	102
Дмитрий Черный (Москва)	105
Александр Дашевский (Тель-Авив)	108
Вадим Волков (Харьков)	113
Андрей Нечаевский (Донецк)	114
Федор Францев (Москва)	117
Иван Марковский (Москва)	118
Константин Рубахин (Воронеж) ДК	122
Андрей Родионов (Москва) ДД	125
Сергей Соколовский (Москва)	127
Максим Скворцов (Москва)	132
Дарья Суховой (Санкт-Петербург)	136
Кирилл Медведев (Москва)	139
Андрей Сен-Сеньков (Борисоглебск)	146
Маргарита Меклина (Сан-Франциско) ...	151
Андрей Поляков (Симферополь)	154
Дмитрий Шукуров (Иваново)	156
Илья Сирен (Москва)	159
Сергей Зхус (Москва)	160
Вячеслав Гаврилов (Москва)	161
Александр Иличевский (Москва) ДК	163
Сергей Михайлов (Калининград) ДД	166
Вадим Шлыков (Москва)	169
Андрей Филимонов (Томск)	170
Татьяна Данильянц (Москва)	175
Дженни Курпен (Москва)	177
Анна Глазова (Чикаго)	178
Юрий Цаплин (Харьков)	181
Александр Вознесенский (Москва) ДД	185
Мария Кильдибекова (Москва)	186
Ольга Гребенникова (Фергана) ДК	187
Алексей Цветков-мл. (Москва)	190
Ирина Шостаковская (Москва)	196
Андрей Железняк (Москва)	200
Илья Кукулин (Москва)	201
Мария Степанова (Москва)	202
Алексей Верницкий (Колчестер)	209
Данила Давыдов	210
Дмитрий Кузьмин	213

ИЗДАТЕЛЬСТВО "АРГО-РИСК": СЕРИИ МАЛОТИРАЖНЫХ ИЗДАНИЙ

◆ «EX UNGUE LEONEM»

- Генрих Сапгир.** Любовь на помойке: *Стихи.*
Михаил Айзенберг. Пунктуация местности: *Стихи.*
Дмитрий Авалиани. Пламя в пурге: *Тексты.*
Дмитрий А. Пригов. Запредельные любовники: *Тексты.*
Николай Байтов. Четыре угла: *Рассказы.*
Лев Рубинштейн. Вопросы литературы.
Светлана Кекова. По обе стороны имени: *Поэма.*
Михаил Еремин. Стихотворения.
Андрей Сергеев. Розы: *Поэма.*
Владимир Аристов. Частные безумия вещей: *Стихи.*

◆ «Библиотека молодой литературы»

- Николай Звягинцев.** Спинка пьющего из лужи: *Стихи.*
Полина Барскова. Раса брезгливых: *Стихи.*
Сергей Мэо. Журчанье и писк: *Проза и стихи.*
Всеволод Зельченко. Из Африки: *Стихи.*
Андрей Сен-Сеньков. Деревце на склоне слезы: *Стихи, визуальная поэзия.*
Марина Сазонова. Сказки, истории, притчи.
Станислав Львовский. Белый шум: *Стихи.*
Александр Суриков. Тако-диноко: *Стихи, поэма.*
Александр Анашевич. Столько ловушек: *Стихи.*
Дмитрий Соколов. Конверт: *Стихи.*
Ольга Зондберг. Книга признаний: *Стихи.*
Данила Давыдов. Опыты бессердечия: *Книга прозы.*
Филипп Минлос. Да нет: *Стихи, поэма, танки.*
Дмитрий Черный. Выход в город: *Стихи.*
Геннадий Минаев. Телодвижения: *Стихи.*
Олег Пашенко. Узелковое письмо: *Стихи, проза. – Готовится.*

◆ «Тридцатилетние»

- Леонид Костоков.** Он приехал в наш город: *Проза, стихи, эссе.*
Олег Рогов. Свойства розовой глины: *Стихи.*
Александр Скидан. В повторном чтении: *Стихи.*
Сергей Завьялов. Мелика: *Вторая книга стихов.*
Игорь Жуков. Мемориал А.И.Свидригайлова: *Малая проза.*
Дмитрий Голынкин-Вольфсон. Директория: *Стихи. – Готовится.*

◆ «Книги из Сети»

- Сергей Бойченко.** 100 строк из 100 стихотворений э.э.каммингса.
Арсений Ровинский. Собираательные образы: *Стихи.*
Алексей Денисов. Нежное согласное: *Стихи.*

НАШИ ПРОГРАММЫ В ИНТЕРНЕТЕ

- <http://www.vavilon.ru/lit/> **Литературная жизнь Москвы**
(план литературных вечеров на текущий месяц, хроника литературной жизни с декабря 1996 г.)
- <http://www.vavilon.ru/texts/> **Тексты и авторы**
(антология современной русской литературы в Сети: более 80 поэтов, прозаиков, эссеистов со всего мира)
- <http://www.vavilon.ru/metatext/> **Журналы, альманахи, книжные серии**
(электронные версии "Вавилона", "Митинского журнала", "Постскриптума", "Соло", "Черновика" и других изданий)
- <http://www.vavilon.ru/textonly/> **Журнал "TextOnly"**
(ежемесячное Сетевое литературное издание)

НАШИ ПАРТНЕРЫ В ИНТЕРНЕТЕ

- <http://rating.rinet.ru/> **РЛС – Рейтинг литературных сайтов**
(профессиональная экспертиза ресурсов русского литературного Интернета)
- <http://rating.rinet.ru/ulov/> **Сетевой литературный конкурс «Улов»**
- <http://www.friends-partners.org/~alexey/> **Молодая русская литература**
(начинающие и малоизвестные авторы в перспективе актуального литературного процесса)

СТРАНИЦА ИЗДАТЕЛЬСТВА "АРГО-РИСК"

<http://www.vavilon.ru/lit/office/argorisk.html>

КОНТАКТЫ
info@vavilon.ru

Подписано в печать 24.05.2000.
Тираж 500 экз. Формат 60×84/16.
Гарнитура Ариал. Печ.л.13,75.
Издательство АРГО-РИСК
117279 Москва до востребования
Банге А.А.
Заказ 150
Типография Россельхозакадемии.
Москва, ул.Ягодная, 15.

